

Koinon

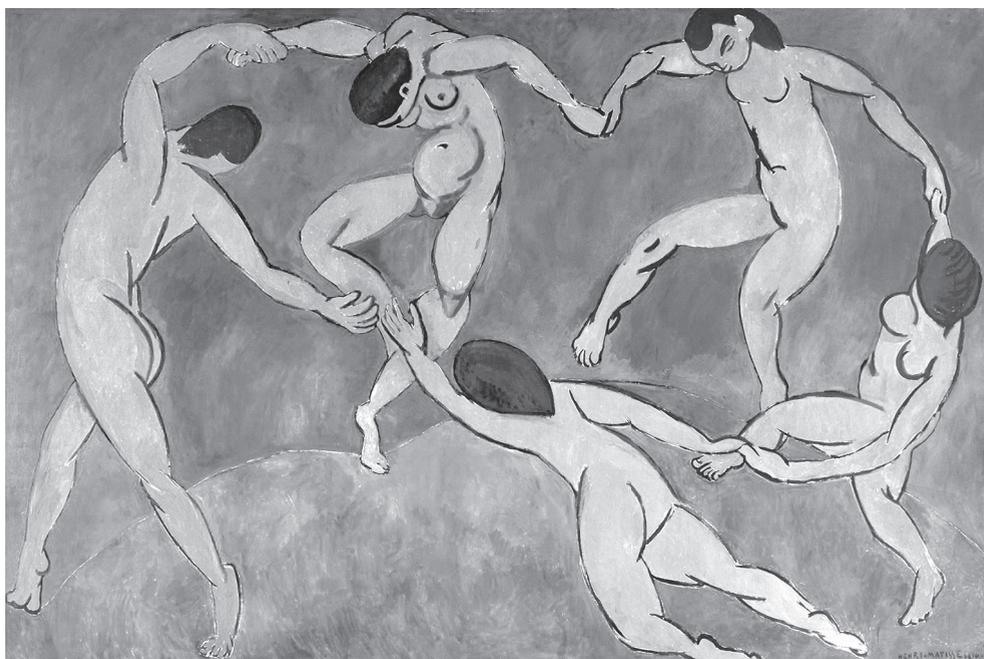
Vol. 2 | No. 2 | 2021

Henri Émile Benoît Matisse La Danse

Koinon

Vol. 2 | No. 2 | 2021

В оформлении обложки использовано изображение панно А. Матисса «Танец»

Матисс, Анри. 1910. Холст; масло. 391×260 см. Инв. № ГЭ-9673

© Succession H. Matisse

© Фото: Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. В. С. Тербенин

KOINON

Журнал основан в 2020 г.
Выходит 4 раза в год

Established in 2020
Frequency of publication: quarterly

Учредитель — Уральский федеральный
университет имени первого Президента
России Б. Н. Ельцина (УрФУ)
620002, Свердловская обл.,
г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Publisher: Ural Federal University
named after the first Russian President
B. N. Yeltsin (URFU)
19 Mira St., Yekaterinburg,
Sverdlovsk reg., Russia, 620002

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020

Certificate of Registration
PI No FS77-78124 of 13.03.2020

«Koinon» — рецензируемый научный журнал, обращенный к философским и социально-гуманитарным аспектам феномена человеческой совместности, и свою основную задачу издание видит в объединении усилий российских и иностранных философов, социологов и политологов в области анализа совместной жизни людей. В журнале публикуются соответствующие тематике издания материалы (научные статьи, переводы статей, аналитические обзоры, рецензии) на русском, английском, немецком, французском, испанском и итальянском языках. Приоритетными для журнала являются статьи, содержащие итоги научных исследований. Подробная информация об издании и требования к оформлению присылаемых рукописей размещены на сайте журнала: <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Koinon is a peer-reviewed scientific journal that addresses philosophical and socio-humanitarian aspects of the phenomenon of human jointness. Its key objective is to promote the synergy of efforts of Russian and foreign philosophers, sociologists and political analysts in the field of analyzing people's life together. The journal publishes materials (scientific articles, translations of articles, analytical surveys, and reviews) within the scope of the publication. The journal prioritizes papers containing the results of scientific research. The detailed information about the publication and requirements for the design of submitted manuscripts can be found on the journal's website <https://journals.urfu.ru/index.php/koinon>

Адрес редакции: Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 319
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2021

Editorial office address: 51 Lenin Ave.,
room 319, Yekaterinburg, 620000, Russia
E-mail: koinonjournal@mail.ru

© Ural Federal University, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор, научный редактор по социологии — **А. В. Меренков**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Заместитель главного редактора, научный редактор по философии — **Л. А. Закс**, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет, Гуманитарный университет)

Научный редактор по политологии — **В. И. Михайленко**, докт. ист. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Ответственный редактор — **Н. В. Суслов**, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Секретарь редколлегии — **Т. М. Аболина**, канд. филол. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Члены редколлегии

Н. Л. Антонова, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Е. В. Грунт, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Я. В. Дидковская, докт. социолог. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. А. Керимов, докт. полит. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Т. Х. Керимов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

А. Г. Кислов, канд. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. А. Комлева, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Центр геополитического анализа Академии геополитических проблем)

Ю. Г. Коргунок, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Институт научной информации по общественным наукам)

Т. А. Круглова, докт. филос. наук, доц. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

Н. С. Ладьянец, докт. филос. наук, проф. (Россия, Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Е. Н. Лисанюк, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

С. Лисица, докт. социологии, проф. (Израиль, Ариэль, Ариэльский университет)

П. Нелье, докт. политологии, проф. (Италия, Триест, Триестский университет)

Э. А. Паин, докт. полит. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

А. В. Перцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

В. Н. Руденко, академик Российской академии наук, докт. юрид. наук, канд. филос. наук, проф. (Россия, Екатеринбург, Институт философии и права УрО РАН)

М. Шувакович, докт. философии, проф. (Сербия, Белград, Белградский университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. Г. Асмолов, академик Российской академии образования, докт. психол. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Е. В. Борисов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Новосибирск, Институт философии и права СО РАН)

Д. В. Зайцев, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Московский государственный университет)

Р. Кампа, докт. социологии, проф. (Польша, Краков, Ягеллонский университет)

М. Липовецкий, докт. филологии, проф. (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет)

И. Б. Микиргумов, докт. филос. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

О. В. Попова, докт. полит. наук, проф. (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

А. М. Руткевич, докт. филос. наук, проф. (Россия, Москва, Высшая школа экономики)

Г. Саймонс, докт. политологии, проф. (Швеция, Уппсала, Уппсальский университет)

С. Ушакин, докт. философии, проф. (США, Принстон, Принстонский университет)

С. А. Шаронова, докт. социолог. наук, доц. (Россия, Москва, Российский университет дружбы народов)

М. Ямпольский, докт. искусствоведения, проф. (США, Нью-Йорк, Нью-Йоркский университет)

THE EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief, science editor in sociology — **A. V. Merenkov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Deputy Editor-in-chief, science editor in philosophy — **L. A. Zaks**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, University for Humanities, Yekaterinburg, Russia)
- Science editor in political science — **V. I. Mikhailenko**, D. Sci. (History), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Executive editor — **N. V. Suslov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Secretary of the editorial board — **T. M. Abolina**, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- The editorial board members**
- N. L. Antonova**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- Ya. V. Didkovskaya**, D. Sci. (Sociology), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- E. V. Grunt**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. A. Kerimov**, D. Sci. (Political Sciences), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- T. Kh. Kerimov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- A. G. Kislov**, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. A. Komleva**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Geopolitical Analysis Centre of the Academy of Geopolitical Sciences, Yekaterinburg, Russia)
- Yu. G. Korgunyuk**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (Institute of Social Sciences Information, Moscow, Russia)
- T. A. Kruglova**, D. Sci. (Philosophy), Associate Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- N. S. Ladyzhets**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
- E. V. Lisanyuk**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- S. Lissitsa**, D. Sci. (Sociology), Professor (University of Ariel, Israel)
- P. Neglie**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Trieste, Italy)
- E. A. Pain**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- A. V. Pertsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
- V. N. Rudenko**, Academician of the Russian Academy of Sciences, D. Sci. (Law), Cand. Sci. (Philosophy) (Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia)
- M. Šuvaković**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Belgrade, Serbia)

THE EDITORIAL COUNCIL

- A. G. Asmolov**, Academician of the Russian Academy of Education, D. Sci. (Psychology), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)
- E. V. Borisov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the RAS, Novosibirsk, Russia)
- R. Kampa**, D. Sci. (Sociology), Professor (The Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- M. Lipovetsky**, D. Sci. (Philosophy), Professor (the University of Columbia, New York, the USA)
- I. B. Mikirtumov**, D. Sci. (Philosophy), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- O. V. Popova**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (St.-Petersburg State University, St.-Petersburg, Russia)
- A. M. Rutkevich**, D. Sci. (Philosophy), Professor (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)
- S. A. Sharonova**, D. Sci. (Sociology), Associate Professor (Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia)
- G. Simons**, D. Sci. (Political Sciences), Professor (the University of Uppsala, Sweden)
- S. Ushakin**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Princeton University, the USA)
- M. Yampolsky**, D. Sci. (History of Art), Professor (the University of New York, the USA)
- D. V. Zaitsev**, D. Sci. (Philosophy), Professor (Moscow State University, Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- Меренков А. В.* Конструирование «нового человека»: разрушение связей природного и социокультурного 7
- Закс Л. А.* Усталость от культуры как феномен социокультурной жизни: постановка проблемы и общая характеристика 23

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

- Носенко-Штейн Е. Э.* Тяжесть стигматов: репрезентация человека с ОВЗ в современной российской массовой литературе 48
- Скульмовская Л. Г., Антонова Л. Ю., Кудинова О. С.* Формирование информационно-коммуникационной культуры в современной цифровой среде 69

ИДЕИ ВРЕМЕНИ И ФОРМЫ ВРЕМЕНИ

Предтечи и пионеры современного искусства

- Хачатуров С. В.* Князь Владимир Федорович Одоевский — визионер contemporary art 84
- Липовецкий М.* Спектакли свободы. Перформативные практики позднесоветского андеграунда 106

В ФОКУСАХ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Молодежь, ее сознание и практики

- Дидковская Я. В., Вишневецкий Ю. Р., Попов Е. С.* Будущее для молодежи и молодежь о будущем: опыт социологического исследования студентов Екатеринбурга 142
- Никитина А. С.* Гражданское участие молодежи в местном самоуправлении 156

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЛАНЕТЫ: ЛЮДИ, СТРАНЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Концепции и дискуссии о мирном и немирном атоме

- Вольфсон С. В., Ганжа Д. В.* Атомная энергетика Тайваня: борьба мнений 170
- Малыгина А. А., Кулибаба Н. С.* Роль экспертного сообщества США в формировании политики снижения угрозы ядерной войны в годы холодной войны 186
- Михайленко Е. Б., Синицына Е. И.* Роль Конгресса США в определении политики в сфере контроля над ядерными вооружениями при администрации Дж. Байдена 205
- Pavlov A. Yu., Kamyssov M.* India-Pakistan Bilateral Nuclear Arms Control System and Its Practical Implementation: a Pakistani view 224

TABLE OF CONTENTS

CHALLENGES OF THE PRESENT IN THE OPTICS OF PHILOSOPHY, SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

<i>Merenkov A. V.</i> Constructing “a New Person”: Breaking the Links Between the Natural and the Sociocultural	7
<i>Zaks L. A.</i> Fatigue from Culture as a Phenomenon of Sociocultural Life: Problem Statement and General Characteristics.....	23

SOCIOCULTURAL PRACTICES, INSTITUTIONS, DISCOURSES, AND MENTALITIES: DYNAMICS AND EVOLUTION

<i>Nosenko-Stein E. E.</i> The Weight of Stigma: Representation of a Disabled Person in Russian Contemporary Mass Fiction	48
<i>Skulmovskaya L. G., Antonova L. Yu., Kudinova O. S.</i> Building an Information and Communication Culture in the Modern Digital Environment.....	69

IDEAS OF TIME AND FORMS OF TIME

Forerunners and Pioneers of Contemporary Art

<i>Khachaturov S. V.</i> Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky — Visionary of Contemporary Art.....	84
<i>Lipovetsky M.</i> Spectacles of Freedom. Performative Practices of the Late Soviet Underground.....	106

IN THE FOCUS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY

Youth, Youth Consciousness and Practices

<i>Didkovskaya Ya. V., Vishnevskiy Yu. R., Popov E. S.</i> The Future for Youth and Youth About the Future: The Experience of Sociological Research of Yekaterinburg.....	142
<i>Nikitina A. S.</i> Youth Civic Participation in Local Government	156

THE POLITICAL LIFE OF THE PLANET: PEOPLE, COUNTRIES, INTERNATIONAL RELATIONS

Concepts and the Debate on Peaceful and Non-peaceful Atom

<i>Volfson S. V., Ganzha D. V.</i> Nuclear Power in Taiwan: A Clash of Views	170
<i>Malygina A. A., Kulibaba N. S.</i> The US Expert Community’s Role in the Formation of Nuclear Risk Reduction Policy During the Cold War	186
<i>Mikhaylenko E. B., Sinitsyna E. I.</i> The role of the U.S. Congress in Determining Nuclear Arms Control Policy under the Biden Administration	205
<i>Pavlov A. Yu., Kamyssov M.</i> India-Pakistan Bilateral Nuclear Arms Control System and Its Practical Implementation: a Pakistani View	224

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ОПТИКЕ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.013
УДК 316.35 + 316.61 + 502:008 + 316.722

КОНСТРУИРОВАНИЕ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА»: РАЗРУШЕНИЕ СВЯЗЕЙ ПРИРОДНОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО

А. В. Меренков

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Происходящий в ряде стран мира пересмотр веками существовавшей культуры взаимоотношений между людьми при реализации сексуальных ориентаций и установок, потребностей в обеспечении расового равенства требует специального социологического анализа, так как затрагивает сотни миллионов людей. Предлагается изменить устоявшиеся представления о влиянии природы на поведение человека при общении с представителями другого пола, расы. В средствах массовой информации, в заявлениях политиков стала утверждаться идея об отказе называть людей, исходя из их принадлежности к мужскому или женскому полу. Он должен определяться не на основе видимых природных особенностей, а исходя из сконструированных новой гендерной культурой. Изменения в трактовках роли природного и социокультурного в отношениях между представителями разных рас выразились в 2020 году в появлении новых методов борьбы за равенство между белыми и чернокожими. Распространяется идеология расширения преимуществ афроамериканцев во всех сферах общественной жизни, «покаяния» белых за то, что среди их предков были рабовладельцы. В статье показано, что объединяет эти два процесса попытка пересмотреть роль природой заданных внешних отличий людей в формировании культуры взаимодействия

представителей двух полов, разных рас как в прошлом, так и в настоящее время. На основе анализа истории развития взаимоотношений между мужчинами и женщинами, людьми в зависимости от цвета кожи делается вывод, что индивиды принимают и реализуют те нормы, правила поведения, которые не ведут к насильственному подавлению того, что дано им природой. Политика конструирования нового человека, руководствующегося нормами культуры, принуждающей к полному отказу от того, что задано природой, а также было создано предшествующими поколениями, ведет к разрушению всей исторически сложившейся системы организации общественной жизни людей.

Ключевые слова: природа, культура, мужчина, женщина, гендерные различия, молодежь, конструирование человека, традиционная культура, связь природного и социокультурного.

Для цитирования: Меренков А. В. Конструирование «нового человека»: разрушение связей природного и социокультурного // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 7–22. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.013

CONSTRUCTING “A NEW PERSON”: BREAKING THE LINKS BETWEEN THE NATURAL AND THE SOCIO-CULTURAL

A. V. Merenkov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The revision of the centuries-old culture of relationships between people in the implementation of sexual orientations and attitudes, the needs for ensuring racial equality, which is taking place in several countries around the world, requires proper sociological analysis, as it affects hundreds of millions of people. Some propose to change the established ideas about the influence of nature on human behaviour when communicating with representatives of the other sex, race. In the mass media, in the statements of politicians, the idea of refusing to name people based on their belonging to the male or female sex began to be approved. It should be determined not on the basis of visible natural features but constructed by a new gender culture. In 2020C, changes in interpreting the role of the natural and the socio-cultural in racial relations resulted in the emergence of new methods of fighting for equality between whites and blacks. The ideology of expanding the advantages of African Americans in all spheres of public life, “repentance” of whites for the fact that among their ancestors were slave owners, is spreading. The article shows that what unites these two processes is an attempt to redefine the role of the nature-given external differences of people in shaping a culture

of interaction between the two sexes, of different races, both in the past and at present. From an analysis of the history of relations between men and women, people depending on their skin colour, it is concluded that individuals adopt and implement norms, rules of behaviour that do not lead to the violent suppression of what is given to them by nature. The policy of constructing a new person, guided by the norms of culture, forcing the complete rejection of what is set by nature, as well as was created by previous generations, leads to the destruction of the entire historically established system of organizing people's social life.

Key words: nature, culture, man, woman, gender differences, youth, human construction, traditional culture, the connection between natural and socio-cultural.

For citation: Merenkov, A. V. (2021), "Constructing "a New Person": Breaking the Links Between the Natural and the Sociocultural", *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 7–22 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.013

Постановка проблемы

Несколько лет назад в ряде стран Запада возникло движение, направленное на отказ от сложившейся на протяжении всей истории человечества системы восприятия заданных природой различий между людьми. В средствах массовой информации, в заявлениях ряда политиков стала утверждаться идея об отказе называть людей, исходя из их принадлежности к мужскому или женскому полу. Он должен определяться не наличием физиологических различий, а личным мнением человека. При этом утверждается, что оно будто бы возникает самостоятельно, без какого-либо воздействия культуры той общности, в которой происходит социализация личности. Дети 4–5 лет получают «свободу» самоопределения своей принадлежности к любому полу, включающему не только мужской и женский, но и другие, возникшие не на основе видимых природных характеристик, а сконструированные современной гендерной культурой [В Бельгии хотят закрепить «третий пол» 2021].

При этом те, кто отказывается от новых способов определения половой принадлежности, не только подвергаются жесткому осуждению в СМИ, но могут лишиться работы [Рокоссовская 2021]. В первую очередь таковыми становятся артисты, писатели, журналисты, учителя школ, преподаватели вузов. Это вызвано, видимо, тем, что их профессиональная деятельность связана с воздействием на сознание и поведение больших групп людей. Лишение их возможности высказывать свое мнение по вопросу отношений между полами расширяет свободу конструирования нового человека. Он, по замыслу его создателей, должен освободиться от влияния природных особенностей на поведение в семье, трудовой общности, при решении различных общественно-политических проблем.

Насаждение идеологии отказа от учета природных характеристик в отношениях между мужчинами и женщинами совпало в 2020 году с появлением новых методов борьбы за расовое равенство. Прежде она активно велась, в первую очередь в США, в связи с наличием большого количества потомков рабов, завезенных в страну из Африки в XVII–XVIII веках. После Гражданской войны Севера и Юга в США, когда они формально стали свободными, на протяжении многих десятилетий проводилась политика утверждения равенства в политической, общественной жизни, сфере образования, занятия бизнесом, продвижения по карьерной лестнице. Цвет кожи трактовался как природный фактор, вызывающий социальное неравенство между представителями белой и черной рас. То, что это противоречило данным о реальных источниках социально-экономических различий между белыми и черными в США, тщательно скрывалось. В 2020 году расовая проблема стала использоваться для увеличения численности электората, голосующего за кандидата от Демократической партии. Появилась такая форма возвышения потомков бывших рабов, как «покаяние» белых за то, что среди их предков были рабовладельцы [Данилин 2021].

Объединяет эти два процесса попытка пересмотреть роль природой заданных внешних отличий людей в формировании культуры взаимодействия представителей двух полов, разных рас как в прошлом, так и в настоящее время. Предпринимается попытка замены реально существующей связи природного и социокультурного в процессе исторического развития человека новой, сконструированной в политических интересах определенных социальных групп. В связи с этим требуется рассмотреть влияние природы на конструирование отношений между мужским и женским полом в большинстве культур разных народов. Также важно уточнить источники появления новых представлений о взаимоотношениях представителей разных рас в некоторых странах мира в наше время.

Изменение представлений о роли природы в формировании культуры взаимоотношений мужчин и женщин

Традиционное изучение человека характеризуется выделением, в первую очередь, его социокультурных характеристик. Исследуется содержание ориентаций, установок на трудовую, семейно-бытовую, досуговую, общественную деятельность. Считается, что они сформированы под влиянием воспитания, образования, обеспечивая с раннего детства постепенное освоение ребенком требований к поведению людей в типичных жизненных ситуациях. Утверждаются представления о том, что разрешено или запрещено с точки зрения интересов той общности, членом которой является индивид.

На протяжении всей истории человечества появление различных требований к поведению индивидов определяли потребности в совместной

деятельности по воспроизводству новых поколений людей. Если личность соблюдает общественные предписания, она в достаточной мере социализирована. Когда они нарушаются, выявлялось влияние того, что ей противоречит. Таковой чаще всего считалась природа. Она рассматривалась как стихия, проявляющаяся в чувственно-эмоциональных, не регулируемых разумом действиях, остановить которые сложно.

В религии, морали природа противопоставлялась культуре. Она трактовалась как совокупность достижений человека, которые отделяют его от животных. Природа — мир низменного, а культура — возвышенного. Социализация личности направлена на постоянное подавление, ограничение инстинктов, в первую очередь эгоистических, присущих всех живым организмам. В то же время отношения между представителями разного пола, родителями и детьми в семье, при занятии физическим трудом, защите от опасностей, воспроизводили то, что свойственно многим животным, в частности ближайшим родственникам человека — обезьянам. Воспроизводилась система организации жизнедеятельности у животных, ведущих стадный образ жизни [Barash, Lipton 2002].

Самец добывает пищу в первую очередь для детенышей, самка их кормит, защищает, обучает навыкам, необходимым для самостоятельного выживания. Разделение семейных обязанностей между мужчиной и женщиной при патриархате в значительной мере воспроизводит то, что было апробировано природой для сохранения потомства, передачи новому поколению опыта старших постоянным общением с матерью. Она занималась повседневным обучением, воспитанием, когда отец занимался трудом, обеспечивающим материальное существование семьи. При этом сама подготовка к будущей взрослой жизни осуществлялась на основе воспроизводства гендерных ролей, закрепленных в моральных, религиозных нормах, а в отдельных странах законодательно. Девочек готовили с раннего детства к выполнению обязанностей жены, домохозяйки, матери, а мальчиков к работе, обеспечивающей материальный достаток семьи. Не возникал вопрос о причинах существования разных требований общества к представителям мужского и женского пола, определяемых только природными отличиями, а не собственным мнением личности.

Людам на начальном этапе организации общественной жизни не требовалось создавать нечто новое, нужно было закрепить в нормах морали, права неравенство, определяемое природными различиями в их физических характеристиках. Признавалась ведущая роль природы человека при конструировании отношений с разными людьми в семье, родовой общности.

Имущественное расслоение общества, возникшее при появлении частной собственности, привело к тому, что господствующее положение мужчины стало определяться не столько силой, сколько размерами материальных богатств. Сила природы в получении им особого общественного положения

стала заменяться силой денег, появляющихся в результате эксплуатации рабов, крепостных крестьян, наемных тружеников при капитализме.

В XX веке, в процессе активной борьбы женщин за равенство с мужчинами в получении любого уровня образования, возможности заниматься сложными видами трудовой деятельности, продвигаться по карьерной лестнице, были разрушены прежние представления о психофизических преимуществах мужчин перед женщинами [Вейнингер 1991]. Они выражаются только в возможности организма выполнять тяжелую физическую работу без вреда для здоровья. Механизация и автоматизация труда позволяют женщинам успешно справляться с теми видами занятий, которые прежде считались сугубо мужскими. Способность к умственной деятельности определяется индивидуальными задатками, а не различиями в физиологии мужчин и женщин.

Следующим этапом движения к ослаблению влияния природы на различия в поведении мужчин и женщин стало существенное расширение свободы сексуального общения. Была преодолена его зависимость от опасности незапланированной беременности. Страх, вызванный тем, что женщина родит ребенка от другого мужчины, определял в еще недалеком прошлом строгие запреты на ее добрачные и внебрачные связи, за которые представителей «сильного пола» практически не осуждали. Существовала культура целомудрия, которая до сих пор сохраняется во многих странах мира.

Поведение женщины в добрачных и внебрачных сексуальных отношениях стало определяться выбором: подчиняться природным или созданным культурой программам? [Мастерс, Джонсон, Колодны 1991, с. 176–197]. Широкое распространение контрацептивных средств привело к свободе реализации природного влечения. При этом чаще всего стимулируемого мужчинами, а не самой женщиной, обладающей особой системой побуждений к сексуальным контактам. Утвердилось представление, что секс существует только для получения личного удовольствия и не связан с заданной природой целью рождения потомства.

Следующим шагом в разрушении представлений о ее влиянии на культуру поведения мужчин и женщин стала активная борьба представителей нетрадиционной сексуальной ориентации за равенство. Во все времена были люди, вступающие, по разным причинам, в половые контакты с представителями своего пола. Исследования показали, что у животных также существуют подобные связи [Хогенбум 2015]. Поэтому можно говорить, что существует, во-первых, определенная природная предрасположенность индивидов к ним. Во-вторых, следует выделять те обстоятельства, которые увеличивают вероятность таких отношений. В-третьих, сама постановка проблемы достижения социального равенства между ориентированными на гетеросексуальные или гомосексуальные связи является скрытым признанием роли природы в формировании культуры таких контактов между людьми.

Еще О. Вейнингер в работе «Пол и характер», изданной в 1903 году, писал о том, что склонность к гетеросексуальным или гомосексуальным отношениям определяется в значительной мере гормональными особенностями организма [Вейнингер 1991, с. 7–20]. В подростковом возрасте некоторые дети обнаруживают природное побуждение к сексуальному общению со своим полом [Мондимор 2002, с. 213–214]. Историческая практика показывает, что ведущая роль в утверждении сексуального поведения, не ориентированного на выполнение основной функции живого организма — продолжение рода, — принадлежит социокультурным обстоятельствам, в которых оказался индивид. Так, ограничение возможности сексуальной разрядки с представителями другого пола теми, кто долгое время не может с ними контактировать, существенно усиливает вероятность однополюх контактов. У женщин таким фактором может быть отсутствие постоянного партнера, страх незапланированной беременности, негативный опыт общения с мужчинами, принуждающих силой к сексуальной связи. К тому же влияет желание утвердить власть над зависимыми людьми. В этом одна из причин распространенности гомосексуальных связей в античном мире. Тогда практиковалась, в зависимости от обстоятельств, бисексуальность, которая не осуждалась моралью и религией. Права таких людей не ограничивались [Платон 1993].

Утверждение христианства привело к тому, что считались допустимыми только те сексуальные контакты, которые ведут к рождению нового поколения и соответствуют основному закону жизни. Гомосексуальные отношения трактовались как проявление особой болезни, которую следует лечить. Сказывалось неприятие многообразия особенностей, которыми награждает природа разных индивидов. Проявлялся эгоизм большинства по отношению к меньшинству, выражающийся в попытке подчинить всех единым правилам сексуального поведения. Такой подход противоречит природе, создающей каждое живое существо как уникальный проект, обеспечивая тем самым возможность появления того, что способствует выживанию рода или создает угрозу его исчезновения.

Носители нетрадиционной сексуальной ориентации обоснованно боролись за самосохранение своей природной особенности, не создающей каких-либо ограничений для занятий индивидами всеми видами социокультурной деятельности, кроме тех, которые прямо определяются использованием заданных физиологией способов произвести потомство. Рационально осмысленный или возникший в результате подражания авторитетам отказ от них ведет к исключению индивида из живых организмов, смысл существования которых заключается в продолжении рода. Прерывается заданная природой активность эгоистического гена, который, как писал Р. Докинз, «перепрыгивает из одного тела в другое, манипулирует ими на свой лад и в собственных целях, покидая эти смертные тела одно за другим, прежде чем они состарятся и умрут» [Докинз 2013, с. 78].

Во многих странах мира к началу нового тысячелетия практически исчезла дискриминация в образовательной, трудовой, общественной деятельности на основе наличия нетрадиционной сексуальной ориентации, смены данного природой пола. Однако этого оказалось недостаточно для тех, кто борется уже не за равенство с принимающими природное деление на мужчин и женщин, а стремится получить преимущества перед ними. Вопрос гендерной идентичности стал рассматриваться с политических позиций, связанных с борьбой за власть над теми, кто в прошлом негативно воспринимал носителей нетрадиционной ориентации. Для этого требуют отказаться от принятого многовековой культурой природного деления на мужчин и женщин, запретив использовать слова, четко определяющие принадлежность к одному и другому полу. Разрешают использовать только термин «человек», который применяется для обозначения отличий людей от животных [Никифорова 2021].

В этой попытке, во-первых, носители нетрадиционной ориентации фактически отказываются от своих особенностей, которые они специально подчеркивают. Следуя их логике, нельзя использовать и понятия «гомосексуал», «лесбиянка», «бисексуал» и т. п. Применение во всех случаях только термина «человек» может привести к запрету на получение этими людьми каких-либо преимуществ при трудоустройстве, занятий общественной деятельностью, создании семьи, воспитании детей над теми, кто обозначает себя как женщина и мужчина. В таком неосознаваемом «самоуничтожении» в яркой форме проявляется влияние культуры эгоизма на тех, кто был прежде в положении униженных. Такие люди любыми способами пытаются возвыситься над когда-то в прошлом подчинявшимися их своей воле. Происходит отказ от реальности, создается мир фейков, в котором люди должны жить на основе новых правил отношений между людьми. Проявляется действие закона неизбежного оглушения людей, занимающихся самовозвышением над теми, от кого требуют отказаться идентифицировать себя в качестве женщины, мужчины [Меренков 2021, с. 58–86].

Следующим требованием является отказ от понятий «мать» и «отец» по отношению к людям, имеющим детей. Следует использовать термины «родитель № 1» и «родитель № 2», тем самым уравнивая создателей однополрой семьи с теми, кто транслирует свои гены потомству. Осуществляется целенаправленная работа по лишению человека способности определять свой пол, исходя из того, что дано ему природой и определяет воспроизводство человеческого рода [Филиппов 2021]. Однако и эти понятия указывают на скрытое неравенство. Кто является важнее, получая право диктовать свою волю имеющему номер два? Носители нетрадиционной сексуальной ориентации действуют по принципу: если я не могу (не хочу) выполнить ту роль, которая предназначена природой, никто не имеет права ее осуществить. Когда властями ряда стран стала внедряться такая терминология в отношении сотен

миллионов матерей и отцов, проходили массовые демонстрации противников подобных нововведений. Однако все нормы «демократического» обсуждения и решения значимой для общества социальной проблемы были отвергнуты.

Все люди должны отказаться от своих природных особенностей при общении с представителями другого пола. На их основе возникает самое прекрасное в жизни чувство любви, осуществляется воспитание детей в семье, происходит восприятие произведений искусства, всей истории человечества, основанной на отношениях между мужчинами и женщинами. Если строго следовать вводимым запретам, то нужно закрыть предприятия, производящие товары, предназначенные для удовлетворения потребностей представителей того и другого пола. Также, видимо, следует отказаться от дальнейшей борьбы за преодоление сохраняющегося неравенства в труде, в быту между мужчинами и женщинами, так как есть единый человек без разделения по биологическому полу.

Утверждается право на основе личного мнения относить себя к любому гендеру в зависимости от конкретной ситуации. Исчезает основа самой культуры, заключающаяся в том, что с помощью определенных норм и правил, принимаемых подавляющим большинством людей, обеспечивается совместная деятельность. Каждый человек получает в процессе социализации представление о том, чего можно ожидать от других людей в зависимости от того, к какому полу они принадлежат по внешним признакам, а не по возникшему в ту или иную минуту субъективному мнению. Это ведет к неограниченному усилению эгоизма отдельных индивидов и социальных групп, следствием которого становится разрушение социальных связей в семье, трудовой общности, государстве.

Новое в расовых отношениях: влияние природного и культурного факторов

Попытка пересмотра взаимосвязи природного и социокультурного факторов в отношениях между мужским и женским полом совпали в 2020 году с обострением конфликта представителей белого и чернокожего населения в США. Возникло движение «Black Lives Matter», направленное на формирование новых взаимоотношений между расами. Прежние стали утверждаться при появлении представителей африканского населения на территории Северной Америки. Колонисты, переселившиеся из разных стран Западной Европы на вновь открытый континент, действовали на основе той культуры, которая господствовала в странах исхода. Ее основным принципом было обогащение путем захвата богатств более слабых в экономическом, военном отношении, не способных сохранить свою независимость.

Прибывшие в Северную Америку колонисты сначала пытались превратить в рабов представителей коренного населения, отличающегося не только

по уровню технической оснащенности труда, быта, но и по цвету кожи. Она выступала как маркер, наглядно указывающий на принадлежность к менее развитой, по их мнению, расе. Почти поголовное уничтожение индейцев, активно сопротивлявшихся белым пришельцам, привело к нехватке рабочих рук. Эту проблему стали решать путем вывоза из Африки чернокожих, превращая их в рабов, подвергающихся жестокой эксплуатации. За три с лишним века, с 1525-го по 1866 год, в США ввезли около 400 тысяч рабов. К концу этого периода их численность в стране достигла более 4 млн человек, а стоимость составляла около 3,5 млрд долларов, поскольку своим трудом они обеспечивали развитие всей экономики страны [Симкинс, Генсберг 2019].

Колонизация европейцами в XV–XVIII веках Африки, Азии, затем Австралии, превращение чернокожих в рабов требовали «научного» обоснования. Оно было дано в работе французского исследователя Ж. А. Гобино «О неравенстве человеческих рас» (1855). На низшей ступени, по его мнению, находятся представители черной расы. «Животный характер, запечатленный в форме таза ее представителей, определил ее судьбу с самого появления на свет... Если их мыслительные способности невелики или вовсе равны нулю, то их желания и, соответственно, их воля отличаются необузданностью... К этим основным чертам характера добавляются неустойчивость настроения, переменчивость чувств, что делает порок и добродетель совершенно неразличимыми...» [Гобино 2001, с. 47]. В этой характеристике выделяются некоторые физиологические особенности и не связанные с ними психологические. Выводы сделаны без какого-либо доказательства со стороны специалистов, имеющих проверенные данные о влиянии определенных природных свойств большой общности людей на способность активно и продуктивно заниматься производственной, научной деятельностью, создавать произведения искусства. Таких сведений у Ж. А. Гобино не было. Основанием являлось лишь то, что у африканских народов в то время отсутствовали технологии, подобные европейским.

Стремление оправдать превращение Африки в колонию ряда стран Западной Европы, эксплуатацию представителей чернокожих в США определяло позицию исследователя. Было положено основание для создания и распространения теорий о превосходстве белых не только над теми, кто имел черный цвет кожи, но и желтый. С целью усиления негативного восприятия коренных жителей африканского континента Ж. А. Гобино отмечает определенные достоинства представителей желтой расы. Они «представляет собой антитезу этому типу. Череп уже не вытянут назад, а, напротив, выдается вперед. Лоб большой, костистый, часто выступающий, развитый в высоту, как бы нависает над треугольной лицевой частью, где нос и подбородок не имеют резких выступов, как у негра». Одновременно отмечаются негативные свойства их характера. «Желтокожие очень практичны в узком смысле этого слова. Они не предаются мечтаньям, не склонны к теоретическим рассуждениям, неизобретательны, но

способны оценить и принять все утилитарное. Их желания ограничиваются спокойной и, по мере возможности, удобной жизнью. Очевидно, что они стоят выше негров» [Гобино 2001, с. 48].

Такое мнение вызвано несколькими причинами. Во-первых, тем, что европейцам к XVIII веку не удалось превратить в свои колонии Китай, Японию, другие страны, где живут представители желтой расы. Они активно сопротивлялись, доказывая, что по уровню организации защиты своей независимости не отличаются от тех, кто пытается их завоевать. Во-вторых, представители желтой расы имели длительную историю самобытного развития науки, техники, искусства, функционирования сильных государств. Наглядно проявлялась роль социокультурных, а не природных факторов, определяющих жизнедеятельность тех, кто отличается по цвету кожи от африканцев и европейцев.

При описании превосходства белых народов Ж. А. Гобино не сумел выделить какие-либо явные физические и психические отличия, указав лишь на те, которые возникают под влиянием исторических особенностей формирования материальной и духовной культуры. «Для них характерны обдуманная энергия или, лучше сказать, энергетический интеллект; чувство полезного, но в более широком смысле слова, а также более высоким, более дерзновенном, более идеальном, чем у желтокожих; упорство в сочетании с учетом препятствий и умение преодолевать их; большая физическая сила, исключительное инстинктивное тяготение к порядку, но не как залог отдыха и покоя, а как необходимое средство к самосохранению и одновременно ярко выраженный вкус к свободе, даже чрезмерной... Замечу огромное превосходство белых людей во всем, что касается интеллекта...» [Гобино 2001, с. 48].

Следовательно, теория о превосходстве белой расы над другими строится только на том, что особенности развития науки, техники позволили нескольким странам Западной Европы, населенным ее представителями, силой оружия превратить часть людей, имеющих иной цвет кожи, в рабов. Такими в древнем мире становились все, кого удавалось завоевать в то время, независимо от того, были они белыми или черными. Расизм в том виде, в каком он стал утверждаться в США в XVI–XVIII веках, не существовал. Он стал результатом идеологического обоснования рабства, возникшего в результате организованной торговли людьми, имевшими иной цвет кожи. Их насильно лишали родины, возможности сохранения своей этнической культуры, превращая в бесправных работников. Власть белых в США строилась на свободе реализации эгоистических интересов тех, кто различиями в цвете кожи обосновывал право полностью подчинять своей воле отличающихся по внешнему виду от них.

Вся история борьбы с расизмом в этой стране характеризуется противоречивым сочетанием влияния цвета кожи, экономических, политических, культурных факторов на воспроизводство неравенства между представителями белой и черной рас. С одной стороны, отмена рабства в 1863 году

формально предоставила свободу реализации афроамериканцами знаний, умений, способностей в разных сферах экономической, политической деятельности. В течение последующих десятилетий продолжалась упорная борьба за равенство с белыми при трудоустройстве, продвижении по карьерной лестнице, занятии должностей разного уровня в органах власти. Она привела к появлению прославивших страну чернокожих артистов, спортсменов, бизнесменов, ученых, общественных деятелей, которые своим примером доказали отсутствие каких-либо природных ограничений, препятствующих возможности наравне с белыми, успешно заниматься самыми сложными видами физического и умственного труда.

С другой стороны, в сознании определенной части представителей белого населения сохранились сформированные культурой периода рабства стереотипы о том, что в массе своей афроамериканцы не могут сравниться с ними. Белые должны обладать определенными преимуществами, связанными с тем, что на протяжении многих веков они являлись движущей силой развития науки, техники, искусства, литературы, права, политического устройства, принципы которого сохранились до нашего времени. Этим оправдывалось и экономическое неравенство, которое привело к тому, что большинство бедных в США состоит из афроамериканцев. В скрытой форме сохраняется деление на расы, которые декларировал Ж. А. Гобино два века назад.

Такая ситуация периодически вызывала протесты негритянского населения, жестко подавлявшиеся властями. Очередной из них, возникший в середине 2020 года, привел к появлению общественного движения, требующего коренного пересмотра всей истории отношений между белыми и чернокожими на протяжении пяти веков. Поскольку многолетняя практика борьбы за социальное, экономическое, политическое равенство не принесла желаемых результатов, ее предложили заменить на систему установления новыми методами «справедливого» неравенства. Потомки тех, кто в прошлом возвышал себя над другими расами, должны оказаться в положении самоунижающихся. Белым предлагается отказаться от своей истории, героев, которыми они гордились веками, предков, так как многие из них были рабовладельцами. Памятники таким людям следует уничтожить, переписать учебники по истории США, особо выделяя роль афроамериканцев в ней. Наследники угнетателей должны покаяться за грехи прадедов и материально компенсировать праправнукам жертв рабства страдания их предков [Америка глазами учителя 2021]. Те, кто не согласен с предоставлением афроамериканцам преимущества перед белыми, жестко преследуются [Лидия 2021].

Вновь миф о роли природных различий используется для утверждения социального неравенства. Проявляется эффект бумеранга: потомки тех, кто в прошлом возвышал себя, насаждая расовое неравенство, должны оказаться в положении униженных и самоунижающихся. Представителям прежде

подавляемой расы предоставляется свобода самовозвышения над ними. Такого в истории еще не было. Проводится социальный эксперимент с далекими социально-политическими последствиями.

Заключение

Те, кто борются с природными особенностями человека, демонстрируют ограниченность понимания их влияния на культуру. Люди свободно реализуют те нормы, правила поведения, созданные в процессе исторического развития, которые не ведут к насильственному подавлению того, что дано всем живым организмам. Бесплезно ограничивать свойственные отдельным индивидам побуждения тела, если они не угрожают здоровью и жизни окружающих, социума в целом. Активное утверждение идей о получении преимуществ индивидам, имеющим нетрадиционную сексуальную ориентацию, ведет к насаждению новой системы социального неравенства. Она усилит противостояние между группами, различающимися не столько природными характеристиками, сколько культурными. Сила природа такова, что она сохранит возникшую на ее основе культуру воспроизводства человеческого рода в семье, имеющей мать и отца, детей, которые в процессе взросления сознательно без какого-либо внешнего принуждения смогут определить, к какому гендеру они себя относят.

Попытка в очередной раз использовать цвет кожи для получения преимуществ в экономической, политической, духовной деятельности, только уже не представителей большинства населения в той или иной стране, а меньшинства, приведут к нарастанию конфликтов на расовой почве. Где будет осуществляться такая политика, там возрастет опасность перехода к диктаторским методам сохранения власти, усилится процесс деградации всех сфер общественной жизни.

Список литературы

- Америка глазами учителя 2021 — Ускоренная самосегрегация американцев. побыстрее бы ноги унести [Электронный ресурс] // Яндекс.Дзен. Блог пользователя «Америка глазами учителя». 14.03.2021. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d9229ecbd639600b14caede/uskorennaiia-samosegregaciia-amerikancev-pobystrye-by-nogi-unesti-604cc6b9af41a36641287a8b> (дата обращения: 03.04.2021).
- В Бельгии хотят закрепить «третий пол» 2020 — В Бельгии хотят закрепить «третий пол» в свидетельствах о рождении [Электронный ресурс] // РИА Новости. 09.11.2020. URL: <https://ria.ru/20201109/belgiya-1583798811.html?in=t> (дата обращения: 01.03.2021).
- Вейнинггер 1991 — Вейнинггер О. Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики : пер. с нем. М. : Форум XIX-XX-XXI, 1991. 192 с.
- Гобино 2001 — Гобино Ж. А. О неравенстве человеческих рас : пер. с фр. М. : Одиссей : Олма-Пресс, 2001. 194 с.

- Данилин 2021 — Данилин П. А у них белых линчуют... [Электронный ресурс] // РИА Новости. 11.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210310/rasizm-1600484480.html> (дата обращения: 31.03.2021).
- Докинз 2013 — Докинз Р. Эгоистический ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М. : АСТ : Corpus, 2013. 512 с.
- Лидия 2021 — Что такое «woke», и как борьба за равноправие угрожает действительному равноправию [Электронный ресурс] // Яндекс.Дзен. Блог пользователя «Лидия». 04.03.2021. URL: https://zen.yandex.ru/media/lidprevuz/что-такое-woke-i-kak-borba-za-ravnopravie-ugrojaet-deistvitelnomu-ravnopraviiu-603357cbbd729c71d1d1a3b7?&disable_feed_under_article=false (дата обращения: 19.03.2021).
- Мастерс, Джонсон, Колодны 1991 — Мастерс У., Джонсон В., Колодны Р. Мастерс и Джонсон о любви и сексе : в 2 ч. Ч. 1 / пер. с англ. Н. М. Пивоваренок, Т. П. Романовой, Е. А. Яблочкиной. СПб. : СП «РЕТУР», 1991. 264 с.
- Меренков 2021 — Меренков А. В. Культура эгоизма или культура сотрудничества: какая побеждает? Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 276 с.
- Мондимер 2002 — Мондимер Ф. М. Гомосексуальность: естественная история / пер. с англ. Л. Володиной. Екатеринбург : У-Фактория, 2002. 333 с.
- Никифорова 2021 — Никифорова В. «Папа», «мама», «он», «она» — непечатные слова [Электронный ресурс] // РИА Новости. 10.01.2021. URL: <https://ria.ru/20210110/neravenstvo-1592383257.html?in=t33033> (дата обращения: 03.03.2021).
- Платон 1993 — Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / пер. с древнегреч. С. А. Анангина и др. М. : Мысль, 1993. С. 172–223.
- Рокоссовская 2021 — Рокоссовская А. Запретный пол [Электронный ресурс] // Российская газета. 03.03.2021. Федер. выпуск № 46 (8397). URL: https://rg.ru/2021/03/03/siuzanna-murteper-ia-ne-mat-a-roditel-kotoryj-rodil.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_campaign=dbr&utm_source=YandexZenSpecial (дата обращения: 03.03.2021).
- Сапольски 2019 — Сапольски Р. Кто мы такие? Гены, наше тело, общество / пер. с англ. А. Петровой. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 290 с.
- Симкинс, Генсберг 2019 — Симкинс К., Генсберг К. Черная метка американской истории: 400 лет назад в США прибыло первое судно с африканскими рабами [Электронный ресурс] // Голос Америки. 27.08.2019. URL: <https://www.golosameriki.com/a/africa-to-america-400/5059125.html> (дата обращения: 03.03.2021).
- Филиппов 2021 — Филиппов А. Как США воспитывают миллионы новых гомосексуалистов. [Электронный ресурс] // Взгляд: деловая газета. 27.02.2021. URL: https://vz.ru/turbopages.org/vz.ru/s/world/2021/2/27/1086861.html?utm_source=turbo_turbo (дата обращения: 03.03.2021).
- Хогенбум 2015 — Хогенбум М. Существуют ли гомосексуальные животные? [Электронный ресурс] // BBC News: русская служба. 19.02.2015. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2015/02/150219_vert_ear_homosexual_animals (дата обращения: 05.03.2021).
- Barash, Lipton 2002 — Barash D., Lipton J. The Myth of Monogam: fidelity and Infidelity in Animals and People. New York : Holt Paperbacks, 2002. 227 p.

References

- America through the Eyes of a Teacher (2021), “Accelerated American Self-Segregation. Hurry to get away with your legs”, *Yandex.Zen*, 14 March, available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5d9229ecbd639600b14caede/uskorenniaia-samosegregaciia-amerikancev-pobystree-by-nogiu-vesti-604cc6b9af41a36641287a8b> (accessed 03 April 2021) (in Russian).
- Barash, D. and Lipton, J. (2002), *The Myth of Monogam: fidelity and Infidelity in Animals and People*, Holt Paperbacks, New York, 227 p.

- Danilin, P. (2021), “And they have white people lynched...”, *RIA Novosti*, 11 March, available at: https://ria.ru/20210310/rasizm1600484480.html?rcmd_alg=collaboration2&rcmd_id=1600545519 (accessed 31 March 2021) (in Russian).
- Dawkins, R. (2013), *The selfish gene*, translated by N. Fomina, AST, Corpus, Moscow, 512 p. (in Russian).
- Filippov, A. (2021), “How the US is educating millions of new homosexuals”, *Vzglyad*, 27 February, available at: https://vz-ru.turbopages.org/vz.ru/s/world/2021/2/27/1086861.html?utm_source=turbo_turbo (accessed 03 March 2021) (in Russian).
- Gobineau, J. A. (2001), *Essai sur l'inégalité des races humaines*, translated by Odyssey Publ., Odyssey, Olma-Press, Moscow, 194 p. (in Russian).
- Hogenboom, M. (2015), “Do homosexual animals exist?”, *BBC News, Russian service*, 19 February, available at: https://www.bbc.com/russian/science/2015/02/150219_vert_ear_homosexual_animals (accessed 05 March 2021) (in Russian).
- “In Belgium, they want to fix the ‘third gender’ in birth certificates” (2020), *RIA Novosti*, 09 November, available at: <https://ria.ru/20201109/belgiya-1583798811.html?in=t> (accessed 01 March 2021) (in Russian).
- Lydia (2021), “What is ‘woke’, and how the struggle for equality threatens real equality”, *Yandex.Zen*, 04 March, available at: https://zen.yandex.ru/media/lidprevuz/chto-takoe-woke-i-kak-borba-za-ravnopravie-ugrojaet-deistvitelnomu-ravnopraviiu-603357c71d1d1a3b7?&disable_feed_under_article=false (accessed 19 March 2021) (in Russian).
- Masters, W. H., Johnson, V. E. and Kolodny, R. C. (1991), *Masters and Johnson on Sex and Human Loving, in 2 vols, Vol. 1*, translated by Pivovarenok, N. M., Romanova, T. P. and Yablochkina, E. A., Retur, Saint Petersburg, 264 p. (in Russian).
- Merenkov, A. V. (2021), *Kul'tura egoizma ili kul'tura sotrudnichestva: kakaya pobezhdaet?* [Culture of selfishness or culture of cooperation: which one wins?], Ural University Publishing House, Yekaterinburg, 276 p. (in Russian).
- Mondimov, F. M. (2002), *A Natural History of Homosexuality*, translated by Volodina, L., U-Factoriya, Yekaterinburg, 333 p. (in Russian).
- Nikiforova, V. (2021), “‘Father’, ‘Mather’, ‘he’, ‘she’ — unprintable words”, *RIA Novosti*, 10 January, available at: <https://ria.ru/20210110/neravenstvo-1592383257.html?in=t33033> (accessed 03 March 2021) (in Russian).
- Plato (1993), “Feast”, in Plato, *Sobranie sochinenii, v 4 tomakh. Tom 2* [Collected works, in 4 vols, Vol. 2], translated by Anantin, S. A. et al., Mysl', Moscow, p. 172–223 (in Russian).
- Rokossovskaya, A. (2021), “Forbidden sex”, *Rossiiskaya gazeta*, 03 March, no. 46 (8397), available at: https://rg.ru/2021/03/03/siuzanna-mur-teper-ia-ne-mat-a-roditel-kotoryj-rodil.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com%2F%3Ffrom%3Dspecial&utm_campaign=dbr&utm_source=YandexZenSpecial (accessed 03 March 2021) (in Russian).
- Sapolski, R. (2019), *Monkeyluv. And other essays our lives as animals*, translated by Petrova, A., Alpina non-fiction, Moscow, 290 p. (in Russian).
- Simkins, K. and Gensberg, K. (2019), “The Black Mark of American History: 400 years ago, the first ship with African slaves arrived in the United States”, *Golos Ameriki*, 27 August, available at: <https://www.golosameriki.com/a/africa-to-america-400/5059125.html> (accessed 03 March 2021) (in Russian).
- Weininger, O. (1991), *Sex and Character: An Investigation of Fundamental Principles*, translated by Forum XIX–XX–XXI Publ., Forum XIX–XX–XXI, Moscow, 192 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 29.04.2021
Принята к публикации / Accepted: 27.05.2021

Информация об авторе

Меренков Анатолий Васильевич
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-5900-0863

Information about the author

Merenkov, Anatoly Vasilievich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: anatoly.mer@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-5900-0863

УСТАЛОСТЬ ОТ КУЛЬТУРЫ КАК ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Л. А. Закс

Гуманитарный университет
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается мало пока исследованный, но все более обращающий на себя внимание в разных сферах современной социокультурной жизни феномен культурогенной усталости и особенно главная, по мнению автора, ее разновидность: усталость от культуры (УК). Целью статьи является постановка проблемы исследования УК и общая характеристика настоящего явления. Статья базируется на констатации существования и влияния усталости от культуры не только в наше время, но и на протяжении всей истории человечества. Что и объясняет необходимость его всестороннего культурологического исследования. Анализ усталости от культуры строится в статье на пересечении ее феноменологического рассмотрения и анализа ее культурогенной природы и генеалогии. Осмысление особенностей феномена УК строится на сравнении биогенной и культурогенной усталостей. Что позволяет в последней выделить — наряду с усталостью тела и психики, существующих и в «натуральной» форме, — содержательно и функционально центральный для нее духовно-смысловой план. Рассматривается непростая диалектика отношений духовного содержания УК и ее психологических форм. Именно семантическое ядро УК, взятое в единстве с ее психологическими формами (переживательными состояниями), порождает прагматику УК — ее духовно-психологические и практические (поведенческие) следствия, где и обнаруживает себя серьезное влияние УК на сознание и бытие общества и человека. В качестве причин рождения УК в статье выделяются три: конфликтные отношения культурного и природного начал в обществе и человеке, выражаемые в осмысленной еще Фрейдом репрессивности культуры по отношению к природному в человеке; особенности функционирования самой культуры (его повторяемость, монотонность и т. п.), рождающие утомление в людях, их отталкивание от культуры; усталость самой культуры и ее компонентов, индуцирующая усталость в их акторах. Генетические связи с культурой, в сущности, и определяют место УК в жизни людей, особенности ее существования и влияния. Далее в статье рассматриваются важнейшие

предикаты УК: пространственные и временные в их многоаспектности и единстве, а затем — динамические. Отношение УК к движению, что в свете ее социокультурной природы означает его отношение к деятельности, имеет парадоксальный характер. Статья обсуждает этот парадокс: усталость, казалось бы, должна вести к угасанию деятельностного начала в усталых от культуры людях, но на деле, наоборот, оборачивается — на основе негативной энергии неприятия и отталкивания от культуры — различными формами активности, как ментальной, так и практической. Предлагается объяснение этого парадокса, уходящее корнями в ценностно-смысловое ядро УК. Рассмотрение динамического плана УК включает и осмысление важной функциональной ее особенности: взаимодействия и переходов разных генеалогических оснований УК, создающих многоуровневость и многоэтапность «механизма УК». Эта особенность создает не только сложность феномена, но и его особый системный характер: сложные отношения УК с социокультурной системой общества, ее своего рода иррадиацию в хронотопы последней.

Ключевые слова: усталость, культурогенная усталость, усталость от культуры, культурная усталость, причины-основания рождения усталости от культуры; семантика, психологические формы и прагматика усталости от культуры; хронотопы усталости от культуры, деятельностный характер усталости от культуры.

Для цитирования: *Закс Л. А. Усталость от культуры как феномен социокультурной жизни: постановка проблемы и общая характеристика // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 23–47. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.014*

FATIGUE FROM CULTURE AS A PHENOMENON OF SOCIOCULTURAL LIFE: PROBLEM STATEMENT AND GENERAL CHARACTERISTICS

L. A. Zaks

Liberal Arts University — University for Humanities
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article explores the phenomenon of culturogenic fatigue. It is currently underresearched but increasingly attracts attention in different areas of sociocultural life. The paper focuses on its main variety: fatigue from culture (FC). The article aims to formulate the FC research problem and to characterize this phenomenon. The author assumes that fatigue from culture is not novel and has been in place throughout the entire history of humankind. And it explains the need for its comprehensive cultural examination. The base for the FC analysis is at the intersection of its phenomenological review and the scrutiny of culturogenic

nature and genealogy. Comprehension of specific features of the fatigue from culture phenomenon is possible by comparing biogenic and culturogenic fatigues. It allows for singling out in the latter — along with the tiredness of the body and psyche that exist in their “natural” form — a spiritual and semantic plan, which is substantively and functionally central for it. The author considers the complex dialectic of relations between the FC spiritual content and its psychological forms. It is the FC semantic core taken in unity with its psychological forms (emotional experiences) that breeds the pragmatic of FC, — its spiritually psychological and practical (behavioural) consequences, where the major influence of FC on the consciousness and existence of society and a person reveals itself. The author distinguishes three reasons for the FC birth. The first is conflict-driven relations of natural and cultural principles in society and man, expressed in the repressiveness of culture towards the natural in man, reflected on by Freud. The second one is the peculiarities of the functioning of the culture itself (its recurrence, monotony, etc.), provoking weariness in people, their repulsion from culture. Finally comes the fatigue from the culture itself and its components, which induces fatigue in their actors. In essence, a genetic linkage with a culture determines the place of FC in human lives, specific features of its existence and impact. The article proceeds to consider the essential FC predicates: spatial and temporal in their multidimensionality and unity, and then — dynamic ones. The FC attitude to the movement, which in the light of its sociocultural nature means its attitude to activity, is paradoxical. The article discusses this paradox: fatigue would seem to lead to the vanishing of the activity principle in people tired of culture. But in fact, everything turns out the other way round: based on the negative energy of rejection and repulsion from culture, fatigue transforms into various forms of activity, both mental and practical. The author proposes an explanation of this paradox, rooted in the value-semantic core of FC. The consideration of the dynamic plan of FC also involves reflecting on its important functional feature: the interaction and transitions of the FC different genealogical foundations that create a multilevel and multistage “mechanism of the FC”. This feature generates not only the complexity of the phenomenon but also its special systemic character: the intricate relations of the CF with the sociocultural system of society, kind of irradiation into the chronotopes of the latter.

Keywords: fatigue, culturogenic fatigue, fatigue from culture (FC), cultural fatigue (CF), reasons-grounds for the birth of FC, semantics, psychological forms and pragmatics of FC, chronotopes of FC, activity character of FC.

For citation: Zaks, L. A. (2021), “Fatigue from Culture as a Phenomenon of Sociocultural Life: Problem Statement and General Characteristics”, *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 23–47 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.014

Эта статья посвящена усталости. Но усталости особой. Не хорошо известной физической или тоже вполне привычной современным людям в силу их постоянных «организменных» (трудовых и нервных) нагрузок психической

(о них см., например: [Моссо 2010; Рассел 2015; Чутко, Козина 2015]). Речь пойдет о культурогенной усталости = *усталости от культуры*, ее свойств, структур и функций, процессов и результатов. Эта усталость стала характерной культурной чертой рубежа XX–XXI вв. Что чутко уловил в самом начале нашего века Б. Гройс: «Ссылка на усталость, пожалуй, одна из основных риторических фигур нашего времени. <...> По-видимому, усталость сегодня — чувство не столько персональное, сколько глубоко укорененное в нашей культуре» [Гройс 2003, с. 51]. Ее приметы находим сегодня не только в искусстве (например, в фильмах К. Муратовой, поэзии И. Бродского, рефлексиях композитора В. Мартынова) и философии (Ж. Бодрийяра, Э. Чорана). Реклама лекарства супрадин отмечает, что 80 % российских женщин жалуются на усталость. С уст политологов слово «усталость» просто не сходит. Недавняя книга К. Кобрин дает обобщающий образ современной культурогенной усталости, закрепленный в ее названии [Кобрин 2020].

Понимание значимости усталости от культуры для нашего времени, но также и осознание ее исторической универсальности заставили меня много лет заниматься ею. Здесь я предлагаю читателю только постановку вопроса и общую характеристику этого явления.

Одно предварительное замечание перед этим совершенно необходимо. Выше, говоря о культурогенной усталости, я сослался на политологов, что может у многих вызвать недоумение: какое отношение может иметь политика к усталости от культуры?! И в этом — традиционное узкое понимание культуры: либо как сферы искусства, либо, более широко, — как сферы духовной, или сферы «смыслов», или как системы производства, накопления и трансляции людьми необходимой для совместной жизни информации. Я же понимаю культуру предельно широко: как *не-природу* = как всё, что создано людьми, всё, что в их жизни можно отнести к генетически и онтологически «искусственному», включая и саму созидающую культуру деятельность, и созданные ею свойства и способности самих людей, и, что очень важно, социальность, т. е. совместность существования людей и обеспечивающие ее структуры социума (в классификации автора это особая, социально-организующая подсистема материальной культуры (см. об этом: [Закс 2016; Закс 2013])).

Итак, наряду с естественной, наступающей в силу природных закономерностей усталостью, соматической и психической, существует культурогенная усталость, вызываемая теми или иными явлениями культуры, а точнее, отношениями (взаимодействиями, «работой») людей с последними. Обобщая, можно говорить о присущем людям и обществам особом типе усталости, вызываемом самим существованием и функционированием культуры. Я предлагаю называть его *усталостью от культуры* (далее — УК).

Надо уточнить: речь не о том, не вызывающем сомнения, факте, что поскольку взаимодействие с любым элементом и структурой культуры

на любом ее «участке» требует человеческих сил, затрат/растрат энергии, как материальной, так и ментальной и духовной, то такое взаимодействие, или культурная практика как *труд*, на всей территории культуры ведет к усталости *трудящихся*. Тут в хронотопе культуры мы имеем дело с обычной, «здоровой» усталостью культурогенного характера как закономерным, «нормальным» следствием энергозатрат деятелей, продолжительного напряжения их духовных, психических и телесных сил в процессе культурной деятельности и использования необходимых для нее культурных ресурсов. Так, человек, роющий яму с помощью кирки и лопаты, тратит силы не только на усилие копания и убирания земли (что чувствуют и осознают все), но также и на использование определенной технологии этих действий, на управление (контроль и регуляцию) ее осуществлением (что владеющими такой технологией практически не осознается). Человек, решающий дифференциальное уравнение, не только тратит силы на собственно достижение искомого результата, т. е. на математические действия-преобразования посредством определенного алгоритма, но и на усилия по контролю за его верным, точным и корректным применением. И преодолевается такая усталость, как всякая «трудовая», классическим способом: восстановлением сил посредством отдыха или (что иногда то же самое) сменой деятельности. УК же — нечто иное. Это тоже закономерные, но нежелательные, негативные последствия, так сказать, издержки качества культуры (ее составляющих). Тут дело не в неизбежных «всеобщих», нормальных для любой активности и абсолютно необходимых трудозатратах, а в несовершенстве, неэффективности, с точки зрения самих субъектов — нерациональности, бессмысленности и даже чуждости и враждебности этим субъектам культурных элементов и структур, вызывающих дополнительные, избыточные и ненужные, затраты сил. УК — именно от них.

Будучи неизбежным и (в масштабе культуры) универсальным следствием ее деятельного существования и противоречий последнего с возможностями и потребностями «актеров» культуры, УК столь же неизбежно оказывается значимой особенностью, специфицирующей культурно-психологической «краской» и влиятельным фактором социокультурной жизни. И я предполагаю, что многие существенные и просто интересные события и изменения в истории, включая и жизнь современных обществ, происходят, кроме иных причин, и в силу накопленной УК. Поэтому и необходимо понять феномен УК, его место и роль в социокультурном целом, как синхронном, так и диахронном. Аспектом этой цели является также понимание других вариантов-разновидностей культурогенной усталости, прежде всего тесно связанной с УК *усталости культуры, или культурной усталости (КУ)*. Здесь же, прежде чем анализировать различные аспекты «проблемы УК», необходимо дать общий взгляд на УК, иначе говоря, зафиксировать ее основные общие свойства.

Усталость от культуры (УК) — коллективное и личное духовно-психосоматическое состояние, рождаемое в результате дисфункций и противоречий в отношениях между людьми (их природными и культурными свойствами, способностями и потребностями) и социокультурой (конкретными социокультурными явлениями) в процессе функционирования последних. Выражается УК в исчерпании, ослаблении или даже утрате энергии/силы потребностей и способностей субъектов жить по «законам» социокультуры (понимаемой, напомним, как все «сверхприродные», «искусственные», созданные самими людьми основания их жизни) и ее конкретных сфер, использовать в качестве средств собственного общественного и личного существования культурные (культурогенные) программы, «инструменты» и формы. И это ослабление или утрата энергии, обобщенно говоря, позитивного отношения к культуре и/или к ее конкретным феноменам, их притяжения (прежде всего, доверия к ним и потребностей в них) ведет к различным формам безразличного, а чаще негативного к ним отношения, отталкивания от них и, в конечном счете, к отказу от их практического «исполнения»-использования, существованию на иных (инокультурных или внекультурных = некультурных = природных) основаниях.

Опускаемый здесь анализ дает представление о сложном, многоуровневом психосемантическом составе и структуре УК. Ее основа и ядро — усталость в узком, буквальном смысле слова как психофизическое, психосоматическое состояние растраты, исчерпания «рабочего», энергетического потенциала, утомления = упадка физических, психических и духовных сил человека или социальной группы в поле и, главное, в результате отношений с культурой, со-бытийного (онтологического) единения с ней, «исполнения» ее. Состояние это означает (кратко- или долговременную) утрату энергетических возможностей (а значит, и потребностей) осуществлять определенные виды деятельности, поступки, отношения. Предельная степень усталости, подчиняющая все стороны человеческого существа, ведет к необратимым изменениям в существовании, к полной невозможности его материального, психического и духовного продолжения, что означает смерть (в фильме С. Мирошниченко «Слово» (2008) Н. Д. Солженицына, рассказывая об уходе своего великого мужа, довольно быстром в своей финальной фазе и при этом тихом и спокойном, безболезненном, говорит: «Он просто устал жить»). С небольшой долей метафоричности мы можем и смерть коллективных, надывидуальных социокультурных явлений (и субъектных, вроде общественных групп, коллективов, и инструментально-структурных, вроде институтов разного масштаба от государства до малых любительских организаций) связывать с их собственной полной/предельной усталостью: исчерпанностью всех собственных деятельностных (энергетических, технологических, ментальных и духовных) ресурсов и стимулов, определяющей дальнейшую невозможность плодотворных действий, выполнения даже минимальных жизнеобеспечивающих

функций, полную дезадаптацию явления в окружающей его среде. За редким исключением (вроде необратимого урона, вызванного действием природных стихий) несомненен культурогенный характер такой смертельной усталости.

Но УК не сводится к своей психосоматической энергетической основе. Последняя — именно потому, что вырастает из отношений с миром культуры, существует в отношениях с ней, в поле ее влияний и в (прямых или опосредованных) проекциях на нее: на ее конкретные проявления и «тотальность» — сама становится «культурно-содержательной»: «обрастает» множеством субъективно содержательных = смыслопереживательных состояний, получает — в контексте отношений с культурой (к культуре) — эмоциональный («душевный») и идейно-смысловой (духовный) планы. А к многообразию духовно-эмоционального целого УК примыкают из него же вырастающие — в силу побудительного характера самих переживаний — поведенческие (в широком смысле) реакции на культуру (волевые устремления и поступки). Первый аспект культурного содержания есть *семантика* УК, второй его аспект — вызываемые УК реакция и действия тех, кто ее «испытывает», — это ее *прагматика*. И правомерность «приложения» к УК этих категорий семиотики, возможность и (даже) необходимость ее семиотической интерпретации объясняются теми же «базовыми», «субстанциональными», сказали бы философы, отношениями усталости (УК) и культуры. Культура не только порождает содержание УК, но опредмечивает, материализует и выражает его вместе с самой УК, отдавая ей, в ее «распоряжение», свои материалы и свои формы. В результате УК превращается, при всей своей имманентной «неуловимости», «ускользаемости», нематериальности, кажущейся беспредметности, в своеобразный культурный текст, несущий информацию как самим носителям УК, так и всей социокультурной реальности, несомненно, оказывающий на них особого рода сигнально-побудительное воздействие.

Коротко о причинах рождения УК. Представляется, что она рождается по трем основным генетическим «линиям».

Первая: в результате «злоупотребления» культуры своей властью в процессе решения собственных сущностных задач, т. е., в самом предельном случае, как следствие репрессивного воздействия культуры на людей (что одним из первых осмыслил З. Фрейд [Фрейд 2010]) — практики подавления/нейтрализации природного в людях (того, чего тотально подавить нельзя, никогда не удавалось). Впрочем, всегда ли можно и стоит говорить о злоупотреблении, т. е. определенном «переборе» (количественном и/или качественном) в функционировании культуры? Возможно, этот вариант вернее было бы определить иначе: УК как результат непереносимости культурного (в его собственной властной логике и активности) для природного в людях, проблематичности их совместимости или даже просто несовместимости. Такова, например, вся многоплановая работа, а точнее говоря — непримиримая, настойчивая борьба

официальной культуры Средневековья с императивами человеческой биологии, человеческого тела. И хотя практически все ресурсы той культуры, от идейных и тонко психологических до материальных (политических, юридических, «карательных»), были брошены на поддержку этой культурной доминанты (идеи фикс) Средневековья, «естество» брало свое, и не только в разных, часто прихотливых, тайных, стыдливых и превращенных (а то и в извращенных) формах торжествовало, но и постоянно приводило к рождению, пусть часто глубоко запрятанной и не всегда осознаваемой, УК. Результат такой УК — отталкивание природного от культурного, сопротивление первого второму и, как правило, временное торжество природного, его победа над культурным («взрывы» стихийности, животности, агрессивности, аномии с подавлением и, пусть временной, делигитимацией укорененных и привычных культурных свойств, ненормативным удовлетворением естественных потребностей). Такова, по сути, вся концептуализированная М. М. Бахтиным карнавальная культура Средневековья и Ренессанса, хотя в ней отрабатывались и иные аспекты УК, растущие не из противоречия культурного и природного. Последнее означает, что исходная посылка (культурное vs природное) явно не исчерпывает «пункта»: иногда господствующая культура подавляет и неблизкие ей аспекты самой культурной природы человека, его культурные способности и потребности (так, карнавальная культура компенсирует не только подавленную телесность, витальность, но и подавленную социальную свободу, преодолевает феодальный иерархический гиперпорядок).

Вторая генетическая линия, ведущая к рождению УК: УК — «естественное» (психологическое, чаще всего) следствие самого *функционирования* культуры, того, что можно назвать *культурной инерцией*, когда культура еще не утратила дееспособности, не исчерпала свой собственный смысловой и энергетический ресурс и потому интерес определенных социальных субъектов — своих «заказчиков», но уже своими «данностями» (содержаниями, порядками, процессами воздействия) утомляет субъектов, одновременно не удовлетворяя каких-то актуальных потребностей. Самая элементарная и едва ли не первой выходящая «из тени» в таких частых ситуациях — потребность в рецептивно-информационном разнообразии или, что почти одно и то же, в психологической свежести и новизне, ибо, как сказано Пастернаком, «придается всё». То, что придается, перестает удовлетворять названным потребностям и быть субъективно *интересным*, становится скучным и начинает утомлять (= рождение УК). Тогда феномен культуры — источник однообразия, утраты интереса, скуки и/или других негативных состояний-факторов утомления — становится, как минимум, ненужным, воспринимается как негативно значимое излишество (содержательно: ложное или пустое), навязчивое по отношению к человеку (так это субъективно воспринимают сами люди), а потому надоедливое и утомительное. Так, например, устают от еще «бойких» и полных самомнения, но

уже не удовлетворяющих новым социальным запросам или даже только лишь новым умонастроениям политических структур (партий, парламента, выборных процедур, конкретных политиков, идеологических кампаний и лозунгов, всей политической системы, наконец) = усталость от политической системы и политики. Так, рано или поздно, приедаются и надоедают эстетические феномены быта (конкретная мода) или искусства (конкретный стиль, интонация, пафос, риторические фигуры и даже конкретные сюжеты и персонажи-героикумы) — не только и подчас даже не столько оттого, что устарели по сути, а в силу чрезмерно частого «употребления», рождающего духовно-психическую усталость, на что чуткая на «спрос» и в этом смысле «мудрая» массовая культура отвечает постоянным производством новых «историй» и новых кумиров.

И третья линия рождения УК: когда сама культура, ее конкретные элементы и структуры переживают серьезный кризис, причем культура не только накапливает, но и принципиально, мировоззренчески осознает опыт неудач, нерешенных проблем, тупиков, катастроф, разочарований и иных форм духовной и психологической репрезентации собственного кризиса и реагирования на него. Иначе говоря, тут встречаются и взаимоотражаются две «рифмующиеся» составляющие общего состояния культуры. С одной стороны, реальное исчерпание ею деятельностных, творческих сил, упадок ее способности отвечать на вызовы жизни, т. е., фактически, упадок ее *жизнеспособности*. Что имеет разные практические и духовно-психологические выражения, пронизанные общим смыслом, тоном, энергией/антиэнергией упадка сил — усталости в разных сферах жизни, общим «усталым» мироощущением (о чем и мне приходилось писать задолго до рождения концепции УК (см.: [Закс 1990])), утратой или упадком, редукцией «энергонесущих» структур коллективной и индивидуальной субъективности: воли к жизни и творчеству, воодушевления и деятельностного бесстрашия, способности к напряженному и продолжительному усилию (по М. Мамардашвили, важнейшему компоненту полноценного духа — свободного сознания). Утратой больших, вдохновенных и вдохновляющих, ведущих к масштабному практическому действию духовно-эмоциональных состояний («всемирно-историческое воодушевление», по Марксу и Энгельсу; «жизненный порыв», по Бергсону; «пассионарность», по Л. Н. Гумилеву), интереса к будущему и способности его «конструировать» и инициировать, вообще аттрактивности в духовной сфере. С другой стороны, чуткое самосознание культуры становится концептуальной репрезентацией ее собственного кризиса, мировоззренческой моделью ее бессилия перед лицом нарастающих проблем и напряжений жизни, ее внутренней исчерпанности, в том числе энергетически-волевой. Культура, тем самым, осознает собственный кризис и делает из этого обобщающие мировоззренческие и практически-поведенческие выводы, объединенные ценностным критичизмом, а то и негативизмом и релятивизмом, пессимизмом, стратегиями его

преодоления или идеями принципиальной непреодолимости, фатальности упадка и т. п. Это и есть состояние *усталости культуры* (КУ) как ее интегральная духовно-психологическая и практически-поведенческая характеристика (а в энергетически-волевом плане «усталость» уже и не метафора, а точное обозначение внутреннего состояния культуры). И эта имманентная культуре усталость порождает — вместе с общими настроениями упадка, краха, апокалипсиса, нравственного и вообще ценностного нигилизма (негативизма), цинизма и т. п. — и УК, выражающуюся как в отрицании *этой культуры* (как источника и «тела» болезни) или даже, реже, *культуры вообще*¹, так и в творческих попытках создания новой культуры: новых ценностей, форм и нового мироощущения, веры и т. п., в том числе и новой энергетики, нового тонуса, новой, согласной со здоровой «природностью» *витальности*. Авангард первой трети XX века в искусстве — ответ на такой кризис [Zaks 2017]. Сегодняшняя культура в лице постмодернистского сознания и практики и — в форме радикальной реакции-отталкивания — негативистских (нигилистических, «контркультурных») вариантов в полной мере выражает и воплощает свою собственную КУ, накапливая тем самым и ее следствие — УК рубежа XX–XXI вв. И негативистское проявление-«преодоление» ее мы видим невооруженным глазом в жизни (многие варианты экстрима и экстремизма) и искусстве (правда, это именно преодоление в кавычках, ведь «голый» негативизм преодолевает усталости культуры и от культуры иллюзорно, а фактически только закрепляет КУ и УК). А вот попыток «новостроя» культуры, подлинного и масштабного авангарда пока не так много. Отсюда состояние «межеумочности», «зависание» между прошлым и будущим, духовное безвременье на фоне революции в технике и технологии. И взрыв ретроспективизма, иллюзорных форм опыта, попытки реанимации религиозного мировоззрения, мистики, эзотерики и др. паллиативов — «на безрыбье», что называется. Гуманитарные науки разбираются с собой. Может, разобравшись, они чего-нибудь предложат культуре и человеку? Не только в качестве альтернативы упадку постмодерна, но и «обществу потребления»...

Вырастая из названных (и между собой, несомненно, взаимосвязанных) источников, УК становится одним из «свойств»-предикатов сложного социокультурного организма общества. Существенным, хотя и не всегда вполне заметным и осознаваемым *состоянием его тела, души и духа*. Каковы онтологические и иные особенности-свойства этого состояния?

Логично начать с *пространственно-временных* его особенностей-«измерений», в свою очередь «тянущих» за собой иные, «смежные» с ними качественные характеристики. Уже сказанное об УК позволяет говорить

¹ Чем масштабней и глубже кризис, тем более реакция на конкретную культуру становится критикой/отрицанием культуры вообще = порывом «назад к природе».

о ее *разномасштабности*. С одной стороны, разномасштабность **пространственная в синхронии**: УК охватывает социокультурные системы от очень локальных их сфер, ограниченных, но специфических «пространств» (точнее, конечно, хронотопов) конкретных элементов, структур и функциональных механизмов социокультуры до состояния всеохватного, универсального, **всесферного** и, соответственно, **всесубъектного** = социокультурно всеобщего (это еще один аспект масштабности, но, видимо, тесно связанный с первым: субъекты ведь всегда, так или иначе, «сферно» локализованы). Понятно, что пространственно всеохватная для социума УК — более серьезное и влиятельное состояние, чем любая локальная форма усталости.

Но для полной ее «укорененности» и влиятельности нужно взять еще один аспект («измерение») (разно)масштабности УК: **временной**. Он сам разноаспектен. Как минимум, два аспекта стоит здесь выделить. Время как историческая (историко-генетическая) рамка, или историческое «пространство», рождения и действия УК любого масштаба. Аспект, обычно называемый *диахронией*. И время как собственное измерение — функциональное свойство самой УК: продолжительность ее созревания и продолжительность собственно функционирования, или действия.

Начну с *исторического* измерения: к какому времени может относиться явление культурогенной усталости? Даже краткого очерка причин ее рождения достаточно, чтобы понять, что эти причины исторически универсальны и, значит, усталость может возникать и возникает в культуре всех времен, всех исторических типов, начиная с первобытной, архаической. Здесь можно также выйти за рамки диахронной типологии культуры: универсальные причины делают культурогенную усталость в любую историческую эпоху в равной мере присущей и всем другим значительным типологиям культуры: этнической, региональной (географической), социально-групповой, гендерной и профессиональной. Скажем, история знала культурные эпохи откровенной дискриминации женщин, что непременно рождало усталость и отталкивание женщин от маскулинной по своей гендерной доминанте культуры. В определенных культурах некоторые профессии, как и этносы, подвергались ограничениям, экономической эксплуатации, дискриминации и репрессиям, что вело их носителей, а также поддерживавших их представителей других, даже господствовавших, культур к духовной, психической и физической усталости. Как есть у любой культуры (соответственно, у ее носителей) время подъема и расцвета, так неизбежно наступает и время «заката», упадка, что неизбежно сопровождается утратой энергии физической, психической и духовной, а значит, и состоянием усталости (Данилевский, К. Леонтьев, Шпенглер, осмыслившие цикличность истории и развития культур, хотя и не говорили прямо об УК, но показывали, как в процессе старения и умирания культур утрачивается их энергия, растрачиваются их силы, падает духовная плодотворность,

производительность; Леонтьев скорбел об утрате «цветущей сложности», Шпенглер — об отступлении усталого духа под натиском энергий все более активной материальности и т. п.).

И **функциональное время** самой УК, к какой бы сфере или типологии она ни принадлежала. УК может быть состоянием «внезапно» наступающим и длящимся ограниченное время — тогда это своего рода «вспышки» УК, временные флюктуации от нормы (= временные «патологии») — с достаточно скорым возвращением к норме. Возможно (и даже наверняка), я ошибаюсь насчет «внезапности» появления УК. Скорее, мы имеем дело с ее неосознаваемым появлением и накоплением, потом «вдруг», в силу перехода незримой меры — границы возможностей терпения осознаваемой, артикулируемой и рефлекслируемой. Но действующей — «обременяющей» субъектов сравнительно недолго, исчерпываемой разными путями, даже естественным «самоисчерпанием» слабости/бессилия в результате отдыха или их вытеснением, компенсацией другими культурными активностями. Другой полюс — это УК, копящаяся большой (длительный или насыщенный событийно, деятельностно, информационно) период времени и уже поэтому «глубокая» и проникающая во все поры общественного организма и его коллективную психологию, укореняющаяся в индивидуальных мироощущениях людей. Эту «долгую», или хроническую, УК автоматически не избыть и не преодолеть — весь строй жизни и фундаментальные ее культурные основы или, как минимум, ценностно-мировоззренческие структуры духовной культуры надо менять. Тут-то, как правило, и соединяются «время» и «пространство»: т. е. накопленная (+ аспект содержания: затрагивающая и представляющая глубинные основы культуры) УК может охватывать, причем «всерьез и надолго», многие, в пределе — все сферы социокультурной системы. Налицо *кризис культуры*. Причем в его существенном проявлении: когда внутренние проблемы культуры (дисфункции, противоречия, запаздывания, проявления неэффективности и т. п.) влияют на состояние сознания и практики ее субъектов-носителей, потребителей и пользователей, становятся негативно осознаваемыми ими, порождая либо своего рода стагнацию деятельностных сил, начиная с эмоциональной апатии, безразличия ко всему существенному, проблемному, сложному, и своеобразного паралича воли к действию, творчеству, переменам, либо ее, культуры, отрицание, неприятие, отталкивание, активное желание и решимость сбросить ее бремя и создать что-то новое или (предельная ситуация) отказаться от культуры вообще. Такие кризисные ситуации, вызывающие хроническую УК и ее духовно-психологические и практически-поведенческие последствия, не редкость в истории мировой культуры, совпадающей с историей человечества. XX век знал несколько таких кризисов в начале, первой и второй половине и, наконец, на исходе своем и в начале текущего века. И самый всеохватный, до сих пор продолжающийся кризис такого рода с участием мощной хронической УК и новой, но весьма глубокой

УК, современными социокультурными условиями рожденной, переживает постсоветская Россия. Ну, а вспышки ситуативных УК рождались в обществах прошлого и «прошивают» социокультурный организм современного общества постоянно. И это, несомненно, объективная закономерность и, так сказать, обратная сторона исторического функционирования и развития культуры и общества, цивилизации людей на Земле.

Именно поэтому описанный здесь кратко аспект УК важен не только в связи с необходимостью его осознания и учета: описания и систематизации, объяснения всех модификаций. Тут мы еще и изучаем (получаем возможность изучить) механизмы пока не очень понятной социокультурной «усталой» — точнее, конечно, *усталостной* — причинности: определенные локальные виды УК разного генеза, а тем более рождаемые в результате взаимодействия и интеграции всех этих видов и порождающих их причин «долгоиграющие» УК имеют серьезные, нередко глубокие и всеохватные последствия, влияя на другие сферы и порождая своего рода «эпидемию» УК, ее лавинообразный рост и углубление, распространение по всему телу социума. Или, даже сохраняя свой предметно локальный характер, все равно влияют (прямо или опосредованно) на, говоря гегелевским языком, «общее состояние мира», наполняя его усталостью, разочарованием, апатией или ожесточением, агрессивностью.

Характер функционального бытия УК во времени, ее неоднородную, многокомпонентную функциональную структуру можно показать на характерном для наших дней примере различных форм экстремального социального поведения, порожденного, мне представляется, именно УК: от поведения футбольных болельщиков-фанатов до индивидуального вооруженного разбоя, все чаще становящегося проблемой общественного порядка, коллективной и личной безопасности граждан.

Весь мир периодически потрясают как будто спонтанные вспышки эмоций нетерпимости и ненависти «обычных», как правило, заурядных людей (= «обывателей»), выливающиеся в стрельбу на поражение по сослуживцам, одноклассникам, родственникам. Особенно часты такого рода «психические срывы» в США. Так, летом 2012 года в Денвере (Колорадо) во время премьеры последнего фильма о Бэтмене один молодой человек начал стрельбу и прицельно убил семь человек и многих ранил. В конце 2012 года еще одно страшное преступление того же типа было совершено в американском городке Ньютауне: молодой человек убил мать, а потом из ее оружия расстрелял 20 школьников и 6 учителей в соседней школе, после чего застрелился. Такого рода случаи принципиально отличны от продуманной акции «правого» экстремиста Брейвика, расстрелявшего более 60 человек, а перед этим взорвавшего бомбу в центре Осло. Брейвик действовал убежденно и планомерно, руководствуясь своими взглядами. Убийца же в Колорадо (Джеймс Холмс) и многие ему подобные другие руководствовались, как правило, определенным, пусть и устойчивым,

эмоциональным состоянием — состоянием возмущения и ненависти в сочетании с переживанием главенства собственного желания и собственной свободы («хочу и могу»). Нечто похожее (не по результату, конечно, — по «механизму») происходит и в нередких случаях разгула футбольных болельщиков после проигрыша любимой команды: мощная негативная эмоция и вызванная ею фрустрация находят практически неконтролируемый выход в разнузданно-агрессивном (девиантном и даже делинквентном) поведении болельщиков, нападающих на людей и материальные ценности и крушащих всё на своем пути, теряющих малейший страх перед запретами и угрозой наказания.

Мне кажется, что во всех этих случаях важным фактором-основанием подобного поведения были не только сильные негативные эмоции, фрустрация, но и утрата либо временное «отключение», прекращение работы того, что, «сидя» в человеке, предотвращает совершение им антиобщественных, преступных, антигуманных поступков, такой как бы паралич сдерживающих центров (норм, смыслов, чувств, образцов, опережающих образов, репрезентирующих будущие последствия нарушений обычая, морали и правовых норм). И это имеет прямое отношение к усталости от культуры. Потому что все эти «центры» и структуры, определяющие, что человек остается в пределах человеческого (санкционированного культурой) способа существования (поведения) независимо от своего психофизического и умственного состояния, независимо от властных (властвующих или пытающихся властвовать над ним в данное время) негативных или позитивных эмоций, являются приобретенными *элементами культуры*, и логику культуры в себе несут и сохраняют. Прекращение их функционирования, если оно не связано с медицинской патологией и неменяемостью, в этом случае может определяться состоянием *усталости от культуры и от ее конкретных элементов*, возможно — кратковременным. Но достаточным для доминирования некультурных — природных и антиобщественных — сил.

Более внимательное всматривание в случаи типа «болельщиков» позволяет предположить некую «многоступенчатую» систему УК, где одна ступень передает в процессе повседневности работу другой, как бы перетекает в нее, если не порождает = вызывает ее к жизни. Тут, как минимум, два, а то и больше, уровня УК. Первый уровень: вначале это усталость от повседневности с ее монотонностью, предсказуемостью и концентрирующей/выражающей этот наскучивающий и утомляющий порядок нормативностью (чем отличается жизнь в благополучных странах «золотого миллиарда»). Лекарством от этой УК в официальной, легитимной культуре оказываются маскультовские индустрии, так или иначе от приевшихся/надоевших и утомительных режимов и норм временно освобождающие и позволяющие снять усталость от них (= отдохнуть). Одна из таких индустрий — игровые виды спорта. Обратите внимание на популярность таких спортивных зрелищ, которые несут в себе выход

за рамки бытовых ограничений, в частности по насилию и запретам всякого рода. Это, прежде всего, так называемые «ударные» боевые искусства: кикбоксинг, тайский бокс, карате, тхэквондо, а также бои без правил, современные варианты бокса. Важно, что тут возникает особая субкультура со своим хронотопом и своими порядками, т. е., по сути, жизненным миром — что и помогает (уйти из надоевшего), но и рождает иллюзии автономии, «дружости» и свободы от опостылевшей реальности. Второй уровень: тут начинается «жизнь в новой реальности» с ее «инакостью» и иллюзиями освобождения. И здесь обнаруживается более конкретная следующая ступень УК. Третий уровень: ослабление рациональности участвующих и ослабление (в них) силы, авторитета, влияния, а главное — императивности некоторых норм. Например, контроля за собственными эмоциями, неприкосновенности частной жизни других, ненасилия, не говоря об условности игры и ее правил. Общая УК транслируется и трансформируется — не только под ее собственным влиянием (иногда много более серьезным, чем осознают сами субъекты и «надзорные» структуры), но уже и под влиянием самой реальности масскультурной (популярной, ставшей культовой, как футбол!) индустрии. Выстрелы в актеров в театре все-таки всегда исключение, курьез. А драки болельщиков и даже нападения на судей, другие формы хулиганства во время и после матча — уже, пожалуй, норма. Тут есть еще фактор «чувства локтя», «круговой поруки», особой солидарности, в целом, можно сказать, «антикультурного» (антинормативного), а проще и понятней говоря, — *хулиганского конформизма*. «На миру и смерть красна».

Понятно, что у убийцы-одиночки мотивы и основания другие. Точнее — иные «системы отталкивания»: самые радикальные. Соответственно, и самые радикальные прагматические следствия (и последствия) УК. Но ведь и не имеющие в «замесе»/замысле столь страшных последствий мотивы, интенции и помыслы «тиффоци» тоже нередко ведут к таким же страшным следствиям: так срабатывает многоступенчатая система УК и «отключает», отменяет казавшиеся непреложными культурными инстинктами «запреты и предписания» = культуру.

Итак, локальные взрывы негативных эмоций, агрессия и деструктивные формы поведения «выдают» тут и там, у тех людей и групп или у других наступающую УК; сама повторяемость таких отклонений и их массовость свидетельствуют о перманентном, «хроническом» наступлении/актуализации УК. Целый пласт (класс) криминальных поступков (преступлений), совершаемых спонтанно — в состоянии «аффекта», не подготовленных заранее и не имевших никаких рационально-корыстных оснований, также связан с УК².

² Но также, вполне возможно, с несформированностью культурных навыков, отсутствием сдерживающих — контролирующих поведение центров; тогда об УК говорить не приходится, конечно: нельзя устать от того, чего нет.

Начиная разговор о спонтанных вспышках УК, ведущих к криминальным последствиям, я отделил их от подготовленного «системой взглядов» и планомерно осуществленного преступления Брейвика. Однако теперь возникла кажущаяся правдоподобной гипотетическая идея: а почему, собственно, «случай Брейвика» надо выводить за пределы моей темы? Он, конечно, более сложен, чем импульсивное поведение (даже массовое). Но ведь и в случае преступных взглядов-убеждений, к которым субъект приходит постепенно, кроме осмысленного, «идейного» разочарования в цивилизованных, предложенных и одобренных культурой ценностях и технологиях, рационального убеждения в их неэффективности и ложности, мнимости, антиценности и т. п. может иметь место вполне «иррациональная», накопленная в массе негативного опыта в «неэффективном» культурном мире (и уже выше выделенная, кстати) глубокая и долгая УК. С накопления этой УК как органического внутреннего состояния и может ведь начинаться отталкивание от культуры, разрушительная «умственная», идейно-сознательная работа культурного нигилизма. Как и, кстати, «некриминальные» формы критических политических практик, также ориентированные на преодоление (разными путями) не удовлетворяющей более и утомившей культуры. Впрочем, эту гипотезу надо тщательно анализировать, потому что тут видна возможность безграничного разрастания феномена УК (в теории).

Еще одна «итерация» УК: *масштаб самого субъекта-носителя усталости*. В своем непосредственном существовании усталость — это состояние конкретного организма, или субъективности. То есть и УК в своем непосредственном виде — это состояние конкретных индивидов, единичных субъектов. Однако хорошо известно, что сходные социокультурные условия порождают и сходные свойства, структуры и процессы в бытии, организме, ментальности и сознании определенных множеств людей. Точно так же и УК и/или КУ становятся коллективным состоянием, охватывают массы людей. При этом конкретный человек и даже группа людей может приобщиться к состоянию УК опосредованно — через влияние-воздействие других людей. Ясно, что таким образом вряд ли передается физическая/телесная усталость, а вот духовно-психическая УК, как и КУ, вполне транслируема в процессе коммуникации и суггестивного воздействия одних субъектов на других. В качестве примера можно привести случаи волнообразного распространения «эпидемии» самоубийств — несомненного случая глубокой духовно-душевной усталости, всегда, разумеется, связанных и реализуемых в определенном культурно-психологическом контексте. Так, предромантическое мироощущение конца восемнадцатого века было важным контекстом-условием влияния трагического образа Вертера, чье самоубийство привело к целой группе самоубийств чувствительных читателей/читательниц повести Гёте (о самом Гёте говорили, что он спасся от суицида, написав «Вертера»). Поражение Японии во Второй мировой войне «запустило»/

актуализировало волну хакарири среди японских офицеров и даже штатских лиц, не только потрясенных катастрофой своей страны, но испытывавших утрату смысла и психосоматической энергии как необходимых условий нормального деятельного существования. Здесь огромную роль сыграл традиционалистский характер японского имперского общества, обеспечивавший высокую степень идентификации общественного (государственного) и личного. В отличие от Японии поражение нацистской Германии такой волны суицида не породило: индивидуалистическое немецкое общество с высоким уровнем «приватного» сознания к концу войны уже отделило себя от верхушки рейха как в плане личной ответственности за его преступления, так и в аспекте переживания катастрофы, утраты смысла и сил существования: не только умирать вместе с фюрером и его присными, но и сидеть в тюрьме за них даже близкие к руководству люди (генералитет, чиновники, дипломаты, юристы) явно не хотели.

От пространственно-временных и смежных с ними характеристик УК перейдем к ее *динамическим* характеристикам: отношениям с движением — еще одним атрибутом всякой реальности. Отношения УК и движения кажутся изначально внутренне противоречивыми и уже потому проблематичными. С одной стороны, общая сущность усталости — исчерпание энергии, утрата сил, а с ними возможности и желания/потребности действовать, изменять. То есть усталость — в принципе — состояние пассивности = бездеятельности. С другой стороны, мир людей, мир культуры — сплошь — деятелен (как точно заметил еще молодой Маркс, «что такое жизнь, если она не есть деятельность?»). И тот его аспект, который можно было бы назвать «миром культуругенной усталости», тоже отнюдь не пассивен, внутренне напряжен, и это напряжение не может реализоваться никак иначе, кроме как в деятельности. Так, все психические состояния, независимо от масштабов своей «энергетичности», существуют, согласно концепции Выготского — Леонтьева, как деятельностные состояния — некие формы активности психики. И «усталостные» состояния (от апатии и скуки до меланхолии, не говоря о раздражении, неприятии, отталкивании, протесте) суть определенные формы активности души и духа.

Но все же как это реально возможно: активность, рождаемая в состоянии, по определению, отсутствия возможностей деятельности, отсутствия ее необходимых оснований? В самом деле, если силы исчерпаны и энергия «на нуле» или близко к тому, то откуда же она берется для переживаний и, тем более, для поступков? Теоретически это невозможно (по крайней мере, на первый взгляд). Эмпирически — имеет место. Приведенные выше примеры говорят не просто об активности — о, можно сказать, взрыве соматической, психической (здесь, прежде всего, эмоционально-волевой) и духовной энергии. Откуда же она берется, если на «входе» ее нет?

Не знаю точного ответа, но имею гипотезу, требующую подключения смыслового плана УК. Его составляют актуализируемые переживаниями

(что, собственно, и делает их смыслами) ценностные значения культурных объектов-оснований усталости для усталого сознания (всей субъективности) в поле-контексте экзистенциального напряжения между ними. Спектр этих значений-смыслов (на деле это континуум) располагается по оси, центром которой является нулевая точка — точка отсутствия ценностного отношения (значения), а значит, напряжения, а значит, и энергии «субъекта». В противоположные от нуля стороны простираются зоны положительных и отрицательных значений (все ценностные отношения, как известно, тяготеют к бимодальности: польза — вред, добро — зло, прекрасное — безобразное). Смысловой план УК, естественно, располагается в зоне отрицательных значений. Но этот содержательный план УК, ценностно-информационно репрезентирующий собственно энергетическое состояние усталости (его можно назвать *духовно-смысловой УК*), сам, в свою очередь, порождает не энергетический вакуум, а «отрицательную» энергию негативного (критического) отношения к культуре (конкретным культурным сферам и феноменам), внутреннего самоотделения, отстранения, обособления, отчуждения, отталкивания от нее. Тут мы, напомним, имеем дело с произвольной внутренней позицией (человека или группы), изначально «аутентично» существующей не как мыслительная конструкция, концепт, идея, а как органическое экзистенциальное духовно-психосоматическое состояние. В отличие от усталости физической и даже психической, как таковых, духовная (ценностно-смысловая) усталость (от культуры и от чего угодно) не есть буквально «нулевая» степень истощенности и растраченности ее смысловой энергии. Природа духа, как и вообще сознания, действительно, не терпит пустоты, и его «свято место», воистину, пусто не бывает. Там, где растрачена, опустошена энергия позитивного отношения, где родилась и укоренилась усталость духа, там вместе с ней — как ее ментальная «внутренняя» форма — рождается отрицательное энергетическое пространство, заполненное разных оттенков и градусов негативными смыслами. Вместе с которыми (как необходимый для их оформления и выражения) существует изоморфный им спектр переживательных состояний, иногда сиюминутно-ситуативных, а иногда устойчивых и обобщенных (= духовных чувств и умонастроений), непосредственно ощущаемых и переживаемых их носителями (язык не поворачивается назвать их «субъектами» — настолько «объективно», не выбрано ими, а «выбрало их» и овладело ими это состояние). Что делает эти состояния много более доступными, осознаваемыми и понятными для их носителей, чем формирующие и наполняющие их, скрытые-растворенные в них «смыслы». Именно поэтому наши состояния, в том числе и усталостные, из «формы» существования смыслов, «уловимых» как раз только посредством этих сливающихся с ними переживательных состояний, превращаются в главное содержание УК и отдают смыслам свое имя. «Скучно». «Грустно». «Меланхолично». «Тяжко». «Невыносимо». Все это уже не только структурированный сгусток эмоций,

фиксированное устойчивое психическое состояние (чувство, умонастроение), но и внутренняя сущность, самоценный смысл последних (который ведь есть не что иное, как — воспользуюсь удачным выражением неогегельянца XIX века Фишера — «объект для нас и состояние нашего субъекта»). И отсюда, как нетрудно видеть, предмет-стимул последующих реакций, внутренних и внешних движений. Если «скучно», то хочется от этой скуки уйти, перешагнуть через нее, сменить на нечто более живое, увлекательное, ведущее к приливу энергии, к подъему душевных и духовных сил. Таково родившееся именно из такого, к тому же поименованного, состояния духовно-душевное движение О. Мандельштама: «И до чего хочу я разыграться, / Разговориться, выговорить правду, / Послать хандру к туману, к бесу, к ляду...» А если «тяжко» и, тем более, «невыносимо», то в таком состоянии жить почти невозможно, с этим нужно что-то срочно сделать, нужно освободиться от негативной власти-тирании этих состояний. Так из несогласия с собственным переживанием, с его, говоря сказанными по другому поводу словами Мандельштама, «тяжестью недоброй» и ее причиной рождается энергия негативного отношения к собственной УК. Энергия ее снятия-преодоления, ментального или практического отрицания негативной зависимости, питающей усталость и неотделимой от нее. Как у того же Мандельштама, находящего в себе силы для волевого отталкивания от предельной ситуации, казалось, полного исчерпания сил — если еще не физической, то, уж точно, духовно-душевной смерти как следствия полнейшего социального отчуждения и изгойства: «Я должен жить, хотя я дважды умер»; «Еще не умер ты, еще ты не один, / Покуда с нищенкой-подругой / Ты наслаждаешься величием равнин / И мглой, и холодом, и вьюгой...» А это уже «прагматика УК».

При всем внутреннем разнообразии весьма контурно представленного здесь смыслового плана УК, у него есть ценностный общий знаменатель. Мне кажется наиболее близкой и точной для передачи последнего метафора *амортизации*. А точнее — *ценностной амортизации*. Эмоциональная и даже физическая, телесная грани УК, мне думается, суть следствия изъянов и утрат, прежде всего духовно-смысловых, а в своей глубинной первопричине — сущностных отношений человека с культурой. А именно жизненно-практических противоречий, преломляемых и опосредуемых коллективной и индивидуальной психикой «духовно-когнитивно»: нравственно, эстетически, мировоззренчески, экзистенциально. Люди могут не понимать, откуда берется их чувство усталости при общении с культурой или ее конкретными явлениями, почему ощутимо падает психосоматический тонус и, наоборот, растет затрудненность в этом общении. Но они чувствуют и осознают снижение позитивной значимости культуры (в сущности, мира человека = собственного мира!) для себя, ее ценностный износ, уценку, девальвацию, ее обесмысливание и омертвление. При этом они могут вовсе не сознавать культурогенного характера

обесценившихся и даже ставших негативно значимыми явлений. Это и есть амортизация, ценностная амортизация, рождающая чувство растроченных сил, истощения позитивной и некогда активно побудительной энергетики — чувство усталости. Маяковский писал об «амортизации души» — износе, опустошении и усталости художественного сознания в мучительном процессе творчества. УК — результат износа, девальвации и, если хотите, опустошения отношений субъектов с миром культуры.

Отсюда и такие составляющие УК как психологического феномена: принужденность, вынужденность, навязанность, насильственность отношений с культурой, переживание ее «потустороннего», чужого, репрессивного характера и, наконец, отчуждение от нее: психологическое и экзистенциальное дистанцирование, самоотделение, сознание чуждости, инородности (если не враждебности) культуры либо, чаще, ее конкретных феноменов. Они теперь неинтересны, не волнуют или волнуют негативно, то есть угнетают. УК связана с перенасыщенностью психосоматики и духовного мира людей культурой, перенасыщенностью ею. Она или ее конкретные явления, стороны, свойства теперь лишние. Они теперь «надоели», тяготят и мешают, стали веригами, кандалами, содержательно обесмыслились, аксиологически и онтологически стали отрицательно значимы. Их больше, чем нужно. Их — уже — не нужно! Без них — кажется — лучше. Их бы, хоть на время, «взять и отменить», забыть, от них бы освободиться. Например, от «этих» или «тех» норм, институтов, порядков, слов и символов, действий и отношений (так, тотально отчужденный герой «Парада планет» В. Абдрашитова на вопрос, почему он все время молчит, отвечает: «Не о чем говорить... Обо всем переговорено. Все в общем известно. Устаешь от слов»). Но, еще раз, это — следствия усталости, «надводная часть айсберга»: спонтанная органическая (и вполне можно сказать — организменная) реакция на нее, выражающая «невыносимость»/непереносимость ее источников. А определяющий их главный внутренний «план» УК, репрезентированный духовно (смыслами), психически (эмоционально-волевым настроением) и соматически (состоянием габитуса: мышечно, гуморально, сердцебиением, дыханием), — энергетический, «силовой»: падение духовно-психосоматической энергии позитивного восприятия и переживания культуры, практических отношений с ней. На нее буквально *нет сил*. Причем это «нет сил» растет из уже названных взаимодополняющих, сопряженных истоков. С одной стороны, переставшая быть эффективной, человекообразной и гуманной, в то же время сама от себя уставшая, воспроизводящая и множащая усталость в мире людей и утомившая собой, надоевшая людям культура не вызывает подъема созидательных сил, не стимулирует позитивной энергии отношений. С другой стороны, поскольку этой приевшейся культуры (в восприятии того, кого она утомила и кому надоела) много, слишком — избыточно! — много, она начинает подавлять, отвращать. И, таким образом, множит свой отрицательный

смысл и, соответственно, отрицательную энергию — энергию отрицания. Пассивного или активного. Что выводит проблему отношений УК и деятельности за пределы внутреннего хронотопа первой в смежный с ней хронотоп прагматики УК.

«Мир усталости» экстравертен: обращен в породившую его реальность и, взаимодействуя с ее компонентами и субъектами, так или иначе стимулирует, индуцирует, порождает определенную деятельность людей и даже, нередко, целых коллективов. УК оказывается связана с различными вариантами социокультурной *активности*, выступает как их качественно определенное содержание и подтекст, так и, в другом отношении, как их основание-причина и стимул, «толчок». Выше уже были показаны «запускаемые» УК цепочки деятельностных следствий. Примеры касались крайних, агрессивных практических вариантов прагматики. Ими прагматика УК не исчерпывается. К ней следует отнести также внутренние, духовно-психологические следствия УК, подобные описанным Пушкиным типичным состояниям Онегина: апатию, скуку, сплин, хандру, ностальгию, меланхолию; и более определенные и активные в своем негативном отношении к миру, его неприятию: раздражение, резиньяцию, ресентимент, критические сомнения, протест, открытый нигилизм и прямую ненависть — всё, что в своем критически-смысловом «реактивном» инварианте можно было бы выразить словами пронизанной глубоким разочарованием и (отнюдь не чисто соматической) усталостью песни В. Высоцкого: «Всё не так, ребята!»

А в рамках практических форм реализации УК все тоже не сводится к радикальным, по сути криминальным формам отрицания культуры и/или ее конкретных сторон. Есть и множество других, вполне «пристойных», некриминальных и даже неполитических способов отталкивания от УК и, далее, ее преодоления. Одним, и весьма эффективным, выступает искусство, через механизм мимесиса позволяющий адресатам-реципиентам произведения пережить (иллюзорно или, как теперь говорят, виртуально) выход за пределы утомившей культурной реальности — поучаствовать в другой, художественной реальности происходящих девиациях. Известный фильм (черная комедия) Марко Феррери «Большая жратва» (1973) — это гротескно гиперболизированная репрезентация повседневности «общества потребления», в которой герои доводят себя до самоубийства путем переедания. Многочисленные натуралистические сцены непомерного обжорства щедро дополняются сценами сексуальными. В результате картина дает образ пресыщенных потребительским существованием, уставших от него (и идущих от него «вниз», в смерть) людей и, одновременно, позволяет зрителям, также уставшим от благополучной сытой повседневности, хотя бы ненадолго освободиться от ее плена, пережив гротескный выход за пределы нормативных «мер» потребительской культуры. Нормативные перевертыши — и эмоциональная встряска от них — таков

типичный путь отталкивания от УК и ее преодоления в любых, в том числе художественных, практиках.

Наконец, самой продуктивной формой отталкивания и, фактически, практического изживания-преодоления УК выступает созидание иных, альтернативных рождающим усталость, типов культуры или конкретных культурных феноменов. Мир, создаваемый во время карнавала, — вместо официального средневекового. Молодежная субкультура (контркультура) — вместо приевшейся буржуазной. Примеров такого рода разного масштаба и эффективности история культуры дает во множестве.

Но если УК не исключает деятельности, а, наоборот, выступает особым деятельностным состоянием, то не означает ли это, что сам термин-понятие УК можно поставить под сомнение? Я убежден, что оснований для этого нет. По нескольким причинам, каждая из которых оказывается существенной чертой специфики УК. Тут я, по сути, собираю воедино и резюмирую уже сказанное.

Итак, первая, и важнейшая, констатация: УК — особое явление-состояние людей в мире культуры, но, тем самым, и самой культуры, по своей феноменологии и социокультурным следствиям существенно отличное от «натуральных» форм усталости (притом что и в УК — каждом его конкретном проявлении — есть своя «натуральная» психосоматическая составляющая). Как видел читатель, в отличие от натуральной психосоматической усталости, ведущей к пассивности, «торможению», внутреннему опустошению людей, усталость от культуры (= усталость в пространстве культуры и по поводу культуры, рожденная самой культурой) оказывается зоной, наоборот, стимулирующей и порождающей возбуждение, энергоактивной, «реактивной», говоря языком синергетики — аттрактивной. К уже сказанному об этом парадоксе УК можно добавить следующее.

Во-первых, надо понимать, об исчерпании каких внутренних ресурсов людей и групп идет речь и что применительно к ним означает концепт «усталость». Это предлагаемые и даже навязываемые культурой цели, ценности/смыслы и способы активности, нормы, работающие как образцы, императивы и стимулы активности людей. Их сила (императивность) коренится, обобщается и накапливается в позитивном практическом опыте и сопряженной с ним энергии человеческого (социально-группового) доверия, признания, пиетета-авторитета, субъективной осмысленности-оправданности, информационном ореоле-ауре безусловности, необходимости, полезности, справедливости, блага, сакральности, экзистенциального смысла. УК и связана, прежде всего, с растратой-утратой этой содержательной (субъективно: смысловой) энергии. С девальвацией (девалоризацией) культурных оснований и форм активности и отношений людей с культурой, что тоже есть форма растраты, в данном случае — ценностно-смысловой. Все эти вызывающие УК растраты — обратная сторона накопления отрицательного (контрпродуктивного) социального

опыта, обладающего не только негативным информационным содержанием, но и определенной весомостью, или тяжестью, переживание которой, обладание или, если хотите, духовно-психосоматическое «несение» (ср. выражения: «непереносимо», «не выношу») которой и ведет к утомлению, растрате энергии людей. Нетрудно понять, что это, по сути, означает противоречие и конфликт человека как субъекта и как объекта культуры. И усталость, о которой идет тут речь, — это именно усталость от существования, давления, даже насилия субъективно обесмыслившихся, ставших «пустыми» и ненужными, но продолжающих вторгаться в сознание и жизнь людей и диктовать им компоненты культуры.

Почему же это внутреннее самоисчерпание культурных ресурсов не приводит (не приводит) коллективы и индивидов в состояние торможения, не редуцирует их деятельностный комплекс, т. е. социокультурную их жизнь, до состояния полной психосоматической усталости (чего можно было бы ожидать): до «заморозки», остановки, пассивного прозябания, полного и глубокого «организменного» анабиоза?

Здесь все-таки надо сказать то, чего пока не было сказано. Есть (может быть) та предельная степень исчерпания энергии в отношениях людей с культурой = предельная степень их внутреннего опустошения-усталости, когда действительно наступает, обобщенно говоря, *анабиоз* индивидуальных и групповых субъектов. Но не биологический, а *социокультурный*, означающий существенную редукцию или даже (предельное кризисное состояние!) полную утрату субъектности и принужденность-пассивность общественного существования людей, сведенного к «самоовеществлению»: элементарному самообеспечению, примитивной утилитарной «заботе о себе». Но это, повторю, крайняя степень кризиса и УК. В остальных же случаях УК, наоборот, парадоксально стимулирует разные варианты направленной на эту девалоризированную реальность культуры (или, наоборот, «от» этой реальности: по логике контраста и отталкивания) активности. Две взаимосвязанные причины объясняют этот парадокс. Об одной уже сказано выше: исчерпание, или амортизация, значимости конкретных культурных ресурсов, а с какой-то точки зрения — значимости определенного типа культуры и даже «культуры вообще» совершенно не отменяет, а, наоборот, многократно обостряет «толкающую» и *мобилизующую* творческие способности субъектов силу насущных *потребностей* коллективов и людей. А это всегда, так или иначе, необходимость (и желание, стремление) менять мир, адаптировать его к себе и совершенствовать (= потребность осваивать мир, творить, находя решения насущных проблем). И тут первая причина органично переходит во вторую: у людей — существ культурных — конкретные потребности и базовая для их удовлетворения потребность в оптимальных отношениях с миром находит продолжение в глубокой, органической, сущностной, хотя и не всегда осознаваемой потребности... в культуре! Освоение мира, решение

любой насущной проблемы имеет своим неперенным, необходимым условием созидание культурных оснований-предпосылок для этого, т. е. *культуротворчество*. Что и значит, что УК — такое культурно-психологическое состояние коллективных и индивидуальных субъектов, когда культура глубоко утомила их собой, своим существованием и воздействием-влиянием-давлением на них, и это рождает необходимость/потребность в обновлении старой или даже в иной, новой культуре, стимулирует и порождает новое *культуротворчество*. А в определенных случаях УК порождает потребности и попытки выхода за пределы культуры вообще! В зоны, так сказать, не-культуры, к каковой можно отнести: 1) природу, внешнюю и внутреннюю, особенно в ее неосвоенной части и, условно говоря, 2) «еще-пока-не-культуру»: процессы и результаты еще не легитимизированного, не признанного так или иначе, не укорененного в нормах культуры и не внедренного в систему массового сознания и практики, т. е. не ставшего в своей результативной части культурной инновацией.

Таков беглый обобщенный взгляд на феномен, требующий изучения, — поскольку существует и выступает закономерной, типичной чертой и влиятельным фактором коллективного и индивидуального бытия культуры. Проблема УК — это проблема ее истоков (оснований), предметных сфер и видов, духовно-психологических модификаций, социально значимых следствий и способов преодоления.

Список литературы

- Гройс 2003 — Гройс Б. Воля к отдыху // Гройс Б. Комментарии к искусству. М. : Художественный журнал, 2003. С. 51–60.
- Закс 1990 — Закс Л. А. Художественное сознание. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 212 с.
- Закс 2013 — Закс Л. А. Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Институциональная культурология : сб. статей. СПб. : Эйдос, 2013. С. 6–23.
- Закс 2016 — Закс Л. А. Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // Уральская философская школа: 50 лет — 50 имен / под ред. Л. М. Андрухиной, Л. А. Мясниковой, В. А. Лоскутова и др. Екатеринбург : Изд-во Урал. ин-та управления — филиала РАНХиГС, 2016. С. 294–309.
- Кобрин 2020 — Кобрин К. Призраки усталого капитализма (эссе последних лет о политике, искусстве и прочем). М. : Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 200 с.
- Моссо 2010 — Моссо А. Усталость: физиологические и психологические аспекты / пер. с итал. М. М. Манасеиной. 2-е изд. М. : Красанд, 2010. 328 с.
- Рассел 2015 — Рассел Б. Завоевание счастья / пер. с англ. А. С. Василенко. М. : Российский писатель, 2015. 160 с.
- Фрейд 2010 — Фрейд З. Неудобства культуры / пер. с нем. Р. Додельцева. СПб. : Азбука-классика, 2010. 192 с.
- Чутко, Козина 2015 — Чутко Л. С., Козина Н. В. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты. 3-е изд. М. : МЕД-информ, 2015. 256 с.
- Zaks 2017 — Zaks L. A. Cultural-Psychological Origins of the First Avant-Garde: the Tiredness from Culture // Convention 2017 “Modernization and Multiple Modernities” (ISPS Convention 2017), 28–29 April 2017, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin / ed. by E. Stepanova, T. Kruglova. Ekaterinburg : Knowledge E, 2018. P. 32–48.

References

- Chutko, L. S. and Kozina, N. V. (2015), *Sindrom emotsional'nogo vygoraniya. Klinicheskie i psikhologicheskie aspekty* [The Syndrome of Emotional Burnout. Clinical and Psychological Aspects], 3rd ed., MED-inform, Moscow, 256 p. (in Russian).
- Freud, Z. (2010), *Das Unbehagen in der Kultur*, translated by Dodeltsev, R., Azbuka-klassika, Saint-Petersburg, 192 p. (in Russian).
- Grois, B. (2003), "The will to rest", in Grois, B., *Kommentarii k iskusstvu* [Comments on Art], *Khudozhestvennyi zhurnal*, Moscow, pp. 51–60 (in Russian).
- Kobrin, K. (2020), *Prizraki ustalogo kapitalizma (esse poslednikh let o politike, iskusstve i prochem)* [The Ghosts of Tired Capitalism (Recent Essays on Politics, Arts, Etc.)], *Kabinetnyi uchenyi*, Moscow, Ekaterinburg, 200 p. (in Russian).
- Mosso, A. (2010), *La Fatica*, translated by Manaseina, M. M., 2nd ed., Krasand, Moscow, 328 p. (in Russian).
- Russell, B. (2015), *Conquest of Happiness*, translated by Vasilenko, A. S., Rossiiskii pisatel', Moscow, 160 p. (in Russian).
- Zaks, L. A. (1990), *Khudozhestvennoe soznanie* [The Artistic Consciousness], *Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta*, Sverdlovsk, 212 p. (in Russian).
- Zaks, L. A. (2013), "A Society for Creative Activity: The Socio-Organizing Culture as a Foundation for Creativity", in *Institutsional'naya kul'turologiya, sbornik statei* [Institutional Cultural Studies, Collection of Articles], *Eidos*, Saint-Petersburg, pp. 6–23 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2016), "A Society in a Cultural Discourse: To the Problem of 'The Cultural' vs. 'The Social', or Culturology vs. Sociology", in Andryukhina, L. M., Myasnikova, L. A., Loskutov, V. A. and Skorobogatskii, V. V. (eds), *Ural'skaya filosofskaya shkola: 50 let — 50 imen* [The Ural Philosophical School: 50 Years — 50 Names], *Izdatel'stvo Ural'skogo instituta upravleniya — filiala RANKhiGS*, Ekaterinburg, pp. 294–309 (in Russian).
- Zaks, L. A. (2017), "Cultural-Psychological Origins of the First Avant-Garde: the Tiredness from Culture", in Stepanova, E. and Kruglova, T. (eds), *Convention 2017 "Modernization and Multiple Modernities" (ISPS Convention 2017), 28–29 April 2017, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin*, Knowledge E, Ekaterinburg, pp. 32–48 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 19.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 29.07.2021

Информация об авторе

Закс Лев Абрамович
доктор философских наук, профессор
Гуманитарный университет
620049, Россия, Екатеринбург,
ул. Студенческая, 19
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: rector@guniver.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1219-3404

Information about author

Zaks, Lev Abramovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Liberal Arts University — University
for Humanities
19 Studencheskaya St., Yekaterinburg,
620049 Russia
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: rector@guniver.ru
Author's ORCID: 0000-0003-1219-3404

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.015

УДК 316.66-056.266 + 364.35 + 159.99 + 140.8 + 316.7

ТЯЖЕСТЬ СТИГМАТОВ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА С ОВЗ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. Э. Носенко-Штейн

Институт востоковедения РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Москва, Россия

Аннотация: Другая телесность в различных обществах и в разные периоды воспринималась и воспринимается по-разному. Телесность человека с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в архаических культурах, как правило, рассматривалась в негативной перспективе; это отношение сохранялось в европейской культуре в Средние века. Начиная с эпохи Возрождения люди с ОВЗ появляются в литературе и искусстве. В российском массовом сознании сохранилось множество негативных стереотипов и клише относительно людей с ОВЗ и проявлений их телесности, что не могло не найти отражения в массовой литературе. На страницах статьи делается попытка антропологического анализа телесности и техник тела людей с ОВЗ, представленных в российской массовой литературе. Для анализа автор отобрала женские детективные романы и повести, получившие в последние два десятилетия большую популярность. Анализ текстов позволяет увидеть, что господствующая в российском обществе медицинская модель инвалидности приводит к стигматизации людей с инвалидностью как худших людей по сравнению

с условно здоровыми; они обладают худшей телесностью, худшим будущим, худшими возможностями. Массовая литература в силу своей «массовости» не только отображает подобный подход, негативные стереотипы и стигматизацию, но и способствует их формированию и распространению в массовом сознании.

Ключевые слова: инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, стигматизация, телесность, техники тела, массовая литература.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 20-09-00063 А.

Для цитирования: *Носенко-Штейн Е. Э. Тяжесть стигматов: репрезентация человека с ОВЗ в современной российской массовой литературе // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 48–68. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.015*

THE WEIGHT OF STIGMA: REPRESENTATION OF A DISABLED PERSON IN RUSSIAN CONTEMPORARY MASS FICTION

E. E. Nosenko-Stein

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract: Another corporality has always been perceived differently in various societies in each epoch. Corporality — body and techniques of the body — of a disabled person was usually considered in archaic cultures in a negative perspective. Such a notion existed in European societies in Middle Ages. Since the Renaissance persons with impairments have appeared in art and fiction. Russian mass consciousness has retained a lot of negative stereotypes and labels concerning disabled people and their bodies. These notions and prejudices are often represented in mass fiction — detective stories, love stories, etc. On these pages, the author attempts to anthropologically analyze representations of disabled bodies and techniques of disabled bodies in contemporary Russian detective stories. The author has selected the texts of trendy women’s detective stories of the last two decades for this purpose. Analysis of these stories allows us to conclude that the medical model of disability, which is still widespread in the Russian society, results in profound stigmatization of disability and opposition “disabled person” — ‘abled person,’ ‘worse people’ — ‘better people.’ Disabled people have worse corporality, worse futures, and worse abilities. Mass fiction is popular, and it not only represent prejudices and fears dealing with impaired persons but also promotes these stereotypes and thus impact on mass consciousness.

Keywords: disability, disabled persons, stigmatization, corporality, techniques of body, mass literature.

Acknowledgments: This research has been fulfilled with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research. Grant 20-09-00063 A.

For citation: Nosenko-Stein, E. E. (2021), "The Weight of Stigma: Representation of a Disabled Person in Russian Contemporary Mass Fiction", *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 48–68 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.015

Введение

Другая телесность (внешность, включая расовые / фенотипические черты: цвет кожи, строение лица, тела и др.), а также другие проявления органов чувств воспринимаются различно в зависимости от историко-культурного контекста. На подобное восприятие накладываются отпечаток культурные установки, религиозные предписания, этнические традиции, социальные и статусные роли. В архаических обществах *другая* телесность и ее «носители» нередко воспринимались не просто как культурно *другие*, но как *чужие* (т. е. чуждые) и даже опасные в контексте оппозиции «мы — они» и «люди — не люди» (иными словами, чужаки с внешними чертами, кардинально отличающимися от внешности *своих*, могли восприниматься как не вполне принадлежащие к человеческому роду, подобно тому как чернокожие «дикари» нередко воспринимались европейскими путешественниками, работоторговцами и миссионерами как не слишком далеко ушедшие от животных).

Кроме того, как отмечал еще М. Мосс в своей классической работе «Техники тела» [Мосс 1996], в разных обществах и разных культурах люди по-разному двигаются — ходят, плавают, обнимаются и т. п. Этим техникам, как справедливо отмечал ученый, обучают в детстве. Они и отношение к ним тоже формируются в процессе социализации в конкретном историко-культурном контексте.

В значительной мере это относится к проявлениям телесности и техник тела людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В архаических культурах заболевание или дефект нередко связывали с негативными личными качествами человека или совершенным им дурным поступком. Однако и в древности отношение к некоторым нарушениям и дефектам было амбивалентным. Так, в античных мифах царь Эдип ослепляет себя, узнав о невольном совершенном им отцеубийстве и кровосмешении, но та же античная традиция сделала Гомера слепым и богоравным. Известно почитание безумцев у некоторых североамериканских индейцев, а также юродивых на Руси. То есть уже в древности к некоторым видам физических и ментальных нарушений иногда относились как к проявлению божественного избрничества.

В иудеохристианской традиции серьезные болезни или нарушения различных функций человеческого организма считались наказанием за грех самого человека или его предков; иногда они воспринимались как испытания в вере, подобно тому как в кн. Иова страшная болезнь (видимо, проказа) была последним и окончательным испытанием крепости веры праведника Иова. В этом контексте больное тело и связанные с ним техники репрезентировались в Средневековье, как это показал У. Эко [История уродства 2007], как кара за грех, нечто отвратительное и вызывающее страх. В русском фольклоре потеря органа чувств или конечностей изображались как наказание за греховный поступок: например, человек, надругавшийся над церковным колоколом, карался глухотой (подробнее см.: [Добровольская 2018]). В целом же в крестьянской среде (и шире — в традиционных обществах) человек с тяжелым заболеванием воспринимался как «лишний рот».

Начиная с эпохи Возрождения и с возникновением гуманистической философии такие люди постепенно превращаются в объект жалости и сострадания, как на картинах Брейгеля «Слепцы» и др. В классической литературе разного рода «убогих» и «калек» чаще изображали как несчастных, нередко отвергнутых обществом, не имеющих будущего. Таковы образы глухого горбуна Квазимодо (В. Гюго, «Собор Парижской богоматери»), Эдит (девушки, которая из-за болезни не могла ходить, в романе С. Цвейга «Нетерпение сердца»), слепого мальчика-музыканта в повести В. Короленко и многие другие. Иногда другая телесность и заболевание смешиваются. Так, в романе В. Гюго «Человек, который смеется» выведены персонажи: Гуинплен, лицо которого в детстве было обезображено бандитами-компрачикос (для того чтобы его, в русле давней европейской традиции, показывать зевакам за деньги), при этом он физически крепок и силен; в романе также изображена его возлюбленная «слепая красавица» Дея, в описании которой присутствуют «ангельские» черты. Образ-штамп «слепой красавицы» в литературе кочует из романа в роман: такова «слепая красавица» рабыня в романе Э. Бульвер-Литтона «Последние дни Помпеи» (1834), он проникает даже в популярные и дворовые песни. Такова песня «Девушка с оленьими глазами» (ниже приводится фрагмент одного из многочисленных вариантов):

Там, где свет широкий маяка,
Там, где ветры спорят с парусами,
Повстречал рыбак на берегу
Девушку с оленьими глазами.

Ничего рыбак о ней не знал,
Вёл шаланды в море он, тоскуя.
Никогда еще морской причал
Не встречал красавицу такую.

Стань, красавица, моей женой,
Стань моей подругой верной самой
Будь моей невестой дорогой.

Подняла красавица глаза,
По его щеке веда рукою.
И рыбак не думал, не гадал:
Девушка была совсем слепую.

Этот штамп глубоко неверен, ибо незрячий «взгляд» (у человека, родившегося незрячим или потерявшего зрение в раннем возрасте, глаза смотрят вверх или вбок, почти не моргают, и взгляд кажется застывшим). В эстетических категориях «условно здоровых» людей такой взгляд портит даже красивые лица (в прошлом незрячим предписывалось носить темные очки именно во избежание такого «слепого взгляда», с которым связаны многочисленные страхи и предубеждения (подробнее см.: [Bolt 2014])).

Иная тенденция в изображении другой телесности — отвращение и брезгливость, которые испытывает главный персонаж лермонтовской «Тамани» при виде слепого мальчика. Подобного рода отношение чаще встречается на страницах массовой литературы, как, например, в описании отталкивающе безобразного Эрика в романе Г. Леру «Призрак оперы» (1909).

В художественных произведениях прежде всего находят отражение не просто образы людей с инвалидностью, но именно с *другой* телесностью (или техниками тела). На страницы повестей и романов чаще всего попадают незрячие, люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата, реже — с ментальными или психическими заболеваниями, еще реже — глухие. В то же время люди с тяжелыми заболеваниями, часто ведущими к инвалидизации (сердечно-сосудистые, аутоиммунные, ряд неврологических и некоторые другие), обычно не проявляющимися внешне (или проявляющимися не всегда), практически не попадают на страницы художественных произведений. Некоторым исключением в прошлом были образы «прекрасных» больных туберкулезом, подобных Мари Дюплесси в романе А. Дюма-сына «Дама с камелиями» или героинь в романе Э.-М. Ремарка «Жизнь взаимы». Таким образом, при анализе литературных текстов (и не только) следует четко разделять инвалидность (сложное явление, имеющее биомедицинские корни и конструируемое в зависимости от историко-культурного контекста) и *другую* внешность (телесность и техники тела) (о другой телесности как эстетической категории см.: [Garland-Thomson 1997; Davidson 2008; Titchkosky 2008; Siebers 2010]).

В советскую эпоху образы людей с инвалидностью в искусстве и литературе встречаются относительно редко. В социалистической идеологии труд был почетной обязанностью каждого человека; это своеобразная реминисценция

раннехристианского посылы, выраженного в словах апостола Павла «Не труждающийся да не ешь» (2 Сол. 3:10).

Здоровье и здоровое тело были возведены в своего рода абсолюты (подробнее см.: [Bernstein 2014]). Соответственно, человек, который не мог работать или работал не в полную силу, а также не обладал сильным и здоровым телом, автоматически становился «неполноценным». Поэтому если людей с инвалидностью изображали в романах и повестях, то в основном как героически преодолевших свою «немоощь» и ставших полезными членами общества (подобно Павке Корчагину или Алексею Мересьеву).

В современном российском обществе сохраняются многие стереотипы и клише относительно людей с инвалидностью, в том числе «беспольности», «беспомощности», «обузы для общества». Многие из этих ярлыков находят свое отражение в массовой литературе.

Источники и подходы

Для этой статьи я выбрала российские детективные романы (в основном женские), получившие в последние два десятилетия большую популярность. Выбор был продиктован несколькими соображениями: в массовой литературе, как правило, находят отражение массовые же стереотипы, предубеждения и страхи, что позволяет судить о некоторых процессах, протекающих в обществе; в силу своей массовости такая «легкая» литература не только репрезентирует стереотипы и ярлыки, но и способствует их распространению и даже укоренению в массовом сознании (круговорот стереотипов в обществе и искусстве); именно в «женских» детективных романах и повестях образы людей с инвалидностью и другой телесностью встречаются, по моим наблюдениям, гораздо чаще, а отношение к ним обрисовано гораздо ярче, чем в российских детективных историях, написанных мужчинами (это отдельная тема, и ее анализ не входит в задачу данной статьи). Среди отобранных мной романов не все написаны в чисто детективном жанре; некоторые совмещают элементы детективной и любовной прозы, в других присутствуют элементы мистики и триллера.

Разумеется, я не анализирую тексты с точки зрения их литературных достоинств, художественного мастерства авторов и т. п. На страницах этой статьи сделана попытка выявить основные тенденции и репрезентации другой телесности и других органов чувств в контексте антропологических теорий, включая антропологию инвалидности.

В этой связи нелишне коротко упомянуть о некоторых теориях и моделях инвалидности.

Хотя некоторый интерес к проблемам людей с ограниченными возможностями здоровья усматривают в работах социологов и антропологов, которые

писали о социальной стратификации, дискриминации, стереотипах и предубеждениях (работы Э. Дюркгейма, П. Сорокина, М. Мосса, П. Бурдьё и др.), но пристальное внимание к проблемам таких людей было обращено в XX в. После Первой и особенно Второй мировой войны, когда многим обществам пришлось столкнуться с проблемами множества раненных, искалеченных физически и психологически людей (причем после Второй мировой это были не только молодые мужчины, но и люди разных возрастов и полов, пострадавшие в результате налетов и обстрелов, голода и эпидемий, жестокого обращения). Именно тогда появилось множество работ, написанных в основном медиками, в которых инвалидность рассматривалась как последствие заболевания или травмы, а человек с инвалидностью — как нуждающийся в лечении и заботе. Так возникла и постепенно распространилась медицинская (медикалистская) модель инвалидности, в рамках которой было много сделано для лечения и реабилитации людей с различными нарушениями и дефектами, в ряде стран была создана система социальной заботы. В СССР в рамках этой модели были сделаны шаги в сторону создания специальной педагогики (дефектология) и ее разделов — тифлологии (изучение поведения незрячих), сурдологии (изучение особенностей глухих), впрочем, весьма ограниченные.

Вместе с тем в рамках этой модели люди с инвалидностью рассматривались как объект разного рода социальной заботы (медицинской, социальной, благотворительной), сами они были отстранены от принятия решений, что в ряде случаев вело не только к пассивности, но и к иждивенчеству среди людей с ОВЗ.

Положение начало меняться в конце 60-х гг. XX в., когда по всему миру развернулось движение различных меньшинств за свои права, в том числе активизм людей с инвалидностью. Тогда начало складываться изучение инвалидности/Disability Studies как область междисциплинарного знания, существующая «на пересечении» гуманитарных и социальных дисциплин, а также часто использующая методы и термины, апробированных в исследованиях, сосредоточенных на изучении дискриминируемых социальных и культурных групп (среди них *дистанцирование, стигматизация, сегрегация* и др.).

Наиболее распространенной моделью инвалидности стала в конце XX столетия социальная модель инвалидности, которая «сдвинула фокус» с понимания инвалидности как трагедии личности на проблемы группы людей с ОВЗ, рассматриваемых последователями этой модели в качестве одной из наиболее дискриминируемых групп общества, которое делает это с целью контроля за ресурсами и властными полномочиями. Сама же инвалидность понимается как социальный конструкт (подробнее см. об этих двух моделях: [Oliver 1996; Shakespeare, Watson 2011; Siebers 2008; Bolt 2014]).

Однако и эта модель стала подвергаться критике, в первую очередь за пренебрежение физиологическими и психологическими реалиями (такими, как

боль, дискомфорт, напряжение) [Siebers 2008; Approaching 2014]. Ученые стали обращать внимание на то, что эта модель во многих случаях игнорирует исторический контекст, культурные традиции [Disability/Postmodernity 2002; Ярская-Смирнова 2002а; Носенко-Штейн 2018]. В последние 10–15 лет в зарубежной литературе развернулась дискуссия о том, что считать социальным конструктом, а что биомедицинской реальностью. И если инвалидность как явление — disability (невозможность или неспособность) большинством исследователей признается социальным конструктом, то impairment (дефект, нарушение функций) многие специалисты, вслед за Т. Шейкспиром и И. Гудли, склонны считать физиологической, а не сконструированной реальностью [Siebers 2010; Goodley, Runswick-Cole 2011; Shakespeare, Watson 2011; Approaching 2014]. Некоторые специалисты подчеркивают, что отношение к impairment, а также боли, болезни и пр. обусловлены культурными факторами.

Этими двумя моделями попытки понять природу инвалидности не исчерпываются: существует целый ряд моделей, приобретающих большую или меньшую популярность в зависимости от существования конкретных школ и направлений. Среди них аффирмативная модель (ориентирующаяся на достижения людей с инвалидностью и их уникальный опыт), юридическая (видящая основную задачу в защите прав людей с ОВЗ и разработке соответствующего законодательства) и некоторые другие (см. обзоры в работах: [Jonstone 2005; Ендальцева 2018; Носенко-Штейн 2018]).

Наиболее полно отражающей достижения различных наук мне представляется социокультурная, или историко-культурная, модель, в рамках которой инвалидность рассматривается как социокультурный феномен, имеющий биомедицинские корни, но конструируемый в зависимости от историко-культурного контекста, статусных различий, социальных границ и психологических установок, характерных для конкретного общества и конкретного периода.

Именно в рамках этой модели в статье сделана попытка проанализировать отношение к другой телесности и другим техникам тела применительно к людям с ОВЗ и их репрезентацию в современной российской массовой литературе.

Другие движения и жесты

К художественным произведениям, разумеется, не стоит предъявлять требования медицинской точности в описании людей с ОВЗ, их внешности и движений, однако нередко в популярных детективах допускается масса ошибок, являющихся следствием либо распространенных негативных стереотипов и клише, либо элементарного невежества относительно того, кто же такие люди с ОВЗ, как они выглядят и каковы их возможности и проблемы. Эти люди по-прежнему живут как будто на обратной стороне Луны, о которой

еще полвека назад было известно очень мало, либо существуют в мире, параллельном миру условно здоровых людей¹.

Например, в повести Е. Михайловой «Счастье Марии Ивановны» встречается ошибочное описание техник тела позднослепшей женщины (точнее, с глубокими нарушениями зрения, возникшими в результате, как это становится ясно из текста повести, диабетической ретинопатии — поражения сетчатки вследствие сахарного диабета, довольно быстро ведущего к слепоте). Героиня начинает быстро терять зрение в пенсионном возрасте, однако она самостоятельно и без использования белой трости, легко и ни на что не натываясь, ходит по улицам Москвы:

И никто не догадывался, что путь, люди, дома и вывески тают в ее прогрессирующей слепоте. Зрение — одна из самых страшных предательских потерь для одинокого человека, который мог подработать себе на жизнь только с его помощью [Михайлова 2017а].

Тут следует отметить, что даже незрячие — инвалиды детства, учившиеся в хороших коррекционных школах и/или прошедшие социально-бытовую реабилитацию в одном из двух существующих в России центров по реабилитации незрячих, крайне редко ходят самостоятельно (даже с белой тростью) по улицам мегаполисов, которые в силу состояния «безбарьерной» среды и напряженного уличного движения весьма недружественны по отношению к людям с ОВЗ. Что же касается так называемых позднослепших, то они в большинстве случаев не получают и такой первичной реабилитации, испытывают сильнейшую психологическую травму и нередко попросту серьезно опасаются выходить из дома без сопровождения. И чем позднее такие люди начинают терять зрение (или потеряли его одномоментно), тем сильнее шок и страх. Их движения обычно неуверенны и осторожны, они часто выставляют перед собой руки, желая нащупать внезапно возникшее препятствие или защищаясь от столкновения с чем-то или кем-то. Если мы опять же вспомним работу М. Мосса, то он указывает, что техникам тела в каждом обществе учат, и это верно и по отношению к инвалидам детства, которых (в случае если ребенок растет в семье, в которой отсутствует губительная гиперопека со стороны близких и присутствует правильная бытовая реабилитация): в детстве учат двигаться в «соответствии» с его заболеванием или дефектом, правилам гигиены, поведения за столом и пр. У людей с поздней инвалидностью все прежние техники тела оказываются «неправильными», им приходится самостоятельно овладевать новыми для них техниками движения, в том числе

¹ Оба названия взяты из книги, посвященной проблемам людей с ОВЗ: [Обратная сторона Луны 2018], а также главы из этой книги «Параллельный мир», написанной известной американской исследовательницей С. Филипс: [Филипс 2018].

ходьбы, пользования столовыми приборами, личной гигиены, уборки помещения и др. Такая «учеба» особенно тяжело дается пожилым людям, которые нередко в подобных ситуациях оказываются беспомощными.

Другие техники тела незрячих нередко становятся предметом художественной репрезентации. Так, в романе Е. Михалковой «Человек из дома напротив» описывается незрячий мужчина по фамилии Шубин, которого, что характерно для описания людей с ОВЗ, называют, исходя не из их гендерной, возрастной, этнической или профессиональной характеристики, а из особенностей их телесности; в данном случае его часто называют «слепой». Бывших однокурсников Шубина подозревают в преступлениях, частные детективы (постоянно действующая у писательницы пара Макар Илюшин и Сергей Бабкин) с ним встречаются в ресторане. Шубин, ослепший в раннем детстве и хорошо адаптированный, ловко управляет с приборами и напитками, так что детективам начинает казаться, что он их морочит. Тут допущено сильное преувеличение: Шубин по изменившемуся дыханию якобы может угадать эмоции присутствующих. Представления о необыкновенной ловкости и интуиции незрячих вообще распространены не только в российской, но и в западной литературе. Повторюсь, это верно лишь отчасти для инвалидов детства (подробнее о некоторых стереотипах и клише в англоязычной литературе XX в. см.: [Bolt 2014]). Однако тут же писательница приводит слова Шубина о тех сложностях, с которыми он сталкивался при посещении столовой самообслуживания в прошлом:

Самое жуткое место в институте. Иногда снится в кошмарах. Столики перемещаются с места на место, невозможно запомнить их расположение. Люди ходят быстро и хаотично. <...> Нет это все... недружественное. Приходилось брать еду из дома [Михалкова 2019].

Однако если человек хорошо адаптирован, то он обычно уверенно ходит с белой тростью в знакомых местах (что Шубин и делает с четырех лет) и не стесняется просить о помощи; поэтому такое нагнетание трагизма в данном случае выглядит не вполне уместно и свидетельствует опять же о плохом знании техник тела людей с нарушениями зрения.

В детективах сравнительно редко встречается изображение глухих и их техник. Это связано с трудностями коммуникаций с такими людьми: те из них, кто говорит на жестовом языке, обычно с большим трудом могут общаться со слышащими (и наоборот), а те, кто обучен читать по губам, усваивают неполную информацию (по разным оценкам, от 30 до 50 % [Астахова, Большаков 2017]). И особенности техник тела людей с нарушениями слуха обычно связаны именно с трудностями коммуникации, т. е. общения с условно здоровыми людьми. Но и такие техники иногда изображаются с ошибками и неточностями. В книге Т. Луганцевой «Шах белым конем от белой королевы»

есть несколько эпизодов, в которых речь идет о глухой девушке (ее в романе называют «глухонемой», что стало недопустимым не только в научном, но и в общественном дискурсе). Одна из героинь романа якобы легко общается с ней. Ниже приводится диалог двух персонажей.

«Ты знаешь язык глухонемых? — запоздало удивился Юра. — «Студенткой выучила. Причем запомнила язык жестов очень легко, потому что это — заданная математическая программа». — «Ты говорить так можешь?» — «Конечно. У нас в институте был один слабослышащий и очень плохо говорящий мальчик, все с ним общались только так. Кто мог, конечно» [Луганцева 2013].

Такое «беспроblemное» овладение жестовым языком — явно из области фантастики: существуют два жестовых русских языка со своей спецификой, овладение ими требует значительного времени и специальной подготовки, а так называемый сурдоперевод (в настоящее время обозначаемый как перевод русского жестового языка) — это большая и сложная работа. Более того, в сообществе глухих существуют две субкультуры: людей, владеющих жестовым языком (языками) и ориентированных на так называемую «культуру глухих и высоко ценящих ее» [Большаков 2017]; и тех, кто читает «с губ» и предпочитает интеграцию в мир условно здоровых людей. Эта коллизия — столкновение сторонников двух субкультур — получила яркую репрезентацию в детективном романе британской писательницы Э. Джордж «Ради Елены» (о некоторых репрезентациях инвалидности в искусстве и литературе см.: [Wilde 2010; Романов, Ярская-Смирнова 2011]), но российские писатели, очевидно, живут в мире, параллельном миру глухих и — шире — людей с ОВЗ.

Представления о другом теле

Другая телесность также получает в современной российской массовой литературе своеобразную репрезентацию. Чаще такая телесность вызывает у персонажей детективных историй настороженное отношение или даже страх, нередко — брезгливость и отвращение. Причем иногда авторы подобных текстов распространяют такое восприятие «инвалидной телесности» на чувства самих людей с ОВЗ.

Например, в романе Н. Солнцевой «Натюрморт с серебряной вазой» автор делает попытку в русле постмодернистской традиции следовать сценарию более раннего и известного литературного произведения. События в романе развиваются, как в лермонтовской «Тамани»: действие происходит в Тамани в 2000 — начале 2010-х гг. Главный персонаж снимает там комнату у хозяйки, племянник которой, Ян, связан с криминальным бизнесом, а внучатый племянник Гарик, незрячий мальчик лет десяти, тоже живет в ее доме. Мальчика, что, как уже отмечалось, довольно характерно, почти никогда не называют

по имени, но постоянно «слепой» либо «слепой мальчик». Более того, подчеркивается, что он вызывает у окружающих страх и отвращение, а также стыдится себя, а его техники тела *другие*.

Бабка говорит о нем:

Мать бросила его из-за увечья, не отдавать же мальчика в интернат. Он слепой с рождения. <...> У слепых очень развитый слух, осязание, обоняние, они ориентируются по-другому, не так, как мы. Он не любит солнечный свет. Гарик не видит света, он предпочитает одиночество, общается неохотно, он почти постоянно сидит дома. <...> Он лунатик ко всему прочему... Скорее всего, ребенок сам стесняется своего физического уродства и отсиживается дома [Солнцева 2013].

Далее будущее мальчика, оставшегося сиротой (его отец погиб), рисуется очень мрачно. Он становится обузой для бабки, которая говорит:

Мальца слепого поднимать надо. Учить на дому специальной грамоте, профессию ему дать, как же он жить-то будет? [Солнцева 2013].

Мотив обузы хорошо прослеживается и в других произведениях, о чем я скажу ниже. Авторы (в данном случае Н. Солнцева) как будто не подозревают о существовании специальных школ, коррекционной педагогики, помогающих технологий, которые в последние два десятилетия стремительно развиваются, не только облегчая быт людей с ОВЗ, но и давая им возможность освоить новые профессии, формы досуга и пр.

Тема другой телесности, вызывающей брезгливость и отвращение, — традиция, которая в русской литературе идет, видимо, от Лермонтова, — не редкость. Так, в романе Т. Осиповой «Тьма придет за тобой», сочетающем в себе элементы триллера, детектива и мистики, описывается человек, серьезно пострадавший в ДТП и оставшийся парализованным. В романе подчеркивается, что он вызывает отвращение даже у себя самого:

Моя жизнь давно не приносит мне никакой радости, только светлые блики воспоминаний, навещающие время от времени. <...> После того как я попал в автомобильную катастрофу, моя жизнь стала напоминать пустой, ватный, без запаха и вкуса пудинг. Я прикован к инвалидному креслу. Парализованный неудачник, именуемый овощем. ...с губ стекала слюна. Я был отвратителен, пах потом и дерьмом [Осипова 2015].

Такие репрезентации телесности, сопровождающие беспомощность персонажей, в массовой литературе превращаются в мотив обузы, бремени, ненужности для самого человека с инвалидностью и окружающих. Люди с ОВЗ иногда описываются как завидующие условно здоровым, вечно жалующиеся на свою долю. Так, в романе А. Даниловой «Красивая, богатая, мертвая», сочетающем элементы детективного и любовного романа, героиня (Глаша), слушая тяжелобольную женщину (Ольгу), размышляет:

Глаша, слушая Ольгу, подумала, что многие больные люди, истерзанные болью и социальными трудностями, в большинстве своем ипохондрики, превращаются в настоящих мизантропов. Ирина, пышущая здоровьем, красивая, богатая, не могла не раздражать Ольгу одним своим существованием [Данилова 2018].

Многие авторы, пишущие в жанре детектива и любовного романа, допускают, как уже говорилось, массу ошибок не только в описании телесности и техник тела людей с инвалидностью, но и в описании причин заболевания или «чудесного исцеления». В романе «Смерть отключает телефон» А. Данилова описывает быстро слепнущую молодую женщину, находящуюся на грани самоубийства. Подруга предлагает продать квартиру, чтобы сделать операцию, а в конце книги богатый благотворитель эту операцию, сделанную в Германии, оплачивает, и женщина вновь обретает зрение [Данилова 2012]. Причины стремительной слепоты у молодой героини не являются последствиями травмы или осложнения после другого заболевания. Иными словами, такая «слепота», а также «чудесное исцеление» — явно неправдоподобны, это прием, введенный автором с целью возбудить сострадание к героине, обретающей в конце «женское счастье» (которого по определению лишены люди с инвалидностью, в романе называемые «ущербными»). Разного рода пейоративные обозначения вообще характерны для такого рода литературы. Так, в романе Е. Михайловой «Закат цвета индиго» мужчина, оставшийся инвалидом в раннем детстве (его мать вместе с ним выбросилась из окна, и мальчик получил очень тяжелые травмы) часто называется «калейкой», хотя автор описывает его как умного и удачливого в бизнесе [Михайлова 2010].

Вина и кара

Люди с инвалидностью в традиционных обществах, как уже говорилось, за редкими исключениями рассматривались как лишние рты. В эпоху модерна и массового производства эти люди из такого производства были, как правило, исключены и, следовательно, воспринимались в качестве обузы. Мотив обузы для общества и бремени для семьи, еще более укоренившийся в советское время, постоянно встречается на страницах массовой литературы. Так, в романе Е. Михайловой «Солнце в крови» описывается юноша с детским церебральным параличом (ДЦП), который не может ходить и речь которого неразборчива. Его мать, еще молодая женщина, изображена как измученная несчастьями и нищетой:

Уставшее, изможденное лицо, ранняя седина в негустых волосах, заколотых на затылке, простое темное платье. И затравленное выражение загнанной львицы, которая готова в любой момент броситься на любого, защищая своего ребенка. И ему 20 лет. Столько лет беспомощности, изоляции от внешнего мира, зависимости от матери, единственного человека, которому он дорог [Михайлова 2013].

Здесь характерен не только мотив «бремени», но и бессмысленности существования самого юноши, бесполезности жертвы его матери, а также «изоляции от внешнего мира». Это в целом характерно для людей с тяжелой инвалидностью, которые в силу социальных и бюрократических барьеров, а также стигматизации инвалидности воспринимаются как *чужие* и в ряде случаев не имеют возможности выйти из дома.

В романе Т. Поляковой «Голос, зовущий в ночи» именно в таком ключе описывается молодой человек, якобы ставший жертвой нападения наркоманов и оставшийся прикованным к инвалидной коляске. Выясняется, что на самом деле он преступник, много лет морочивший врачей (что является безусловной небылицей), а также окружающих, в том числе сестру, которая о нем заботилась.

Сотрудница фирмы, где работала сестра (героя книги, впоследствии убитая), рассказывает:

Что бы он без нее делал? Теперь один-одинешенек. Неизвестно, что бы с ним было, если бы не сестра. Она за ним не только ухаживала. Работой загрузила. В общем, парень жил полноценной жизнью. <...> Конечно, стать инвалидом, да еще в таком возрасте, испытание не для слабонервных. Так вот: Олег — мужик крепкий, нюни не распускал. Пытался жить, как нормальные люди [Полякова 2019].

В ряде случаев в массовой литературе мотив обузы и жертвы преобразуется в мотив наказания за грех — свой или родителей. Корни таких представлений кроются в ветхозаветной традиции, в русской же культуре они видоизменяются, и тяжелая болезнь ребенка стала восприниматься как кара за грех матери [Фролова 2019].

Например, в романе Е. Михалковой «Темная сторона души» изображен маленький мальчик с тяжелой формой ДЦП (он почти не двигается и не говорит, у него тяжелая умственная отсталость). Его функциональное расстройство (обычно являющееся ошибкой врача при трудных родах) описывается как вина матери, родившей его вне брака. Мальчика (и это тоже характерно) воспитывают мать и бабушка, обладающие чертами религиозной истерии (в то время как отец не пожелал участвовать в судьбе сына). Характер описываемых нарушений у ребенка обычно встречается в неблагополучных семьях и детских домах в случае глубокой педагогической запущенности (подробнее об этом см.: [Клепикова 2018]), но крайне редко в семьях, где о ребенке заботятся и реабилитируют.

В анализируемой детективной истории мальчик в самом конце начинает реагировать на цвета и запахи, но отношение к нему со стороны окружающих остается негативным, что отражается в совете соседки:

Ты баба молодая, а хоронишь себя с инвалидом. Знаешь ведь, что не вылечить его так, зачем мучаешься? И не любишь его ни капельки. <...> Отдала б ты его в детский дом. <...> И всем было бы хорошо. Тебе потому, что жить бы начала. Ему... потому что все равно, где мучиться [Михалкова 2008].

Нередко мотив бесполезности явно или, чаще, латентно преобразуется в мотив дистанцирования или избегания людей с инвалидностью. Они живут в изоляции (у них нет семьи и друзей, они часто вообще не выходят из дома), и условно здоровые люди стараются избегать общения с ними и дистанцироваться от них самих и их проблем (подробнее об этом см.: [Nosenko-Stein, 2017]).

Божьи безумцы?

Особенно резко многие стереотипы и стигматизация инвалидности запечатлены в описании ментальных и психических расстройств. Сами обозначения таких людей в русском языке («дурак», «дебил», «идиот», «шизик» и др.), нередко являющиеся вербальной репрезентацией медицинских диагнозов, выступают как обценные, когда использующий их желает оскорбить собеседника, подчеркнув низкий уровень его интеллекта или странности поведения. Кроме того, именно в повествованиях о таких людях особенно часто встречается мотив «плохой наследственности». Так, в романе Е. Горской «Жена Цезаря вне подозрений» речь идет о том, что у героини в семье якобы имеется наследственное психическое расстройство. Далее выясняется, что речь идет о «сошедшей с ума» бабушке (у которой, судя по описанию, проявились элементы возрастной деменции). Но автор представляет ситуацию как своего рода семейное проклятие, тяготеющее над героями романа. Случайно услышав разговор родителей о «сумасшествии» бабушки, героиня, ревновавшая их к своему брату, которого они, по ее мнению, больше любили, думает обо всем так:

А потом на нее навалился такой оглушающий ужас, что уже и не помнила ни о какой обиде [на родителей]. <...> кто же захочет жениться на шизанутой? [Горская 2013].

Справедливости ради надо сказать, что в общество, хоть и медленно, начинают проникать отдельные идеи толерантности, в том числе по отношению к *другим*. Это иногда находит отражение в массовой литературе, особенно в репрезентации людей с расстройствами аутистического спектра (РАС), о которых в последние годы стали писать не только специалисты, но также публицисты и люди искусства. Таково описание проблем мальчика, страдающего аутизмом, в романе Е. Михайловой «Длиннее века, короче дня».

Подруга матери мальчика с РАС говорит:

Я знаю, что такое аутизм, это не слабоумие, это особый склад ума. Просто маленького человечка пугает жизнь за пределами своего уголка. Ему нужны только родные люди, такие дети часто бывают очень талантливы. Человек дождя [Михайлова 2017b].

Семейные радости

Массовая российская литература практически отказывает человеку с ОВЗ в возможности создания семьи: он никому не нужен, включая себя самого, или нужен самому близкому человеку, несущему свой «крест» с инвалидом (судьба человека с ОВЗ в дальнейшем стыдливо замалчивается). Это относится ко всем без исключения людям с инвалидностью (не только ментальной), в восприятии которых превалирует жалость, часто смешанная со страхом и нередко с отвращением. Даже успешные люди с ОВЗ, подобные уже упоминавшемуся «калеке» Олегу из романа «Закат цвета индиго», живут одиноко, не имея семьи. Проблемы сексуальности людей с ОВЗ авторами детективных историй не затрагиваются вовсе: очевидно, предполагается, что секс им не нужен или в принципе невозможен. Здесь мы наблюдаем давнюю традицию табуирования инвалидной сексуальности (в СССР, как известно, не было не только секса, но и инвалидов). В российском обществе укоренен стереотип либо об асексуальности людей с инвалидностью (они изображаются как «вечные дети», и к ним соответственно относятся), либо как гиперсексуальные, чья «сексуальная озабоченность» подлежит контролю, а иногда и подавлению в стенах специальных институтов, где они иногда проживают (подробнее эта проблема освещена в: [Shakespeare, Gillespie-Sells, Davies 1996; Прокопенко 2001; Ярская-Смирнова 2002b; Клепикова 2018]).

Обрести семью и секс для них возможно лишь после исцеления, как это произошло с уже упомянутой героиней романа А. Даниловой.

Однако, как мы видели, будущее людей с ОВЗ представлено в массовой литературе в безрадостной перспективе; чаще будущего у них нет вовсе.

То есть инвалидность, а также другая телесность и другие техники тела в массовой литературе воспринимаются как стигматы, не позволяющие самим людям с ОВЗ и их родным иметь семью, сексуальные отношения и какие-либо перспективы.

В романе У. Соболевой «Бумажные крылья» речь идет о молодом человеке, разбившемся на мотоцикле, получившем перелом позвоночника и тяжелейшие множественные травмы. Врач в больнице небольшого города говорит о ситуации с отсутствием нужных специалистов, включая психиатра, а также о нехватке необходимого оборудования и медикаментов; в конце она заключает:

Инвалид. <...> А вообще они потом на алкоголь или на наркоту сядутся — и всё. И нет человека [Соболева 2020].

В словах этого персонажа содержится значительная доля правды (это относится к ситуации с больницами и медицинским персоналом в небольших городах): о такой перспективе пишут и говорят не только врачи, но и активисты и руководители организаций для инвалидов; это особенно справедливо

для тех, кто стал инвалидом во взрослом возрасте и у кого происходит утрата всех прежних статусов (см.: [Носенко-Штейн 2020]).

Заключение

В целом в массовой российской литературе, как было показано, господствует настороженное отношение к людям с ОВЗ как к худшим, с худшей телесностью, худшими чувствами и с худшим будущим. Иногда в ней представлены неприязнь, брезгливость и даже некоторые страхи, в том числе страх наследственности, контактов с другой телесностью. Людей с ОВЗ избегают, опасаясь не только контактов с ними, но страшась обременить себя помощью им [Nosenko-Stein, 2017]. Такая литература не только отражает массовые стереотипы, но в силу своей массовости способствует их формированию и распространению.

В российском обществе продолжает превалировать медицинская модель инвалидности, согласно которой инвалидность — это болезнь или дефект, а человек с инвалидностью — больной, противопоставленный условно здоровым как «неполноценный», «убогий» и «калека», которого можно жалеть, но от которого мало что зависит. Такой патерналистский подход не мог не получить широкой репрезентации в художественной литературе, особенно массовой, являющейся своеобразным зеркалом массового сознания.

Список литературы

- Астахова, Большаков 2017 — *Астахова Н. В., Большаков Н. В.* Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 51–66. DOI: 10.17323/1727-0634-2017-15-1-51-66.
- Большаков 2017 — *Большаков Н. В.* Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 154–165. DOI: 10.17223/1998863X/38/16.
- Горская 2013 — *Горская Е.* Жена Цезаря вне подозрений. М. : Эксмо, 2013. 358 с.
- Данилова 2012 — *Данилова А.* Смерть отключает телефон. М. : Эксмо, 2012. 320 с.
- Данилова 2018 — *Данилова А.* Красивая, богатая, мертвая. М. : Эксмо, 2018. 320 с.
- Добровольская 2018 — *Добровольская В. Е.* Репрезентация болезней и уродств в русских волшебных сказках // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. С. 127–178.
- Ендальцева 2018 — *Ендальцева А. С.* Изучение и поиски чистой модели: Что осталось за пределами внимания на пути между Глобальным Югом и Глобальным Севером? // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. С. 43–74.
- История уродства 2007 — *История уродства* / под ред. У. Эко ; пер. с итал. А. А. Сабашниковой, И. В. Макарова, Е. Л. Кассировой и др. М. : Слово, 2007. 456 с.
- Клепикова 2018 — *Клепикова А.* Наверное, я дурак: антропологический роман. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.

- Луганцева 2013 — *Луганцева Т.* Шах белым конем от белой королевы. М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. 322 с.
- Михайлова 2010 — *Михайлова Е.* Закат цвета индиго. М. : Эксмо, 2010. 352 с.
- Михайлова 2013 — *Михайлова Е.* Солнце в крови. М. : Эксмо, 2013. 352 с.
- Михайлова 2017a — *Михайлова Е.* Счастье Марии Ивановны [Электронный ресурс] // Михайлова Е. Встреча в час волка : сборник рассказов. М. : Эксмо, 2017. URL: <https://topliba.com/books/629729> (дата обращения: 16.06.2021).
- Михайлова 2017b — *Михайлова Е.* Длиннее века, короче дня. М. : Эксмо, 2017. 512 с.
- Михалкова 2008 — *Михалкова Е.* Темная сторона души. М. : Эксмо, 2008. 352 с.
- Михалкова 2019 — *Михалкова Е.* Человек из дома напротив. М. : АСТ, 2019. 352 с.
- Мосс 1996 — Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : «Восточная литература» РАН, 1996. С. 242–264.
- Носенко-Штейн 2018 — *Носенко-Штейн Е. Э.* Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 5–11. DOI: 10.7868/S0869541518010013.
- Носенко-Штейн 2020 — *Носенко-Штейн Е. Э.* «Роковой диагноз» как начало обряда перехода: статус инвалида и отношение к нему в современной России // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 149–161. DOI: 10.31857/S086954150012355-0.
- Обратная сторона Луны 2018 — Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики) / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. 420 с.
- Осипова 2015 — *Осипова Т.* Тьма придет за тобой [Электронный ресурс]. М. : LiveLib, 2015. URL: <https://akniga.org/osipova-tatyana-tma-pridet-za-toboy> (дата обращения: 16.06.2021).
- Полякова 2019 — *Полякова Т.* Голос, зовущий в ночи. М. : Эксмо, 2019. 320 с.
- Прокопенко 2001 — *Прокопенко Ю.* Секс и инвалидность: Предрассудки в отношении сексуальной жизни инвалидов и неинвалидов // Сексолог. 2001. URL: <http://www.doktor.ru/sexolog/STA/st45.htm> (дата обращения: 16.06.2021).
- Романов, Ярская-Смирнова 2011 — *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Образ власти и власть образа. Больное тело в культуре // Теория моды: одежда, тело, культура. 2011. № 18. С. 91–116.
- Соболева 2020 — *Соболева У.* Бумажные крылья. М. : Текст, 2020. 240 с.
- Солнцева 2013 — *Солнцева Н.* Натюрморт с серебряной вазой. М. : АСТ, 2013. 384 с.
- Филипп 2018 — *Филипп С.* Параллельный мир // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности (теория, репрезентация, практики) / отв. ред. А. С. Курленкова, Е. Э. Носенко-Штейн. М. : МБА, 2018. С. 223–274.
- Фролова 2019 — *Фролова А. В.* Отношение к рождению ребенка-инвалида в крестьянской среде (по материалам Русского Севера) // Преподавание истории в школе. 2019. № 7–2. С. 6–9.
- Ярская-Смирнова 2002a — *Ярская-Смирнова Е. Р.* Мужество инвалидности // О мужественности / под ред. С. Ушакина. М. : Новое литературное обозрение, 2002. С. 106–125.
- Ярская-Смирнова 2002b — *Ярская-Смирнова Е. Р.* Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности : сб. статей / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 223–244.
- Approaching 2014 — *Approaching Disability: Critical Issues and Perspectives* / Ed. by R. Mallett, K. Runswick-Cole. Routledge, 2014. 184 p.
- Bernstein 2014 — *Bernstein F.* Prosthetic Promise and Potemkin Limbs in Late-Stalinist Russia // Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life / Ed. by M. Rasell, E. Yarskaya-Smirnova. Oxford : Routledge, 2014. P. 42–66.
- Bolt 2014 — *Bolt D.* The Metanarrative of Blindness: A Re-reading of Twentieth-Century Anglophone Writing. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2014. 176 p.
- Davidson 2008 — *Davidson M.* Concerto for the Left Hand: Disability and the Defamiliar Body. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2008. 306 p.
- Disability/Postmodernity 2002 — *Disability/Postmodernity: Embodying Disability Theory* / ed. by M. Corker, T. Shakespeare. London : New York : Continuum, 2002. 264 p.

- Garland-Thomson 1997 — *Garland-Thomson R.* Extraordinary Bodies: Figuring Physical Disability in American Culture and Literature. New York : Columbia University Press, 1997. 200 p.
- Goodley, Runswick-Cole 2011 — *Goodley D., Runswick-Cole K.* The violence of disablism // *Sociology of Health & Illness*. 2011. Vol. 33 (4). P. 602–617. DOI: 10.1111/j.1467-9566.2010.01302.x.
- Johnstone 2005 — *Johnstone D.* An Introduction to Disability Studies. Oxford : David Fulton Publishers, 2005. 192 p.
- Nosenko-Stein 2017 — *Nosenko-Stein E.* “They fear us because we are Other”: Attitudes Towards Disabled People in Today’s Russia [“Nos temen porque somos Otro”: actitudes hacia las personas con discapacidad en la Rusia moderna] // *Salud Coddcteva*. 2017. No. 13 (2). P. 158–170.
- Oliver 1996 — *Oliver M.* Understanding Disability: From Theory to Practice. London : Macmillan, 1996. 192 p.
- Shakespeare, Gillespie-Sells, Davies 1996 — *Shakespeare T., Gillespie-Sells K., Davies D.* The Sexual Politics of Disability: Untold Desires. New York : Cassell, 1996. 256 p.
- Shakespeare, Watson 2011 — *Shakespeare T., Watson N.* The Social Model of Disability: An Outdated Ideology? // *Exploring Theories and Expanding Methodologies: Where we are and where we need to go (Research in Social Science and Disability, Vol. 2)* / Ed. by S. Barnartt, B. Altman. Bingley : Emerald Group, 2011. P. 9–28. DOI: 10.1016/S1479-3547(01)80018-X.
- Siebers 2008 — *Siebers T.* Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2008. 463 p.
- Siebers 2010 — *Siebers T.* Disability Aesthetics. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2010. 167 p.
- Titchkosky 2008 — *Titchkosky T.* Reading and Writing Disability Differently: The Textured Life of Embodiment. Toronto : University of Toronto Press, 2008. 192 p.
- Wilde 2010 — *Wilde A.* Spectacle, performance and the re-presentation of disability and impairment // *Review of Disability Studies*. 2010. Vol. 6 (3). P. 34–44.

References

- Astakhova, N. and Bolshakov, N. (2017), “Cultural Consumption Patterns Among the Deaf and Hard of Hearing: Inclusion Versus Exclusion”, *The Journal of Social Policy Studies*, vol. 15, no. 1, pp. 51–66 (in Russian).
- Bernstein, F. (2014), “Prosthetic Promise and Potemkin Limbs in Late-Stalinist Russia”, in Rasell, M. and Yarskaya-Smirnova, E. (eds), *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life*, Routledge, Oxford, pp. 42–66.
- Bolshakov, N. (2017), “The Possibilities of Mixed Methods Research in Studying of the Deaf Community”, *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no. 38, pp. 154–165 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/38/16.
- Bolt, D. (2014), *The Metanarrative of Blindness: A Re-reading of Twentieth-Century Anglophone Writing*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 176 p.
- Corker, M. and Shakespeare, T. (2002), *Disability/Postmodernity: Embodying Disability Theory*, Continuum, London, New York, 264 p.
- Danilova, A. (2012), *Smert otkluchaiet telefon* [Death switches off the telephone], Eksmo, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Danilova, A. (2018), *Krasivaya, bogataya, mertvaya* [She is beautiful, rich and dead], Eksmo, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Davidson, M. (2008), *Concerto for the Left Hand: Disability and the Defamiliar Body*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 306 p.
- Dobrovolskaya, V. Ye. (2018), “Representation of illness and ugliness in Russian fairy tales”, in Kurlenkova, A. S. and Nosenko-Stein, E. E. (eds), *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti (teoria, reprezentatsia, praktiki)* [The Other Side of the Moon, or What We Don’t Know about Disability: Theory, Representations, Practices], MBA, Moscow, pp. 127–178 (in Russian).

- Eco, U. (ed.) (2007), *Storia della bruttezza*, translated by Sabashnikova, A. A., Makarov, I. V., Kasirova, E. L. and Sokol'skaya, M. M., Slovo, Moscow, 456 p. (in Russian).
- Endaltseva, A. S. (2018), "Exploring and Searching for a Clean Model: What Is Left Beyond Attention on the Path Between the Global South and the Global North?", in Kurlenkova, A. S. and Nosenko-Stein, E. E. (eds), *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti (teoria, reprezentatsia, praktiki)* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], MBA, Moscow, pp. 43–74 (in Russian).
- Frolova, A. V. (2019), "Attitude to the Birth of a Disabled Child in a Peasant Environment (Based on the Materials of the Russian North)", *Prepodavaniye istorii v shkole*, no. 7-2, pp. 6–9 (in Russian).
- Garland-Thomson, R. (1997), *Extraordinary Bodies: Figuring Physical Disability in American Culture and Literature*, Columbia University Press, New York, 200 p.
- Goodley, D. and Runswick-Cole, K. (2011), "The violence of disablism", *Sociology of Health & Illness*, vol. 33 (4), pp. 602–617. DOI: 10.1111/j.1467-9566.2010.01302.x.
- Gorskaya, E. (2013), *Zhena Tsezaria vne podozreniy* [The wife of Caesar is beyond suspicions], Eksmo, Moscow, 358 p. (in Russian).
- Johnstone, D. (2005), *An Introduction to Disability Studie*, David Fulton Publishers, Oxford, 192 p.
- Klepikova, A. (2018), *Navernoie, ia durak: Antropologicheskyy roman* ["Perhaps I am foolish: Anthropological novel], European University in Saint Petersburg, Saint Petersburg, 432 p. (in Russian).
- Kurlenkova, A. S. and Nosenko-Stein, E. E. (eds) (2018), *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znaem ob invalidnosti (teoria, reprezentatsia, praktiki)* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], MBA, Moscow, 420 p. (in Russian).
- Lugantseva, T. (2013), *Shakh belym koniom ot beloy korolevy* [Shah to the white horse from the white queen], Astrel, Poligrafizdat, Moscow, 322 p. (in Russian).
- Mallett, R. and Runswick-Cole, K. (2014), *Approaching Disability: Critical Issues and Perspectives*, Routledge, London, 2014, 184 p.
- Mauss, M. (1996), "Les techniques du corps", translated by Gofman, A. B., in Mauss, M., *Obschestvo, obmen, lichnost* [Society, exchange, personality], "Vostochnaya literatura" RAN, Moscow, pp. 242–264 (in Russian).
- Mikhalkova, Ye. (2008), *Temnaya storona doushi* [The dark side of the soul], Eksmo, Moscow, 352 p. (in Russian).
- Mikhalkova, Ye. (2019), *Chelovek iz doma naprotiv* [A person from the house on the opposite side of the street], AST, Moscow, 352 p. (in Russian).
- Mikhaylova, Ye. (2010), *Zakat tsveta indigo* [The sunset of indigo color], Eksmo, Moscow, 352 p. (in Russian).
- Mikhaylova, Ye. (2013), *Solntse v krovi* [The sun in the blood], Eksmo, Moscow, 352 p. (in Russian).
- Mikhaylova, Ye. (2017a), "Happiness of Maria Ivanovna", in Mikhaylova, Ye., *Vstrecha v chas volka, sbornik rasskazov* [Meeting at the hour of the wolf. Storybook], Eksmo, Moscow, available at: <https://topliba.com/books/629729> (accessed 16 June 2021) (in Russian).
- Mikhaylova, Ye. (2017b), *Dlinneye veka, koroche dnia* [It is longer than a century but shorter than a day], Eksmo, Moscow, 512 p. (in Russian).
- Nosenko-Stein, E. (2017), "They fear us because we are Other": Attitudes Towards Disabled People in Today's Russia ["Nos temen porque somos Otro": actitudes hacia las personas con discapacidad en la Rusia moderna]", *Salud Coddteeva*, vol. 13 (2), pp. 158–170.
- Nosenko-Stein, E. (2018), "Anthropology of disability: problems and perspectives", *Ethnographic Review*, no. 1, pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.7868/S0869541518010013.
- Nosenko-Stein, E. (2020), "Fatal" Diagnosis and Rites of Passage: Self-Representation of Disabled People and Their Statuses in Contemporary Russia, *Ethnographic Review*, no. 5, pp. 149–161 (in Russian). DOI: 10.31857/S086954150012355-0.
- Oliver, M. (1996), *Understanding Disability: From Theory to Practice*, Macmillan, London, 192 p.
- Osipova, T. (2015), *Tma pridet za toboy* [Darkness will come for you], LiveLib, Moscow, available at: <https://akniga.org/osipova-tatyana-tma-pridet-za-toboy> (accessed 16 June 2021) (in Russian).

- Phillips, S. D. (2018), "Parallel world", in Kurlenkova, A. S. and Nosenko-Stein, E. E. (eds), *Obratnaia storona Luny, ili chto my ne znam ob invalidnosti (teoria, reprezentatsia, praktiki)* [The Other Side of the Moon, or What We Don't Know about Disability: Theory, Representations, Practices], MBA, Moscow, pp. 223–274 (in Russian).
- Polyakova, T. (2019), *Golos, zovushchii v nochi* [The voice that calls in the night], Eksmo, Moscow, 320 p. (in Russian).
- Prokopenko, Yu. (2001), "Sex and disability: prejudices dealing with sexuality of disabled and non-disabled persons", *Seksolog*, available at: <http://www.doktor.ru/sexolog/STA/st45.htm> (accessed 16 June 2021) (in Russian).
- Romanov, P. and Yarskaya-Smirnova, E. (2011), "Image of power and power of image: disabled body in culture", *Teoria mody: odezhd, telo, kultura*, no. 18, pp. 91–116 (in Russian).
- Shakespeare, T. and Watson, N. (2011), "The Social Model of Disability: An Outdated Ideology?", in Barnartt, S. and Altman, B. (eds), *Exploring Theories and Expanding Methodologies: Where we are and where we need to go (Research in Social Science and Disability, Vol. 2)*, Emerald Group, Bingley, pp. 9–28. DOI: 10.1016/S1479-3547(01)80018-X.
- Shakespeare, T., Gillespie-Sells, K. and Davies, D. (1996), *The Sexual Politics of Disability: Untold Desires*, Cassell, New York, 256 p.
- Siebers, T. (2008), *Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 463 p.
- Siebers, T. (2010), *Disability Aesthetics*, University of Michigan Press, Ann Arbor, 167 p.
- Soboleva, U. (2020), *Bumazhnye krylia* [Paper wings], Tekst, Moscow, 240 p. (in Russian).
- Solntseva, N. (2013), *Natiurmort s serebrianoi vazoy* [Still life with silver vase], AST, Moscow, 384 p. (in Russian).
- Titchkosky, T. (2008), *Reading and Writing Disability Differently: The Textured Life of Embodiment*, University of Toronto Press, Toronto, 192 p.
- Wilde, A. (2010), "Spectacle, performance and the re-representation of disability and impairment", *Review of Disability Studies*, vol. 6 (3), pp. 34–44.
- Yarskaya-Smirnova, E. (2002a) "Courage's of disability", in Ushakin, S. (ed.), *O muzhestvynosti* [About courage spirit], Novoye literaturnoye obozrenie, Moscow, pp. 106–125 (in Russian).
- Yarskaya-Smirnova, E. (2002b), "Stigma of disabling sexuality", in Zdravomyslova, E. and Temkina, A. (eds.), *V poiskakh seksualnosti* [Searching sexuality], Dmitry Bulanin, Saint Petersburg, pp. 223–244 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 15.07.2021

Принята к публикации / Accepted: 29.07.2021

Информация об авторе

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Институт
этнологии и антропологии РАН
107031, Россия, Москва,
ул. Рождественка, 12
E-mail: nosenko1@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-9952-8582

Information about the author

Nosenko-Stein, Elena Eduardovna
D. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences, Institute of Ethnology
and Anthropology, Russian Academy
of Sciences
12 Rozhdestvenka St., Moscow,
107031 Russia
E-mail: nosenko1@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-9952-8582

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Л. Г. Скульмовская

Тюменский государственный институт культуры
Тюмень, Россия

Л. Ю. Антонова

Тюменский государственный институт культуры
Тюмень, Россия

О. С. Кудинова

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Аннотация: Целью исследования является изучение проблем формирования информационно-коммуникационной культуры в современной цифровой среде. В контексте концепции информационного общества рассматриваются особенности различных типов культуры, функционирующих в современной цифровой среде: информационная, электронная, экранная, интернет-культура, выявляются их общие черты и отличительные особенности. Информационная культура представляет собой тип культуры, включающий систему взглядов, этических установок, правил и норм, основой которого является информация как ценность, а материальными носителями — средства передачи (печать, радио, телефония, телевидение и Интернет). В качестве синонима термина «информационная культура» часто используется понятие «электронная культура», основополагающей чертой которой выступают виртуальные электронные площадки, транслирующие достижения культуры. Экранная культура рассматривается как некий продукт информационной эпохи, сформировавшийся в момент столкновения человека с экранными средствами отображения информации и неразрывно связанный с техническим прогрессом. Интернет-культуру можно выделить в отдельный тип культуры, включающий в себя использование возможностей Сети как площадки для реализации потребностей общения и самовыражения, развития творческого начала через создание, использование, трансформацию виртуальных объектов, зачастую аналогичных реально существующим, но имеющих особый, присущий только им вид. В работе определены компоненты информационной культуры, проанализированы ее трактовки в рамках культурологического, информационного,

деятельностного и личностного подходов. В изучении электронной, экранной и интернет-культуры также существует несколько научных подходов: культурологический, филологический, философский, психологический. Указывается, что на данном этапе развития общества происходит становление нового социального типа человека («информационного») и характера общественных отношений. Феномен информационно-коммуникационной культуры рассмотрен в качестве компонента информационного общества, ее формирование в условиях цифровой среды анализируется на примере сферы образования и культуры.

Ключевые слова: информационное общество, информационно-коммуникационная культура, цифровые технологии.

Для цитирования: *Скульмовская Л. Г., Антонова Л. Ю., Кудинова О. С.* Формирование информационно-коммуникационной культуры в современной цифровой среде // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 2. С. 69–83. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.016

BUILDING AN INFORMATION AND COMMUNICATION CULTURE IN THE MODERN DIGITAL ENVIRONMENT

L. G. Skulmovskaya

Tyumen State Institute of Culture
Tyumen, Russia

L. Yu. Antonova

Tyumen State Institute of Culture
Tyumen, Russia

O. S. Kudinova

Tyumen State University
Tyumen, Russia

Abstract: The study explores the problems of forming an information and communication culture in a modern digital environment. In the context of the concept of the information society, the paper considers the characteristics of various types of culture functioning in the contemporary digital environment: information, electronic, screen, Internet culture. It also reveals their typical features and distinctive features. Information culture is a type of culture that includes a system of views, ethical attitudes, rules and norms, based on information as value, and material media — means of transmission (press, radio, telephony, television and the Internet). As a synonym to “information culture,” the concept of “electronic culture” is often used. Its fundamental feature is virtual electronic platforms broadcasting

cultural achievements. Screen culture is considered a kind of product of the information era, formed during the collision of a person with screen display media and inseparably associated with technological progress. Internet culture can become a particular type of culture, which includes the use of the Web as a platform for realizing the needs of communication and self-expression, developing creativity through the creation, use, transformation of virtual objects, often similar to real ones, but with a special, unique appearance. The work identified components of information culture, analyzed its interpretations within the framework of cultural, information, activity and personal approaches. In the study of electronic, screen and Internet culture, there are also several scientific approaches: cultural, philological, philosophical, psychological. The authors indicate that at this stage of the development of society, there is a formation of a new social type of person (“information”) and the nature of social relations. The authors considered the phenomenon of information and communication culture as a component of the information society and examined its formation in the digital environment using areas of education and culture as an example.

Keywords: information society, information and communication culture, digital technologies, digital society.

For citation: Skulmovskaya, L. G., Antonova, L. Yu. and Kudinova, O. S. (2021), “Building an Information and Communication Culture in the Modern Digital Environment”, *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 69–83 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.016

Введение

Процесс создания, использования и распределения знаний в современном постиндустриальном обществе значительно ускорился благодаря активному развитию новых информационных технологий. Основной особенностью постиндустриального общества, по мнению Л. Г. Ионина, является «кодификация теоретических знаний и новое отношение науки к технологиям» [Ионин 2007]. Следовательно, важно рассмотреть понятия постиндустриального и информационного общества, компонентом которого является информационно-коммуникационная культура личности.

Термин «информационное общество» был введен в 60-х гг. XX в. американским экономистом Ф. Махлупом и японскими исследователями Т. Умесао и Ю. Хаяши. На протяжении времени его существования предлагалось множество названий и определений этого типа общества (к примеру, Ж. Фурастье применил термин «общество услуг», З. Бжезинский — «технотронное общество», Е. Масуда — «информационное общество»). Концепция информационного общества представляет собой разновидность теории постиндустриального общества. Начиная с конца XX в. данный термин получил широкое употребление в научной литературе, и каждый автор придает постиндустриальному

обществу свои характерные черты. Д. Белл, в частности, считает, что информационное общество обладает всеми характеристиками постиндустриального общества, и в качестве основных его черт выделяет следующие [Белл 2004]:

- переход к производству услуг в образовании и исследованиях;
- увеличение в структуре населения интеллигенции, профессионалов и «технического класса»;
- теоретическое знание занимает центральное место в науке;
- соединение науки, техники и технологии;
- центральной фигурой в обществе является ученый;
- наличие новой элиты, основанной на квалификации.

Можно утверждать, что не менее значимой была теория А. Турена как активного сторонника концепции постиндустриального общества, определяемого им социальными и культурными, а не экономическими факторами [Турен 1998]. Социологические взгляды Э. Тоффлера практически не отличались от концепций Д. Белла и З. Бжезинского, которые первостепенное значение уделяли развитию техники и ее роли в преобразовании социокультурных процессов в обществе. По мнению Э. Тоффлера, период, охватывающий конец XX — начало XXI в., должен стать «эпохой утверждения новых технологий в сфере производства, быта, общественной организации, политики, общения и культуры» [Тоффлер 2009]. Р. Дарендорф рассматривал теорию социальной стратификации постиндустриального общества как важнейшая часть общей теории конфликта, а современный конфликт — как конфликт между ресурсами и притязаниями [Дарендорф 1994]. Ф. Уэбстер подверг критическому анализу теории информационного общества Д. Белла, М. Кастельса, Г. Шиллера, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Ж. Бодрийера, З. Баумана и др., считающиеся обоснованием глобальной «информационной» экономики [Уэбстер 2004]. И хотя дискуссии продолжают до сих пор, тем не менее можно определить то общее, что объединяет все существующие концепции информационного общества, — это его неразрывная связь с информационной культурой.

Отличительными характеристиками информационного общества, согласно выводам И. А. Журавлевой, являются [Журавлева 2016]:

- распространение качественных источников информации и их свободный доступ;
- высокий уровень автоматизации и роботизации;
- увеличение роли «информации» в виде патентов, научных знаний, дизайна и маркетинга;
- возрастание ценности времени;
- возрастание ценности досуга, поскольку четкие границы «рабочего времени» исчезают.

Эти характеристики могут быть продолжены, так как в последние годы происходят значительные изменения в современном обществе и поведении

населения, к примеру увеличение доли дистанционного обучения. Удовлетворение информационных потребностей населения, формирование единой информационной среды определяют новую культуру общества и каждого человека. Интернет становится неотъемлемой частью жизни, представители разных социальных групп уже давно стали заменять просмотр телевидения нахождением в Сети. В этой связи актуальным становится вопрос о том, насколько усилилась вовлеченность потребителя в информационный продукт и трансформировалась экранная культура в условиях увеличения времени нахождения в Сети.

За последние десятилетия сформировался терминологический аппарат, связанный с осмыслением современных культурных феноменов, таких как «информационная культура», «электронная культура», «интернет-культура», «экранная культура». Зачастую они употребляются как однопорядковые. Понятийный аппарат был сформирован в условиях усилившегося исследовательского внимания к роли информации в социокультурных процессах, приобщения массовой аудитории к информационным продуктам средств массовой информации и механизмам информационного обмена, которые напрямую были связаны с внедрением в жизнь научных достижений в области телекоммуникаций. При ознакомлении с публикациями многих авторов становится понятно, что они иногда подменяют одно понятие другим, не вдаваясь в особенности дефиниции.

В энциклопедии «Культурология. XX век» указывается, что термин «информационная культура» используется в двух основных значениях: во-первых, как совокупность норм, правил и стереотипов поведения, связанных с информационным обменом в обществе; во-вторых, как понятие, характеризующее культуру с точки зрения кумулируемой, обрабатываемой и транслируемой в ее рамках информации [Информационная культура 1998]. В обыденной жизни информационная культура иногда ограничивается системой знаний в области информационных процессов и технологий и зачастую сводится к навыкам работы с компьютером и умением ориентироваться в потоках информации. А. В. Уразова рассматривает информационную культуру как определенный свод правил поведения в инфокоммуникационной среде в контексте общечеловеческой культуры [Уразова 2010]. Характеризуя информационную культуру человека, К. А. Зайкина и Л. Н. Шаймухаметова выделяют следующие критерии [Зайкина, Шаймухаметова 2015]:

- умение грамотно формулировать свою потребность в информации;
- умение эффективно осуществлять поиск необходимой информации во всей совокупности информационных ресурсов;
- умение перерабатывать информацию и создавать качественно новую;
- умение адекватно отбирать и использовать информацию;
- способность к информационному общению, знание норм «информационной этики»;
- компьютерную грамотность.

Перечисленные критерии позволяют говорить о многоаспектности данного понятия. В определениях информационной культуры большое значение отводится психологическим показателям развития личности, без которых невозможна успешная жизнедеятельность в современном информационном обществе.

Методология и методы

При исследовании информационной культуры могут быть применены методы теории информации в рамках культурологического анализа на любом уровне, а также методы антропологии (в частности, кумуляционные процессы изучаются при помощи семиотических и антропологических методов; процессы обработки позволяют изучить структурный и функциональный анализ; трансляцию — методы теории коммуникации). Применение квантификационных методов (методы математической статистики) возможно при проведении социологического опроса, хотя в процессе квантификации и измерения можно получить неадекватные результаты.

При изучении проблем информационно-коммуникационной культуры выделяют четыре основных подхода — культурологический, информационный, деятельностный и личностный. В рамках культурологического подхода информационно-коммуникационная культура рассматривается как способ жизнедеятельности человека в информационном обществе, как составляющая процесса формирования культуры. При информационном подходе изучается совокупность знаний, умений и навыков поиска, отбора, анализа информации, поэтому, на наш взгляд, информационную культуру личности следует изучать в контексте формирования компетенций по самостоятельному приобретению профессиональных знаний (профессиональных компетенций), востребованных на данном уровне развития общества. Если говорить о системе образования, то здесь уместен компетентностный подход.

С позиции деятельностного подхода изучается культурный уровень личности как параметрическое понятие, определяемое, наряду с другими параметрами (политические, экономические, технические, коммуникационные и другие знания и навыки), информационной культурой. Здесь речь идет о степени владения общекультурными компетенциями, которые можно измерить при помощи количественных методов социологии. Известно, что любая деятельность носит личностный характер, в том числе и деятельность, связанная с информацией, поэтому информационно-коммуникационную культуру личности рассматривают сквозь призму личностного подхода. В условиях информационного общества личностное и деятельностное начала взаимообогатывают и взаимообуславливают друг друга.

В изучении электронной, экранной и интернет-культуры также существует несколько научных подходов:

— культурологический, позволяющий выявить систему ценностей, знаков, символов и этических норм;

— филологический, рассматривающий коммуникативные возможности Сети, информационные потоки и трансформацию языка в условиях виртуальной реальности и быстроты передачи информации;

— философский, исследующий феномен данных видов культуры и их влияние на мироощущение современного человека;

— психологический, концентрирующий внимание на процессе взаимодействия людей, особенностях их поведения в Сети.

Все перечисленные методы свидетельствуют о том, что в процессе изучения информационной культуры могут быть применены методы различных наук (теоретические, общелогические, эмпирические).

Результаты и обсуждение

Рассмотрим более подробно термины «электронная культура», «интернет-культура», «экранная культура», их основные отличия и особенности. В качестве синонима термина «информационная культура» часто используется понятие «электронная культура», основополагающей чертой которой выступают виртуальные электронные площадки, транслирующие достижения культуры: электронные библиотеки, выставки, электронная музыка и др. Переформатированное искусство, интерактивное совместное творчество и электронные версии объектов культурного наследия характеризуют этот тип культуры.

К интернет-культуре можно отнести электронные артефакты, и ее можно выделить в отдельный тип культуры, включающий использование возможностей Сети как площадки для реализации потребностей общения и самовыражения, развития творческого начала через создание, использование, трансформацию виртуальных объектов, зачастую аналогичных реально существующим, но имеющих особый, присущий только им вид. К примеру, интернет-библиотеки, социальные сообщества, магазины. Материальным носителем интернет-культуры является экран в виде монитора стационарного компьютера или ноутбука, планшета, телефона. Однако интернет-культура интерактивна и меняется под прямым, а не опосредованным воздействием пользователей Сети. Она имеет яркие отличительные черты, которые позволяют отделить понятие «интернет-культура» от термина «экранная культура».

Различные определения понятия «интернет-культура» приводят к пониманию, что еще одной чертой, отличающей ее от экранной культуры, является отсутствие единых ценностей и норм, невозможность или сложность контроля со стороны внешней среды. Первое объясняется тем, что в Сети

зачастую не сформированы единые, целостные социальные группы, обладающие схожими принципами поведения и идеологическими ценностями. Второе является результатом структурных особенностей функционирования Сети. Сегодня уже можно с уверенностью утверждать, что Интернет с его возможностями способен вытеснить другие источники информации. Однако наряду с позитивными характеристиками электронной культуры исследователи выделяют негативное влияние составляющих ее элементов, например влияние Интернета на мораль.

Изучение данного направления получило ускорение в середине XX в., когда были созданы основополагающие теории об информационном обществе. Экранная культура стала рассматриваться как некий продукт информационной эпохи, сформировавшийся в момент столкновения человека с экранными средствами отображения информации и неразделимо связанный с техническим прогрессом. Можно сказать, что в основе экранной культуры лежит объединение интеллектуальных возможностей человека с техническими средствами. Основным материальным носителем культуры в этом типе является экран, а содержание включает в себя разнообразные формы изображения и речи. Экранный тип культуры, по мнению ряда исследователей, нарушает гармонию эмоциональной и рациональной сфер человека.

На взгляд Д. Д. Каллимулина, визуализация и конкретность мышления не способствуют нравственной рефлексии, создают благоприятную почву для широкого распространения идей аморализма [Каллимулин 2015]. Разработка предложений по смягчению ожидаемых негативных явлений видится в определении критериев интегрированности в информационном обществе, оценке текущих воздействий информатизации на жизнь общества, а также в грамотной работе по формированию информационно-коммуникационной культуры населения. Для того чтобы сформировать информационную культуру общества и каждого человека, соответствующую современному уровню развития техники и информационных технологий, необходим целый комплекс мероприятий, затрагивающий все звенья социальной и культурной системы.

Под влиянием информатизации, по мнению В. М. Адрова, формируется новая культура (субкультура), значительно отличающаяся от существовавшей ранее. В этих условиях информация становится практически главной культурной ценностью, формируется новый тип человека — человек «информационный» [Адров 2008]. Такой человек владеет всеми информационными системами, испытывает постоянную потребность в информации и везде погружен в информационное поле: на работе, в общении, творчестве, на досуге и т. д. Различия между «информационным человеком» и «традиционным» строятся на межпоколенческом подходе (так как это, как правило, молодые люди), и трансляция культуры от поколения к поколению становится главным содержанием и смыслом системы образования.

Характерными чертами процесса информатизации современного общества выступают непрерывное техническое самосовершенствование всех информационных систем (компьютеризация, развитие теле- и видеосетей, радиовещание, тотальная мобильная телефонная связь и др.) и их сетевой характер. Сетевой принцип организации любой деятельности — характерная черта, имеющая особое значение для современного человека. В этих условиях формируется принципиально новая технология образования, предполагающая самостоятельный выбор обучающимся траектории обучения. При трансляции культуры от поколения к поколению усиливается роль субъективного фактора, меняется роль педагога, он становится тьютором (руководителем и консультантом). Особенно важен вопрос формирования информационно-коммуникационной культуры подростков, являющихся представителями цифрового поколения, так как современные подростки родились и живут в информационном обществе.

В современных условиях новая образовательная среда требует пристального внимания со стороны специалистов различных научных направлений. Причиной, порождающей потребность в изучении особенностей системы образования, выступает целый комплекс проблем, который фиксируется социологами, психологами, культурологами, экономистами и др. Новая социальная реальность потребовала переориентации образования, смены его целей, поскольку модель образования в России была явно рассчитана на решение задач индустриального общества. С появлением новых экономических, социальных и политических реалий возникла потребность в инновационной и модернизационной модели образования, ориентированной на информационное общество. По мнению Г. Е. Зборовского, понадобилось осмысление новых целей образования и новых средств их достижения в виде его инновационной модели в постиндустриальном обществе [Зборовский 2013].

Сейчас уже можно утверждать, что в системе образования накоплен значительный практический опыт применения автоматизированных систем управления различными технологическими процессами. В образовательной деятельности управление учебным процессом с применением системы информатизации является необходимым и обязательным, поэтому проводится массовое внедрение в практику автоматизированных систем, возможности которых позволяют реализовать значительную часть работы по формированию требуемых профессиональных компетенций обучающихся и обеспечить персональный характер занятия на основе подбора нужных модулей с учетом степени подготовки обучаемого. По справедливому утверждению Г. Ф. Шафранова-Куцева, для современного общества, кроме ускорения темпов развития технологий, характерно ускорение морального устаревания значительной части информации; к примеру, для выпускников вузов XXI в. устаревание знаний наступает через два-три года [Шафранов-Куцев 2012]. По этой причине стилем жизни современного человека становится непрерывное образование

и самообразование, повышение уровня своих знаний и компетенций. В условиях динамично меняющейся социально-экономической ситуации в России обществу необходимы специалисты, обладающие адаптивной гибкостью. В связи с этим перед системой образования стоят две противоположные задачи: удовлетворить социальный заказ на качество специалиста как компетентной, инициативной, социально адаптированной личности, обладающей ответственностью и гражданской позицией, с одной стороны, а с другой — сохранить и развить ее уникальность, сформировать стремление и способность к саморазвитию.

В современных условиях сетизация образования позволяет выстраивать образовательные структуры, реализовывать индивидуальные образовательные траектории при переходе к гибким схемам, основанным на новых подходах. В частности, в 2021 г. новую образовательную программу магистратуры вводит Институт экономики и управления Уральского федерального университета, ее основной особенностью является полноценный онлайн-формат обучения, реализуемый впервые. Весь процесс общения со студентами будет организован с помощью цифровых сервисов, что вполне удобно для специалистов из других городов, желающих обучаться без отрыва от работы. Программа ориентирована на генерацию идей проектов в сфере управления развитием территорий, а обучение включает научный подход и практические инструменты цифровой трансформации бизнеса и управления на основе данных [ТАСС 2021].

Использование цифровых технологий для продвижения услуг культурно-досуговых учреждений может значительно повысить эффективность PR-коммуникаций и конкурентоспособность учреждения на рынке. Для этого необходимо грамотно использовать инструменты рекламы и PR-коммуникации с учетом особенностей целевой аудитории и повышения качества предоставляемых услуг. Благодаря наилучшему качеству предлагаемой услуги и лучшей организации ее продвижения появляется конкурентное преимущество, что, в свою очередь, способствует общему продвижению и увеличению числа лояльных потребителей услуг учреждения. Но в то же время можно утверждать, что в учреждениях социально-культурного профиля такого опыта пока недостаточно, они только входят в систему информатизации.

Информационные технологии оказывают влияние на изменение различных сторон управления учреждением культуры, на условия достижения лучших результатов в области качества предоставляемых услуг. Информационное общество предъявляет новые требования к формированию информационно-коммуникационных ресурсов социальной сферы, в том числе и культурной среды, считая культурное достояние одним из основных составляющих человеческого развития. В области культуры главная цель процесса построения информационного общества включает обеспечение конституционного права

каждого гражданина на равноправный и свободный доступ к информации, к информационным ресурсам учреждений культуры; сохранение культурного наследия; формирование активной государственной политики для укрепления нравственных и патриотических принципов в общественном сознании.

Доступность, открытость, привлекательность для мировой общественности любого региона России зависит от множества факторов, но важным аспектом является то, какой гранью региональная культура представлена в мировом пространстве. Информатизация, применение информационных технологий, размещение информации в сети Интернет дает новые возможности для оперативного, свободного доступа личности не только к национальным, мировым, но и к региональным культурным ценностям. Развитие в информационном обществе требует, кроме информатизации деятельности отдельных учреждений культуры, решения вопросов интеграции информационных ресурсов и предоставления доступа к объединенным медийным источникам.

Для анализа и примера можно рассмотреть основные задачи, которые поставлены в региональной культурной политике Тюменской области, где обозначено, что к 2024 г. должно быть увеличено не только количество посещений учреждений культуры, но и количество обращений об информации о культуре к цифровым ресурсам более чем в 5 раз. Поставленные задачи предполагают, что деятельность учреждений культуры должна быть направлена на информатизацию, развитие системы информационных, коммуникационных технологий с применением современных систем цифровизации. Также предполагается, что в целях выполнения Национального проекта «Культура» региональные учреждения культуры и искусства должны включить в свои перспективные, текущие планы внедрение инновационных, информационных технологий, таких как виртуальные выставки, доступ к библиотечным фондам, обмен информацией и др. [Указ Президента РФ 2018]. Для того чтобы выполнить требования Национального проекта, региональным учреждениям культуры предлагается сделать ряд шагов к цифровой трансформации (цифровизации), которая предполагает внедрение цифровых технологий в деятельность музеев, галерей, театров, библиотек и филармоний страны.

Важнейшим этапом цифровизации учреждений культуры является формирование новой коммуникационной модели и использование современного инструментария для ведения рекламной и PR-деятельности. В сфере культуры стали появляться различные информационные методы реализации культурных ценностей и услуг. Во-первых, это обеспечение доступа к новым информационным технологиям тем людям, которые не могут получить их у себя дома. Важную роль здесь играют общедоступные библиотеки при их тесном контакте с общеобразовательными школами. В рамках проекта «Цифровая культура» в 2019 г. в регионе открыты три виртуальных концертных зала, ведется работа по оцифровке изданий, приравненных к книжным памятникам.

И хотя из-за режима самоизоляции и запрета на массовые мероприятия в связи с пандемией учреждения культуры оказались недоступны для посетителей, тем не менее театры предлагали зрителям онлайн-трансляции, а музеи приглашали на свои виртуальные экскурсии. За этот период около пяти миллионов зрителей смогли бесплатно посмотреть лучшие спектакли театров страны благодаря проекту «Большие гастроли — онлайн», когда обычные гастроли стали невозможны. Учреждениями сферы культуры были продемонстрированы новые формы взаимодействия со зрителем и успешно освоены современные технологии. По мнению министра культуры РФ, благодаря новым технологиям и переходу в онлайн-режим культурные проекты стали доступны для всех жителей страны. В частности, начиная с марта 2020 г. федеральными музеями было проведено около 23 тысяч онлайн-мероприятий с посещаемостью более 300 млн человек, что значительно превышает итоги посещаемости музеев офлайн в 2019 г. [Вести 2020]. В целом из-за пандемии и введенных ограничительных мер 2020 год для сферы культуры был весьма непростым, тем не менее в рамках нацпроекта «Культура» доступ к современной инфраструктуре получили около 40 млн россиян (треть из которых проживает в населенных пунктах численностью до 50 тыс. человек).

Выводы

В условиях обострения глобальной идейно-информационной конкуренции ни одно учреждение не обходится без использования информационных систем и компьютерных технологий, автоматизирующих тот или иной процесс. С развитием информационных систем осуществляется разработка программных продуктов, которые автоматизируют общие учетные задачи для большинства организаций. Результативное управление деятельностью учреждениями образования и культуры в современных условиях возможно только при качественном и глубоком информационно-социологическом обеспечении управления. Оптимизации информационного обеспечения управления деятельностью учреждений социально-культурного профиля в условиях пандемии может способствовать применение современных информационных и коммуникационных технологий.

Информатизация управления социально-культурными учреждениями состоит из множества аспектов, объединяющих всю информационно-коммуникационную деятельность в единую систему. К таким аспектам можно отнести, во-первых, создание организационной и технической поддержки через систему программного обеспечения; во-вторых, развитие единого информационного банка через организацию информационной среды, которая включает в себя единую информационную корпоративную систему взаимосвязанных технических и программах элементов. В конечном итоге, заключительным аспектом

в информатизации управления может стать развитие информационной культуры персонала, включающее использование информационно-коммуникационных технологий подготовленными специалистами.

Эффективность работы учреждений образования и культуры в современных условиях, качество оказываемых ими услуг в значительной степени определяются умением использовать информационные технологии в управлении деятельностью учреждения.

Список литературы

- Адров 2008 — *Адров В. М.* Информационные аспекты современной культурной трансформации // *Фундаментальные проблемы культурологии* : в 4 т. Т. 4 : Культурная политика / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб. : Алетейя, 2008. С. 93–97.
- Белл 2004 — *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 2004. 788 с.
- Вести 2020 — Министр культуры: несмотря на пандемию, отрасль совершила прорыв [Электронный ресурс] // *Вести*. 29.12.2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/2505040> (дата обращения: 29.12.2020).
- Дарендорф 1994 — *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 142–147.
- Журавлева 2016 — *Журавлева И. А.* Информационное общество : учеб. пособие. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2016. 141 с.
- Зайкина, Шаймухаметова 2015 — *Зайкина К. А., Шаймухаметова Л. Н.* Информационная культура личности как фактор развития информационного общества // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2015. № 9. С. 56–58.
- Зборовский 2013 — *Зборовский Г. Е.* Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. 484 с.
- Информационная культура 1998 — *Информационная культура* // *Культурология. XX век : энциклопедия* : в 2 т. Т. 1. / гл. ред., сост. С. Я. Левит. СПб. : Университетская книга, 1998. С. 269–270.
- Ионин 2007 — *Ионин Л. Г.* Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.
- Каллимулин 2014 — *Каллимулин Д. Д.* Электронная культура как компонент информационной культуры личности // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 3. С. 27–32.
- ТАСС 2021 — Крупнейший вуз Урала впервые начнет готовить специалистов для «умного» региона онлайн [Электронный ресурс] // ТАСС. 04.03.2021. URL: <https://tass.ru/ural-news/10830563> (дата обращения: 04.03.2021).
- Тоффлер 2009 — *Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др. М. : АСТ : АСТ Москва, 2009. 795 с.
- Турен 1998 — *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Научный мир, 1998. 204 с.
- Указ Президента РФ 2018 — Указ Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Президент России. 07.05.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (дата обращения: 04.03.2021).
- Уразова 2010 — *Уразова А. В.* Информационная культура личности и информационная культура общества в России // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2010. № 6. С. 154–158.

- Уэбстер 2004 — Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Мальхиной ; под ред. Е. Л. Варгановой. М. : Аспект Пресс, 2004. 400 с.
- Шафранов-Куцев 2012 — Шафранов-Куцев Г. Ф. Профессиональное образование в условиях современного информационного взрыва // Социология в системе научного управления : материалы IV Всероссийского социологического конгресса. М. : ИС РАН, 2012. С. 1169–1171.

References

- Adrov, V. M. (2008), “Informational aspects of modern cultural transformation”, in Spivak, D. L. (ed.), *Fundamental'nye problemy kul'turologii, v 4 tomakh. Tom 4, Kul'turnaya politika* [Fundamental problems of cultural studies, in 4 vols. Vol. 4, Cultural Policy], Aleteiya, Saint Petersburg, pp. 93–97 (in Russian).
- Bell, D. (2004), *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*, translated by Inozemtsev, V. L., Academia, Moscow, 788 p. (in Russian).
- “Culture Minister: industry made a breakthrough despite pandemic” (2020), *Vesti*, 29 December, available at: <https://www.vesti.ru/article/2505040> (accessed 29 December 2020) (in Russian).
- Dahrendorf, R. (1994), “Elemente einer Theorie des sozialen Konflikts”, translated by Stepanenkova, V. M., *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 142–147 (in Russian).
- “Information culture” (1998), in Levit, S. Ya. (ed.), *Kul'turologiya. XX vek, entsiklopediya, v 2 tomakh. Tom 1* [Culturology. 20th century, encyclopedia, in 2 vols. Vol. 1], Universitetskaya kniga, Saint Petersburg, pp. 269–270 (in Russian).
- Ionin, L. G. (2007), *Sotsiologiya v obshchestve znaniy: ot epokhi moderna k informatsionnomu obshchestvu* [Sociology in the Knowledge Society: from the Modern Era to the Information Society], Higher School of Economics, Moscow, 431 p. (in Russian).
- Kallimulin, D. D. (2014), “Electronic Culture as Component of Information Culture of the Personality”, *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3, pp. 27–32 (in Russian).
- Shafranov-Kutsev, G. F. (2012), “Professional Education in Information Explosion”, in *Sotsiologiya v sisteme nauchnogo upravleniya, materialy IV Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Sociology in the system of scientific management: materials of the 4th All-Russian Sociological Congress], IS RAN, Moscow, pp. 1169–1171 (in Russian).
- “The largest university in the Urals for the first time will begin to train specialists for the ‘smart’ region online” (2021), *TASS*, 04 March, available at: <https://tass.ru/ural-news/10830563> (accessed 04 March 2021) (in Russian).
- Toffler, A. (2009), *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow*, translated by Burmistrov, K. Yu. et al., AST, AST-Moscow, Moscow, 795 p. (in Russian).
- Touraine, A. (1998), *Le retour de L'acteur*, translated by Samarskaya, E. A., Nauchnyi mir, Moscow, 204 p. (in Russian).
- Ukaz Prezidenta RF “O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda” [Decree of the President of the Russian Federation “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”] (2018), *Prezident Rossii*, 07 May, available at: <http://www.kremlin.ru/acts/news/57425> (accessed 04 March 2021) (in Russian).
- Urazova, A. V. (2010), “Information culture of the individual and information culture of society in Russia”, *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 154–158 (in Russian).
- Webster, F. (2004), *Theories of the information society*, translated by Arapov, M. V., Malykhina, N. V. and Vartanova, E. L. (ed.), Aspekt Press, Moscow, 400 p. (in Russian).
- Zaikina, K. A. and Shaimukhametova, L. N. (2015), “Information Culture of the Person as a Factor of the Information Society”, *Fundamental and Applied Research in the Modern World*, no. 9, pp. 56–58 (in Russian).

Zborovskii, G. E. (2013), *Znanie i obrazovanie v sotsiologii: teoriya i real'nost'* [Knowledge and Education in Sociology: Theory and Reality], Liberal Arts University — University for Humanities, Yekaterinburg, 484 p. (in Russian).

Zhuravleva, I. A. (2016), *Informatsionnoe obshchestvo* [Information society], Irkutsk State University, Irkutsk, 141 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 4.06.2021

Принята к публикации / Accepted: 18.06.2021

Информация об авторах

Скульмовская Любовь Григорьевна
доктор социологических наук, профессор
Тюменский государственный институт
культуры,
625003, Тюменская область, Тюмень,
ул. Республики, д.19
E-mail: skolimovska@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-3873-7297

Антонова Людмила Юрьевна
кандидат культурологии
Тюменский государственный институт
культуры,
625003, Тюменская область, Тюмень,
ул. Республики, д.19
E-mail: luda-ckd@mail.ru

Кудинова Ольга Сергеевна
кандидат социологических наук, старший
преподаватель
Тюменский государственный университет
626150, Россия, Тюменская область,
Тобольск,
ул. Знаменского, 58
E-mail: 4kudinovoy@mail.ru

Information about authors

Skulmovskaya, Lubov Grigorevna
Doc. Sci. (Sociology), Professor
Tyumen State Institute of Culture
19 Republic St, Tyumen, Tyumen region,
625003 Russia
E-mail: skolimovska@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0003-3873-7297

Antonova, Lyudmila Yur'evna
Cand. Sci. (Culturology)
Tyumen State Institute of Culture
19 Republic St, Tyumen, Tyumen region,
625003 Russia
E-mail: luda-ckd@mail.ru

Kudinova, Olga Sergeevna
Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer
Tyumen State University
58 Znamenskogo St., Tobolsk, Tyumen
Region, 626150 Russia
E-mail: 4kudinovoy@mail.ru

Предтечи и пионеры современного искусства

DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.017

УДК 101.1 + 7.035 + 7.036.8 + 316.4 + 929 Одоевский

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ОДОЕВСКИЙ — ВИЗИОНЕР CONTEMPORARY ART

С. В. Хачатуров

Московский государственный университет
Москва, Россия

Аннотация: Автор рассматривает творчество известного писателя и изобретателя, государственного деятеля и филантропа XIX столетия Владимира Федоровича Одоевского в свете формирования нового типа личности исследователя и провозвестника современного художника. Одоевский принадлежал к типу кабинетных ученых. Свои дома он превращал в лаборатории, где ставились разные опыты (от анатомических, электрических до кулинарных). Современники прозвали его «русским Фаустом». Жизнь затворника сочеталась в нем с необыкновенной широтой интересов и всеохватностью знаний. В своих опытах он стремился преодолеть изоляцию разных наук и искусств и восстановить в правах единый Универсум знаний о мире. В статье впервые делаются попытки сблизить эту стратегию, с одной стороны, с миром ренессансных исследователей и художников масштаба Леонардо да Винчи, с другой, — с метамодернистскими темами прозрачных границ и гибридного понимания наук и художеств сегодня. Платформой синтеза наук и искусств в мире Одоевского, конечно, являлась литература. На основе интерпретации его философских сочинений, фантастических романов и новелл автор делает вывод о близости перевозносимого Одоевским «инстинктуального» знания идеям сюрреалистов (Андре Бретона, Яна Шванкмайера). А творимая

внутри кабинетной тиши Вселенная предвосхищает образы странного коллекционера знаний, создателя инсталляций на поэтические и научные темы в shadow-boxes Джозефа Корнелла. Запертый в стенах кабинета, словно «городок в табакерке» (название самой известной новеллы князя), философский художественный мир В. Ф. Одоевского наделен силой пророчества и дознания о многих случившихся впоследствии открытиях в науке, искусстве, социуме. Как современный художник князь Одоевский не дает готовых рецептов и системных объяснений законов жизни, но заставляет собеседника (читателя — зрителя) быть сотворцом и брать ответственность за интеллектуальную разгадку представляемых автором ситуаций и происшествий. В завершении статьи предлагается краткий обзор прошедшей в 2019 году выставки в Музее Москвы («Косморама XVIII»), в которой жизнь и искусство (искусство жизни) князя Владимира Одоевского вступали в диалог с работами современных художников.

Ключевые слова: культура романтизма, универсальное знание, модернизация мысли, сюрреализм, метамодернизм.

Для цитирования: Хачатуров С. В. Князь Владимир Федорович Одоевский — визионер contemporary art // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 84–105. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.017

PRINCE VLADIMIR FEDOROVICH ODOEVSKY — VISIONARY OF CONTEMPORARY ART

S. V. Khachaturov

Moscow State University
Moscow, Russia

Abstract: The author examines the work of the famous writer and inventor, statesman and philanthropist of the XIX century Vladimir Fedorovich Odoevsky in the light of the addition of a new type of personality of the researcher and Herald of the modern artist. Odoevsky belonged to the kind of Desk scientist. He turned his homes into laboratories where various experiments were performed (from anatomical, electrical to culinary). Contemporaries called him “Russian Faust”. The life of a recluse was combined in him with an extraordinary breadth of interests and an all-embracing knowledge. In his experiments, he sought to overcome the isolation of various Sciences and arts and restore the rights of a single Universe of knowledge about the world. This article is the first attempt to bring this strategy closer to the world of Renaissance researchers and artists on the scale of Leonardo da Vinci, on the one hand, and to the metamodern themes of transparent borders and hybrid understanding of the Sciences and arts in modern times. The platform for the synthesis of sciences and arts in Odoevsky’s world, of course, was literature. Based on the interpretation of his philosophical works, science fiction novels

and short stories, the author concludes that the “instinctual” knowledge extolled by Odoevsky is close to the ideas of the Surrealists (Andre Breton, Jan Schwankmayer). And the universe created inside the study silence anticipates the images of a strange collector of knowledge, the Creator of installations on poetic and scientific themes in shadow-boxes by Joseph Cornell. Locked in the walls of the study, like a “town in a snuffbox” (the name of the Prince’s most famous novel), the philosophical art world of V. F. Odoevsky is endowed with the power of prophecy and inquiry about many subsequent discoveries in science, art, and society. As a modern artist, Prince Odoevsky does not give ready-made recipes and systematic explanations of the laws of life, but forces the interlocutor (reader-viewer) to be a co-Creator and take responsibility for the intellectual solution of the situations and incidents presented by the author. At the end of the article, we offer a brief overview of the exhibition held in the Museum of Moscow in 2019 (‘Cosmorama XVIII’), in which the life and art (the art of life) of Prince Vladimir Odoevsky entered into a dialogue with the works of contemporary artists.

Keywords: culture of romanticism, universal knowledge, modernization of thought, surrealism, metamodernism.

For citation: Khachaturov, S. V. (2021), “Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky — Visionary of Contemporary Art”, *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 84–105 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.017

Российское лето 1831 года потрепало нервы многим. Разразилась эпидемия холеры. Пушкин, Жуковский, Гоголь, Одоевский были заперты на карантин в окрестностях Санкт-Петербурга. Однако же нет худа без добра. Холерное лето принесло так называемое «сказочное поветрие». В результате негласного состязания Пушкин написал «Сказку о царе Салтане», а Жуковский — «Спящую царевну». Желаящий равняться на мэтров никому еще толком не известный Гоголь начал печатать свои «Вечера на хуторе близ Диканьки». А нервный интеллигент князь Одоевский в дружеском общении с вышеупомянутыми литераторами задумал свои «Пестрые сказки» — фантастические повести «на гофманианский манер» [Одоевский 1996]. Все названные сочинения мыслились как реабилитация того низкого жанра, что раньше был недостойн больших писателей и числился по ведомству «готического». Понятие «готический» в сознании «разумного» и «правильного», воспитанного на классицизме человека XVIII века, было синонимом странного, варварского, грубого, мутного и страшного. «Готический» мир объединял и фольклор, и фэнтези, и причудливый, варварский, народный вкус в архитектуре, музыке, стихосложении [Хачатуров 2019]. По этой нормативной шкале сказки причислялись к нечистому жанру. Неспроста в октябре 1831 года будущий славянофил, историк и беллетрист Михаил Погодин записал в своем дневнике: «Вечер у Жуковского... Гнедич, Пушкин и Одоевский. — Читали сказки свои. — Смешные

и грязные анекдоты...» [Погодин 2021]. То есть шаблон восприятия выросшей из фольклора сказки как грязного анекдота сохранялся и в романтическую эпоху. Сохранялся до поры до времени, пока ругань не сменилась апологетикой (славянофильством).

Воспитанный на матрицах эпохи Просвещения дворянин к сказкам относился примерно так, как сегодняшней, воспитанный на шаблонах и клише постсоветской пропаганды обыватель относится к современному искусству: «смешные грязные анекдоты». Сближение неслучайно. Фэнтези, сказки, как и современное искусство, знаменуют разлом каноничной системы и правильности. Князь Владимир Федорович Одоевский этот слом совершил в литературе и искусстве собственной жизни.

Одоевский тщательно закрывал собственную биографию от посторонних. Потому в готовящейся к постановке в «Гоголь-Центре» пьесе об Одоевском драматург Валерий Печейкин растворил образ князя в бродячих призраках, фантамах разных эпох и назвал свою пьесу «Человек без имени». Сам Одоевский очень тонко высказался о своем ускользающем образе двойника: «Нет ничего интересней второй жизни человека, внешняя жизнь выставлена на показ всем. Внутренняя же, вторая жизнь есть скрытая основа, которая управляет всем существованием человека... Иногда она прорывается наружу, оставаясь всегда скрытой, как некая тайна. Я не могу постигнуть, как могут люди чувствовать необходимость в признаниях, когда у них какие-либо недопустимые чувства или чувства, которых они не должны бы иметь» (цит. по: [Турьян 1991, с. 322]).

Князя можно назвать «романтиком в самоизоляции». Он жил в своей лаборатории знаний. Морем житейским был для него собственный кабинет (рис. 1). Интеллектуальная самоизоляция стала поводом очень въедливого изучения разных аспектов жизни во всех областях науки, от физики до метафизики, от народных песен до электрических разрядов. Одоевский ломал границы разных областей знания, нарушал конвенции. И в его «неправильном» способе мыслить, сопрягать все со всем, возрождается универсальный тип ученого эпохи Ренессанса с одной стороны, а с другой — открываются горизонты метаязыка современного искусства.

Чтобы уяснить логику сближения личности и творчества Одоевского с широко понятым модернизмом, модернизацией сознания, оценить парадокс общения со всем миром в изоляции собственного кабинета, необходимо посетить дом князя, в котором он принимал своих гостей, и понять, почему жанр фэнтези, сказки уютно поселился в этом доме. Образ дома Одоевского составлен из разных конкретных описаний квартир и апартаментов князя, о которых современники сделали записи. Обратимся к ним.

Дмитрий Григорович. Литературные воспоминания. «Способность все усложнять отражалась даже в устройстве его квартиры; посередине большой

Рис. 1. Егор Кошелев. Портрет князя В. О. Холст, масло. 2019
Fig. 1. Egor Koshelev. Portrait of Prince V. O. Oil on canvas. 2019
Источник: фото, частное собрание, Е. Кошелев

гостиной Румянцевского музеума, когда он был там директором, помещался рояль; к нему с одного боку приставлялись ширмы, обратная их сторона прислонялась к дивану, обставленному столиками и стулками разного фасона; один бок дивана замыкался высокою жардиньеркой; несколько дальше помещался большой круглый стол, покрытый ковром и окруженный креслами и стульями. От входной двери шли опять ширмы, отделявшие угол с диваном, этажерками и полочками по стенам. Гостиная представляла совершенный лабиринт; пройти по прямой линии из одного конца в другой не было никакой

возможности; надобно было проходить зигзагами и делать повороты, чтобы достигнуть выходной двери» [Григорович 1987, с. 101].

Под статью описанию дома В. Ф. Одоевского и отзывы о самом хозяине.

Иван Панаев. Литературные воспоминания. «Этот человек, приводивший нас с Дириным в трепет своею ученостию, нередко принимал за людей серьезных и дельных самых пустых людей, и самых пошлых шарлатанов за ученых, доверялся им, распинался за них, выдвигал их вперед, и потом, когда их неблагодарность и невежество обнаруживались, он печально покачивал головой и говорил: “Ну, что ж делать! Ошибся...”, — и через день впадал в такую же ошибку. <...>

Я мало встречал людей, которые бы могли сравниться с Одоевским в добродушии и доверчивости. Никто более его не ошибался в людях, и никто, конечно, более его не был обманут — я уверен в этом. Писатель фантастических повестей, он до сих пор смотрит на все с фантастической точки зрения, и прогресс человечества воображает в том, что через 1 000 лет люди будут строить, вместо мраморных и кирпичных, стеклянные дворцы. <...> Никто более Одоевского не принимает серьезно самые пустые вещи и никто более его не задумывается над тем, что не заслуживает не только думы, даже внимания. К этому еще пришивается у него слабость казаться во всем оригинальным. <...>

...Служба не может наполнять его — и он беспокожно хватается за всё для удовлетворения своей врожденной любознательности: он занимается немножко положительными науками и в то же время увлекается средневековыми мистическими бреднями, возится с ретортами в своем химическом кабинете и пишет фантастические повести, изобретает и заказывает какие-то неслыханные музыкальные инструменты и, под именем доктора Пуфа, сочиняет непостижимые уму блюда и невероятные соусы; изучает Лафатера и Галля, сочиняет детские сказки под именем “Дедушки Ириней” и вдается в бюрократизм. Литератор, химик, музыкант, чиновник, черепослов, повар, чернокнижник, — он совсем путается и теряется в хаосе этих разнообразных занятий. Поддерживая связи с учеными и литераторами, он с каким-нибудь профессором физики или с математиком заводит речь о поэзии и советует ему прочесть какую-нибудь поэму; с Белинским, не терпевшим и преследовавшим все мистическое, он серьезно толкует о неразгаданном, таинственном мире духов, о видениях, и насильно навязывает ему какую-то книгу о магнетизме, уверяя его, что он непременно должен прочесть ее...» [Панаев 1988].

Дмитрий Григорович. Литературные воспоминания. «...Любовь к науке и литературе дополнялась у князя Одоевского любовью к музыке; но и здесь его преимущественно занимали усложнения, трудности контрапункта, изучение древних классических композиторов. Владея небольшим состоянием, он израсходовал значительную сумму денег на постройку громадного органа,

специально предназначенного для исполнения фуг Себастиана Баха, отчего и дано было ему название “Себастианон”. Лонгинов, всюду поспешавший и везде находивший повод к глумлению, не замедлил перекрестить “Себастианон” в “Савоську”. Особенною сложностью отличалось также у князя Одоевского кулинарное искусство, которым он, между прочим, гордился. Ничего не подавалось в простом, натуральном виде. Требовались ли печеные яблоки, они прежде выставлялись на мороз, потом в пылающую печь, потом опять морозились и уже подавались вторично вынутые из печки; говядина прошиповывалась всегда какими-то специями, отымавшими у нее естественный вкус; подливки и соусы приправлялись едкими эссенциями, от которых дух захватывало. Случалось некоторым из гостей, особенно близким хозяину дома, выражать свое неудовольствие юмористическими замечаниями; князь Одоевский выслушивал нападки, кротко улыбаясь и таинственно наклоняя голову» [Григорович 1987, с. 101–102].

Яков Полонский. Из воспоминаний. «Кажется, достаточно было один день провести с этим человеком, чтоб навсегда полюбить его. Но свет глумился над его рассеянностью, — не понимая, что такая рассеянность есть сосредоточенность на какой-нибудь новой мысли, на какой-нибудь задаче или гипотезе.

Посреди своего обширного кабинета, заставленного и заваленного книгами, рукописями, нотами и запыленными инструментами, князь Одоевский в своем халате и не всегда гладко причесанный, многим казался или чудачком, или чем-то вроде русского Фауста. Для великосветских денди и барынь были смешны и его разговоры, и его ученость. Даже иные журналисты и те над ним иногда заочно тешились. И это как нельзя лучше выразилось в юмористических стихах Соболевского, которые, по счастью, сохранились в памяти Ивана Сергеевича. Припомнив их, Тургенев несколько раз повторял их вслух и читал не без удовольствия.

Это было в дождливый день не то 29-го, не то 30-го июня. “Случилось раз...” — читал Иван Сергеевич, стараясь читать как можно серьезнее, но придавая комический оттенок своему лицу и повышению своего голоса:

Случилось раз, во время оно,
Что с дерева упал комар,
И вот уж в комитет ученый
Тебя зовут, князь Вольдемар.
Услышав этот дивный казус,
Зарывшись в книгах, ты открыл,
Что в Роттердаме жил Эразмус,
Который в парике ходил.
Одушевясь таким примером,
Ты тотчас сам надел парик
И, с свойственным тебе манером,

Главой таинственно поник.
«Хотя в известном отношеньи, –
Так начал ты, — комар есть тварь,
Но, в музыкальном рассужденьи,
Комар есть в сущности — звонарь,
И если он, паденьем в поле,
Не причинил себе вреда, –
Предать сей казус Божьей воле
И тварь избавить от суда!»

[Полонский 1986]

Смесь благоговейного трепета и снисходительной иронии выразилась и в прозвище, которое получил князь в художественном кругу: «русский Фауст». Сам Одоевский с симпатией относился к этому определению и ввел персонажа-резонера «Фауста» в круг героев главного своего литературного труда, названного «романом» сборника фантастических философских рассказов «Русские ночи» (1844).

Если попытаться выявить общее из разных мемуаров о князе Одоевском, то, наверное, им будет некая **системность несистемности, упорядоченный беспорядок**. Эти качества увлекательным способом вводят личность и творчество князя в контекст метапространства современной культуры. Более того, они представляют Одоевского эдаким идеальным блогером, которому интересно все по собственной, ему лишь ведомой прихоти. Системность несистемности позволяет мыслить максимально широко, не умучить предмет интересов в архивных каталогах и лабораторных склянках, оставить материю познания живой и вечно будоражащей воображение своей неразгаданной тайной (рис. 2).

Закрытый в зазеркалье собственного кабинета, Одоевский моделирует Вселенную, где встречается все: естественные науки и религия, искусства и поэзия, музыка и гастрономия, электричество и телефон с интернетом, политика и пандемия с алчным капитализмом (о них провидчески написано в фантастической повести «Город без имени» из романа «Русские ночи»). В самом деле, строится лаборатория фаустовского размаха.

Сам князь Владимир Федорович превыше всего ставил инстинктуальное чувство, приходящее словно в забытьи, в состоянии сомнамбулизма. В этом инстинктивном чувстве мы можем вознестись в середину «организма всеобщей жизни», понять общую гармонию, обрести универсум. В своих «Психологических заметках» Одоевский так и пишет: «Требуется ум возвыситься до инстинкта» [Одоевский 1975, с. 217]. Удивительным образом эта идея рифмуется с манифестом сюрреализма, написанным Андре Бретоном в 1924 году.

Бретон прямо объявляет войну логике, настаивает на реабилитации сомнамбулического, сновидческого состояния сознания, и — что самое потрясающее — настаивает на воскрешении духа фантастической сказки. Ссылается

Рис. 2. Книгочей. Фарфоровая скульптура. Производство Фолькштедт-Рудольштадт. Конец XIX — начало XX века

Fig. 2. Bookworm. Porcelain. The Production of Volkstedt-Rudolstadt. Late XIXth — early XXth century

Источник: фото, частное собрание, С. Хачатуров

на самый читаемый и скандальный опус жанра «готический роман» — «Монаха» Мэтью Грегори Льюиса (опубликованного в 1796 году, когда писателю было 19 лет): «В области литературы одно только чудесное способно оплодотворять произведения, относящиеся к тому низшему жанру, каковым является роман, и в более широком смысле — любые произведения, излагающие ту или иную историю. “Монах” Льюиса — прекрасное тому доказательство. Дыхание чудесного оживляет его от начала и до конца. Задолго до того, как автор освободил

своих главных персонажей от оков времени, мы уже чувствуем, что они способны на поступки, исполненные необычайной гордыни. Тоска по вечности, постоянно их волнующая, придает их муке, равно как и моей собственной, незабываемые оттенки. Я полагаю, что книга от начала и до конца самым прямым образом возбуждает стремление нашего духа покинуть землю и что, будучи освобождена от всего несущественного, что есть в ее романической интриге, построенной по моде того времени, она являет собой образец точности и бесхитростного величия (что восхищает в фантастическом, так это то, что в нем не остается ничего фантастического, а есть одно только реальное). Мне кажется, что ничего лучшего до сих пор не было создано...» [Бретон 2010].

Бретон причисляет готические, фантастические темы европейской культуры (от Данте, Шекспира до язвительного Свифта и Юнга с его «Ночами») к сверхнатурализму или сюрреализму. Собственно, к похожей идее апологии сверхнатурализма, сомнамбулизма и инстинктуального чувства подошел в своем искусстве жить и искусстве творить Владимир Федорович Одоевский.

Вполне логично (хоть в данном контексте это и звучит оксюморонами), что первым большим литературным проектом князя в самом начале 1830-х годов становится серия рассказов о гениях под красноречивым названием «Дом сумасшедших». Вышли некоторые новеллы так и не осуществленного цикла: «Импровизатор», «Opere del cavaliere Piranesi» (о знаменитом архитекторе-визионере Века Просвещения Джованни-Баттиста Пиранези), наконец, восторженно принятый Пушкиным «Последний квартет Беттговена (Бетховена)». У Пушкина лейтмотив почти одновременно созданного «Моцарта и Сальери» — «гений и злодейство», у Одоевского в «Бетховене» — «гений и безумство». По точному определению исследовательницы Одоевского Мариетты Турьян, в «Бетховене» князь развивает тему о бездне, разделяющей «мысль» и «выражение», о самоценности творческого процесса, связанных с ним страдании, непонимании, безумии в глазах толпы [Турьян 1991, с. 203]. «Состояние сумасшедшего не имеет ли сходства с состоянием поэта, всякого гения-изобретателя?» — спрашивает Одоевский в статье 1836 года «Кто сумасшедшие?».

Читая воспоминания о нраве и быте Одоевского, фиксируешь две темы. Первая: добродушный и одержимый энциклопедист, которому интересно всё (как характеризовал князя писатель, критик, журналист Иван Панаев, Одоевский — «литератор, химик, музыкант, чиновник, черепослов, повар, чернокнижник»). Вторая тема: автопортретом князя оказывается его кабинет, сложенный, будто лицо кисти Арчимбольдо, из всех артефактов, осколков, тинктур, элементов, составлявших предмет занятий Владимира Федоровича. Конечно, на ум приходят параллели со знаменитым кабинетом (студией) того же Андре Бретона, реконструированным в Центре Помпиду. Из осколков разных цивилизаций собирается подобие визуальной поэзии сюрреализма. Теснота разных экзотических и вроде бы неуместных в соседстве артефактов

и в случае с Бретоном, и в случае с Одоевским заставляет домыслить некую набитую диковинными вещами коробку со снятой крышкой, вместо которой — стекло или зеркало.

Клаустрофобная Вселенная словно бы добровольно изолировавшегося от мира Владимира Федоровича, конечно же, обращает нас еще к одному странному художнику, Джозефу Корнеллу. Его, кстати, сюрреалисты считали своим гуру, а он ни к какой стае, сообществу, стилю прибавиться не хотел.

Он был практически ровесником XX века (родился в рождественский вечер 1903 года) и прожил 69 лет почти безвыездно в Нью-Йорке, в районе Найек. Работал продавцом текстиля, помогал всю жизнь семье (ухаживал за братом, болевшим церебральным параличом). Однако имел столь удивительную чуткость к миру и тягу к знаниям, что стал идеальным почти знатоком, коллекционером и фланером. Он приобрел большие знания в разных областях творческой деятельности: живописи, литературе, натуральной истории, опере, астрономии, кинематографе. И в своих воображаемых путешествиях связывал различные энергетические поля, что пронизывают Вселенную. Подобно Одоевскому, он старался удержать единство универсального знания, ориентируясь на собственную творческую интуицию, то, что князь Одоевский называл инстинктуальным познанием.

Начиная с 1930-х годов и до конца дней Джозеф Корнелл создает свои известные серии в технике коллажа и инсталляции в застекленных теневых коробочках (*shadowbox*). Будто «Городок в табакерке» Одоевского, коробочки (часто из-под сигар) наполнены разными чудачествами. У Одоевского в «городке» живут детали механизма музыкальной шкатулки, у Корнелла — фрагменты странной коллекции: вырезки из гравюр и фотографий Викторианской, чаще, эпохи, репродукции старинных картин, географические карты, макеты зданий, найденные объекты, как то: курительные трубки, колбочки, рюмочки, геологические окаменелости. В 1951 году Марсель Дюшан писал о Корнелле: «Лично я причисляю его к лучшим сегодняшним американским художникам». Марк Ротко в письме к Корнеллу признавался, что думает о нем и о той непостижимой магии вещей, какую Корнелл создает.

В 1936 году художник участвовал в выставке «Фантастическое искусство, Дада, Сюрреализм» в Музее современного искусства Нью-Йорка. Однако сам Корнелл себя к каким-либо течениям не причислял. Он был именно романтическим фланером, одиночкой в мире собственных грез и фантазий. И в этом тоже наследовал романтику Одоевскому (рис. 3).

Отмежевываясь от сюрреалистов, Корнелл акцентировал их «черную магию». Тогда как сам желал явить магию белую, позитивную и неразрушительную. К слову, он был очень религиозным человеком. Детское восхищение вдруг открывшимися чудесами мироздания, которые сыплются на тебя будто из шляпы волшебника, конечно, сближает Корнелла с героями сказок и их

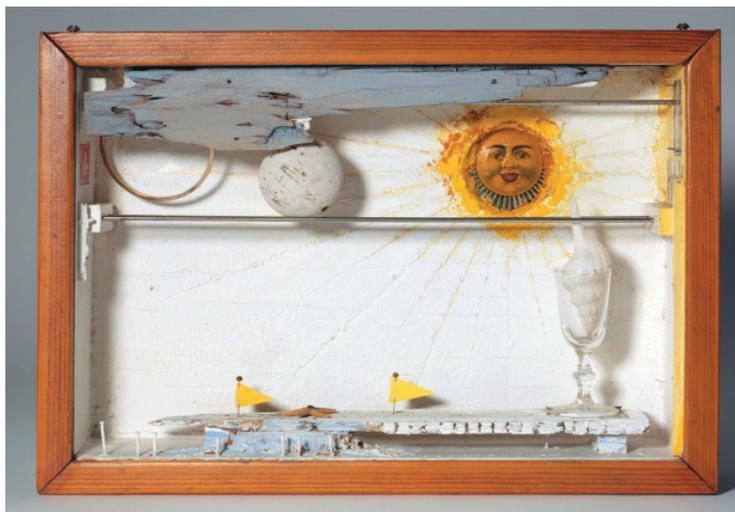

Рис. 3. Джозеф Корнелл. Shadow-box. Смешанная техника.

Первая половина XX века

Fig. 3. Joseph Cornell. Shadow-box. Mixed media.

The early XXth century

Источник: [Cornell 2016]

авторами. Уверен: если бы Корнелл был знаком с Кэрроллом, им было бы что сказать друг другу. С кэрролловскими странами чудес теньевые коробочки Корнелла роднит пристрастие представить мир как пазл, кроссворд, требующий аналитического и остроумной разгадки, а также умение точно нажать на детские пружины психики: например, созерцать целые материки сквозь замочную скважину, щелочку приоткрытой двери. Понятно, что мир сквозь замочную скважину — это прямая параллель являющегося во сне пространства сказок Одоевского («Городок в табакерке»). Конечно, Одоевский предвосхитил, а Корнелл открыл те возможности трансформации пространства, которые имеет новая технология визуализации реальности в автоматах оптических иллюзий. У Одоевского это давшая название целому роману «Космораме», а у Корнелла анимация его коллажного мира средствами немного кино.

В обоих случаях создается прецедент воображаемого путешествия взаперти собственного кабинета. Истоки таких воображаемых путешествий в поисках универсального знания следует искать в маньеристических и барочных кабинетах курьезов (Wunderkammer), в кунсткамерах. Воображение может связать время и пространство разными путями. Культурно-исторические мифы, соединяясь с персональным опытом и памятью, дают жизнь сериям Корнелла «Игровые автоматы Медичи» (Medici Slot Machines), «Наборы мыльных пузырей» (Soap Bubble Sets), «Отели» (Hotels) [Simic 2006]. В папке «Натуральная философия» им была отмечена фраза о стремлении к той эре, где нет различия

между художниками и учеными. Все стремятся понять место Человека в Универсуме. Геометрические формы, паттерны рассматривались им в отношении к божественному порядку Вселенной. В этом он был близок и к мастерам Ренессанса, и к авангардистам начала XX века, и к абстрактным экспрессионистам. За век до Корнелла подобные мысли формулировал «русский Фауст» Одоевский.

Корнелл путешествовал в своем «воображариуме». Когда в конце 1950-х пришло признание и открылась возможность реальных странствий, он остался дома, предпочитая мыслью находиться в разных точках планеты одновременно.

Анимированное путешествие взаперти собственной домашней Вселенной, внутри собственной коробочки продолжил великий режиссер-сюрреалист Ян Шванкмайер («Алиса в стране чудес» создана им как странствие в детских фантазиях почти кукольного домика). Одоевского со Шванкмайером напрямую связывает фаустовская тема. Князя называли «русским Фаустом». У классика чешского кино есть фильм 1994 года «Урок Фауста» (рис. 4). Оказавшаяся деревянной куклой Маргарита из фильма будто бы родственница тем созданиям, что вышли из мастерской колдуна-кукольника, описанной Одоевским в новелле «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту».

Рис. 4. Ян Шванкмайер. Кадр из фильма «Урок Фауста». 1994
Fig. 4. Jan Švankmajer. A shot from the movie “Faust’s Lesson”. 1994

Недавняя выставка Шванкмайера в амстердамском музее EYE называлась «Алхимическая свадьба» (выставка *The Alchemical Wedding*, 15 декабря

2018 года — 3 марта 2019. Eye Filmmuseum. Амстердам). Название выставки является сокращением от «Алхимическая свадьба Христиана Розенкрейца в 1459 году», известного манифеста братства рыцарей розы и креста. Манифест был издан в 1616 году, его, предположительно, написал лютеранский богослов Иоганн Валентин Андреэ. Собственно, этот манифест — некая сверхпрограмма и «Алисы в Стране чудес», и искусства Шванкмайера. Проливает она свет и на алхимические опыты князя Одоевского. Герой розенкрейцерского романа скитается во сне, проходит суровые испытания. Венцом является участие в церемонии бракосочетания прекрасных Короля и Королевы. Причем распорядителем бала в древнем манифесте-романе оказывается Герцогиня. В «Алхимической свадьбе» зашифровано послание: таинства природы открывают путь в мир сверхчувственный. Этот конкретный манифест был также девизом ученой деятельности Рудольфа II, императора Священной Римской империи, жившего в Праге в эпоху маньеризма (XVI век). Он занимался алхимией, астрономией и оккультизмом, собрал Кунсткамеру, привечал художника Арчимбольдо. При пражском дворе была создана галерея составленных из стихий и даров природы портретов придворных Рудольфа II. Именно эпоха Рудольфа II понимается во многом как идейная платформа не только сюрреализма — метода искусства XX века в целом, но и возникшего в 1960-х годах объединения чешских и словацких сюрреалистов, членом которого был Ян Шванкмайер.

Созданные Шванкмайером в манере Арчимбольдо анимированные физиологические баттлы гастрономических товаров с пожиранием, перевариванием, изрыгиванием и новым проглатыванием очень интересно отзываются в образах новой пьесы Валерия Печейкина о князе Одоевском и, конечно, заставляют вспомнить собственные, Владимира Федоровича, гастрономические опыты.

Иван Панаев. Литературные воспоминания. «Ни у кого в мире нет таких фантастических обедов, как у Одоевского: у него пулярка начинается бузиной или ромашкой; соусы перегоняются в химической реторте и состояются из неслыханных смещений; у него все варится, жарится, солится и маринуется ученым образом...

Перед ужином Одоевский предупредил всех, что у него будут какие-то удивительные сосиски, приготовленные, разумеется, совершенно особым способом. Он просил гостей своих обратить внимание на это блюдо.

Любопытство насчет сосисок возбуждено было сильно. Ужин открылся именно этими сосисками. Все разрезывали их и рассматривали со вниманием и, поднося ко рту, предвкушали заранее особую приятность, но, разжевав, все вдруг замерли, полуоткрыли рот и не знали, что делать. Сосиски — увы! — не удались и так отзывались салом, что всем захотелось выплюнуть.

Соболевский выплюнул свою сосиску без церемонии и, торжественно протягивая руку с тарелкой, на которой лежала сосиска, обратился к хозяину дома и закричал во все горло, иронически улыбаясь и поглядывая на всех:

— Одоевский! Пожертвуй это блюдо в детские приюты, находящиеся под начальством княгини» [Панаев 1988].

Князь Одоевский любил не просто сказочные, но именно фантастические, «страшные» сюжеты, как мы помним, с XVIII столетия имевшие маркировку «готический вкус». Интересно наблюдение Мариетты Турьян относительно детской новеллы-ужастика, фольклорной «былички» Одоевского «Игоша»: в отличие от Пушкина Одоевский не разрушает зыбкий мир сказки, не «пробуждает» читателя. Он оставляет его во власти грез. Подобно современному художнику, Одоевский не оставляет читателю возможности отступления. Или ты играешь по всем правилам фэнтези, ныряешь в иррациональную вселенную всерьез, или в нее не вхож. Ситуация напоминает тотальный перформанс или моделирование RPG, виртуальных миров, у истоков которых также был Одоевский в своих утопических предсказаниях.

Эти страшные, «готические» сюжеты делают более радикальной постановку проклятых проблем жизни человека и общества. В завершающей сборник «Пестрые сказки», не вошедшей в него новелле «Привидение», торжествует не рациональное объяснение того, что «привиделось», а, наоборот, сверхъестественная сила запечатывает тайну, пресекая всякое логическое разоблачение истории, творившейся в замке, который Одоевский прямо так и характеризует: «готический». («В версте от этого местечка, на небольшом возвышении, находился старинный замок с полукруглыми окошками, с башенками, с вертушками — словом, со всеми этими причудами так называемой готической архитектуры, над которыми мы тогда смеялись, но которые, при нынешнем упадке вкуса, опять входят в моду» [Одоевский 2006, с. 20].)

Претендующие на моделирование второй реальности «готические» истории Одоевского становятся прологом неуступчиво, безапелляционно авторских миров мастеров contemporary art, которые не играют в поддавки со зрителем/читателем, а обязывают его быть соавтором и брать на себя ответственность. Впечатляющий пример: вошедшая в сборник «Пестрые сказки» повесть «Жизнь и похождения одного из здешних обитателей в стеклянной банке, или Новый Жоко». Одоевский сводит счеты с рационализмом и сентиментализмом. Переиначивает популярную воспитательную новеллу о мальчике, воспитанном обезьянкой Жоко в гармонии с естеством (угадывается матрица будущих «маугли»), в свою собственную «неистовую» (этим эпитетом обозначали направление французской литературы, открывшей двери самому брутальному и шокирующему в жизни) «контр-версию». «Новый Жоко» — это паук в банке, постепенно пожирающий все свое семейство и наделенный при этом способностью изощренно дивиться красотам природы. Ответом contemporary art Одоевскому окажется, без сомнения, тщательно сотканная мифологическая паутина искусства Луиз Буржуа. Маман арт-феминизма создала свой завершенный миф о детских травмах, истязателе-отце и доброй паучихе-матери. Ночные кошмары, запертые Буржуа

в клетки инсталляций с расчлененными латексными органами, дополняются гигантскими скульптурами паучих. Готический вид (тело с тонкими лапками раскинулось, будто стрельчатый свод с нервюрами) этих паучьих скульптур сближает искусство Буржуа с жанром новелл Одоевского (рис. 5).

Рис. 5. Луиз Буржуа. Маман. Бронза. 1999

Fig. 5. Louise Bourgeois. Maman. Bronze. 1999

Источник: фото, С. Хачатуров

Луиз Буржуа, как и Одоевский, обращается к теме запертого мира и зеркала. Упорядоченный хаос, травмы сознания изучаются в этой зеркальной изоляции. Она может иметь форму клетки, коробочки, табакерки, кабинета. В случае с Одоевским эта коробочка становится письменным столом с выдвигаемыми ящиками. Князь пишет и видит себя в зеркале, стоящем перед столом. В зеркале отражается весь кабинет. И то, что за плечами князя (будь то скелеты, колбы, пробирки, реторты, фолианты, картины), — это прошлое, которое, стоит только обернуться, окажется будущим¹. Именно такую историю будущего в прошлом прозревает в картинках волшебного ящика косморамы главный герой повести «Косморамы» Владимир. То есть в изоляции за письменным столом перед зеркалом пылливый романтик обретает проклятие и дар *пророчества*.

¹ Похожую композицию увидел историк Михаил Алленов в картинах Михаила Врубеля: «... мы безотчетно знаем в глубине нашей интуиции: видимое перед собой, впереди, в зазеркалье суть то, что стережет, ожидает нас позади, в жизни, когда мы обернемся. А это ведь не что иное, как будущее, которое невидимо стоит за нашими плечами, наше бремя, о котором сказано “все мое ношу с собой”, то, чему мы обречены, а именно — судьба» [Алленов 2008, с. 416].

А кто как распорядится этим даром, о том в «Космораме» Одоевского оставлена маленькая новелла, явно вдохновленная образами философской пещеры Платона: «Два человека родились в глубокой пещере, куда никогда не проникали лучи солнечные; они не могли выйти из этой пещеры иначе, как по очень крутой и узкой лестнице, и, за недостатком дневного света, зажигали свечи. Один из этих людей был беден, терпел во всем нужду, спал на голом полу, едва имел пропитание. Другой был богат, спал на мягкой постели, имел прислугу, роскошный стол. Ни один из них не видал еще солнца, но каждый о нем имел свое понятие. Бедняк воображал, что солнце — великая и знатная особа, которая всем оказывает милости, и все думал о том, как бы ему поговорить с этим вельможею; бедняк был твердо уверен, что солнце сжалится над его положением и поможет ему. Приходящих в пещеру он спрашивал, как бы ему увидеть солнце и подышать свежим воздухом — наслаждение, которого он также никогда не испытывал; приходящие отвечали, что для этого он должен подняться по узкой и крутой лестнице. Богач, напротив, расспрашивал приходящих подробнее; узнал, что солнце — огромная планета, которая греет и светит; что, вышедши из пещеры, он увидит тысячу вещей, о которых не имеет никакого понятия; но когда приходящие рассказали ему, что для сего надобно подняться по крутой лестнице, то богач рассудил, что это будет труд напрасный, что он устанет, может оступиться, упасть и сломить себе шею; что гораздо благоразумнее обойтись без солнца, потому что у него в пещере есть камин, который греет, и свеча, которая светит; к тому же, тщательно собирая и записывая все слышанные рассказы, он скоро уверился, что в них много превеличенного и что он сам гораздо лучшее имеет понятие о солнце, нежели те, которые его видели. Один, несмотря на крутизну лестницы, не пощадил труда и выбрался из пещеры, и когда ондохнул чистым воздухом, когда увидел красоту неба, когда почувствовал теплоту солнца, тогда забыл, какое ложное о нем имел понятие, забыл прежний холод и нужду, а, падши на колени, лишь благодарил Бога за такое непонятное ему прежде наслаждение. Другой остался в смрадной пещере, перед тусклой свечою и еще смеялся над своим прежним товарищем!» [Одоевский 2017].

Opusposth

В качестве эпилога статьи предлагаю рассказ о первом опыте оживления мира Одоевского средствами contemporary art. Имею в виду организованную в 2019 году в Музее Москвы выставку «Косморам XVIII».

Два из трех залов были посвящены пластической интерпретации сочинений князя в версии opusposth. В одном зале были развернуты три огромные диорамы, которые надо смотреть в прорезь по периметру. Егор Кошелев, Леонид Цхэ, Филипп Шейн предлагают нам быть свидетелями волшебных

превращений утопий Москвы екатерининского царствования в футуристические грезы, описанные в романах и повестях князя Владимира Одоевского. Ретрофутуризм оказывается пропилеями, воротами в постисторическое сознание современной эпохи.

Другой зал называется «Кабинет Одоевского». На сей раз зритель оказывается внутри иммерсивного спектакля-квеста, предполагающего активное соучастие. Благодаря арт-группе «Север 7», создателям фильма (Артему Дубре, Юрию Межевичу, Ольге Добриной, другим артистам московских театров), а также художникам Степану Лукьянову, Егору Кошелеву, музыканту Петру Айду мы бродим по закоулкам сознания, в мечтах и грезах князя, которого современники называли «русским Фаустом» (рис. 6).

Рис. 6. Степан Лукьянов. Кабинет Одоевского. Сценография выставки. Музей Москвы. 2019

Fig. 6. Stepan Lukyanov. The Odoevsky's office. A Scenic Design of the Exhibition. The Museum of Moscow. 2019

Источник: фото, С. Хачатуров

Этот психоландшафт мыслей Одоевского, с одной стороны, отсылает к фантазмагориям архитектора, гравера XVIII столетия Джованни-Баттиста Пиранези (бывшего среди героев фантастических новелл Одоевского), с другой — становится запутанным ландшафтом средневековой Москвы. Встречаются две эпохи: Просвещение и Романтизм.

С Просвещением мир Одоевского роднит принцип инсталляции кабинета курьезов, редкостей. Покои князя — свидетельство жгучего желания понять механику мира, апроприировать все его сокровища, достичь исчерпывающего знания обо всем. В этом смысле инсталлированный Степаном Лукьяновым и артгруппой «Север 7» кабинет действительно сравним с образом гравюр Пиранези («Аппиева дорога») или эксцентричным музеем английского

архитектора Века Просвещения Джона Соуна, собиравшего фрагменты всех цивилизаций в тотальной инсталляции своего дома-лабиринта.

Романтическая эпоха ввела индивидуальное, личностное измерение во вкус меблировки, оформления комнаты Одоевского. Именно Кабинет стал его зашифрованным автопортретом, на манер картин Арчимбольдо. Неспроста открывается перспектива сервированным столом с экзотическими диковинами разных времен. Завершается перспектива «шизоидным» расщеплением с двумя лучами.

Один луч ведет к портрету князя без головы. Егор Кошелев создал образ алхимика с исчезающим лицом. Над воображаемой головой его летает шляпа волшебника, философский колпак.

Другой луч ведет к экрану, на котором демонстрируется фильм, где говорящие головы персонифицируют разные состояния творческого духа Одоевского (рис. 7). Мы назвали фильм «аудиосимфонией» вследствие той, отмеченной исследователем Е. А. Майминым, музыкальности, что определяет главный литературный труд князя — роман «Русские ночи» [Маймин 1975, с. 261]. Фрагментарность сочетается у Одоевского с музыкальным единством. Композиция его романа-сборника новелл и диалогов разворачивается не поступательно, а ассоциативно, вариационно, по принципу контрапункта. Подобный же принцип был выбран для фильма (режиссер Артем Дубра, композитор Дмитрий Курляндский, артисты Гоголь-Центра, Мастерской Д. В. Брусникина, «ИюльАнсамбль»). Сами выступающие из мрака лица можно сопоставить с фантазмагорической нотацией в партитуре.

Рис. 7. Кадр из фильма «Кабинет Одоевского».
Режиссер Артем Дубра. 2019

Fig. 7. A Shot from the movie “The Odoevsky’s Office”.
Directed by Artem Dubra. 2019

В стиле романтических повестей друга Одоевского, Н. В. Гоголя, части тел покидают хозяев и отправляются гулять, скандалить и философствовать. Подобная инсталляция «Кабинета Одоевского», конечно, ассоциируется с лавкой романтического старьевщика и фланера времени Бодлера. Сам XIX век в его смысловой руинированности Теофиль Готье, за ним Вальтер Беньямин и Михаил Ямпольский сравнили с театральной реквизиторской, сокровища которой постичь может только поэт [Ямпольский 2000; Крэри 2014]. В травестийности изъятых, разъятых вещей и смыслов Кабинета Одоевского обнажается сущность современного нам мира.

Ставшая частью иммерсивного перформанса оптическая иллюзия в Кабинете Одоевского подытоживает наш вояж по выставке 2019 года.

Второй опыт оживления мира князя Владимира Одоевского средствами современного театра состоялся в конце февраля 2021 года в «Гоголь-Центре». Вдохновившись личностью князя и выставкой 2019 года в Музее Москвы, режиссер Кирилл Серебренников, драматург Валерий Печейкин, артист Никита Кукушкин, пианист Петр Айду, художники Александр Барменков и Татьяна Пеникер сделали «коллективное сочинение», спектакль «Человек без имени». В нем образ Одоевского, словно глитч или мираж, возникает в реалиях современной российской жизни.

Список литературы

- Алленов 2008 — Алленов М. Русское искусство XVIII — начала XX века. М. : Белый город, 2008. 504 с.
- Бретон 2010 — Бретон А. Манифест сюрреализма, 1924 год // Перемены: толстый веб-журнал : сайт. 16.02.2010. URL: <https://www.peregmeny.ru/blog/4277> (дата обращения: 07.12.2020).
- Григорович 1987 — Григорович Д. В. Литературные воспоминания / вступ. ст. Г. Г. Елизаветиной ; сост., подгот. текста и коммент. Г. Г. Елизаветиной, И. Б. Павловой ; Прил.: Из воспоминаний В. А. Панаева. М. : Художественная литература, 1987. 335 с.
- Крэри 2014 — Крэри Дж. Техники наблюдателя. Видение и современность в XIX веке / пер. с англ. Д. Потемкина. М. : V-A-C press, 2014. 250 с.
- Маймин 1975 — Маймин Е. А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л. : Наука, 1975. С. 247–276.
- Одоевский 1975 — Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л. : Наука, 1975. 316 с.
- Одоевский 1996 — Одоевский В. Ф. Пестрые сказки / изд. подгот. М. А. Турьян. СПб. : Наука, 1996. 204 с.
- Одоевский 2006 — Одоевский В. Ф. Привидение [Электронное издание] // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. Ч. 2. Мюнхен : Im Werden Verlag, 2006. С. 18–23. URL: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/proza/prividenie.htm> (дата обращения: 08.02.2021).
- Одоевский 2017 — Одоевский В. Ф. Косморама // Lib.ru/Классика : электронная библиотека. 05.06.2017. URL: http://az.lib.ru/o/odoevskij_w_f/text_0080.shtml (дата обращения: 11.02.2021).
- Панаев 1988 — Панаев И. И. Литературные воспоминания / вступ. ст. и коммент. И. Г. Ямпольского. М. : Правда, 1988. 444 с.

- Погодин 2021 — *Погодин М. П.* Из «Дневника» // Русская литература и фольклор : фундаментальная электронная библиотека. 2021. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs2/vs2-017-.htm> (дата обращения: 11.02.2021).
- Полонский 1986 — *Полонский Я. П.* Сочинения : в 2 т. / сост. и коммент. И. Б. Мушиной. Т. 2 : Признания Сергея Чалыгина : роман ; Женитьба Атуева : рассказ ; Воспоминания. М. : Художественная литература, 1986. 463 с.
- Турьян 1991 — *Турьян М.* Странная моя судьба. О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М. : Книга, 1991. 400 с.
- Хачатуров 2019 — *Хачатуров С.* Готический вкус и современная художественная культура // Василий Баженов и греко-готический вкус : сб. статей / ред.-сост. А. С. Корндорф, С. В. Хачатуров. М. : Государственный институт искусствознания, 2019. С. 9–45.
- Ямпольский 2000 — *Ямпольский М.* Наблюдатель. М. : Ad Marginem, 2000. 288 с.
- Cornell 2016 — *Cornell J.* Shadow-box // DreamIdeaMachine Art View. 2016. URL: http://www.dreamideamachine.com/en/wp-content/uploads/sites/3/2016/12/Cornell-Suzys-Sun-for-Judy-Tyler-78_1_1.jpg (дата обращения: 11.02.2021).
- Simic 2006 — *Simic Ch.* Dime-Store Alchemy: The Art of Joseph Cornell. New York : New York Review Books Classics, 2006. 90 p.

References

- Allenov, M. (2008), *Russkoe iskusstvo XVIII — nachala XX veka* [Russian art of the XVIII — beginning of the XX century], Belyi Gorod, Moscow, 504 p. (in Russian).
- Breton, A. (2010), “Surrealism Manifesto, 1924”, *Peremeny. Tolsty veb-zhurnal*, available at: <https://www.peremeny.ru/blog/4277> (accessed 07 December 2020) (in Russian).
- Cornell, J. (2016), Shadow-box, *DreamIdeaMachine Art View*, available at: http://www.dreamideamachine.com/en/wp-content/uploads/sites/3/2016/12/Cornell-Suzys-Sun-for-Judy-Tyler-78_1_1.jpg (accessed 11 February 2021).
- Crary, J. (2014), *Techniques of the Observer: On Vision and Modernity in the 19th Century*, translated by Potemkin, D., V-A-C press, Moscow, 250 p. (in Russian).
- Grigorovich, D. V. (1987), *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 335 p. (in Russian).
- Khachaturov, S. (2019), “Gothic Taste and contemporary art culture”, in Korndorf, A. S. and Khachaturov, S. V. (eds), *Vasilii Bazhenov i greko-goticheski vkus, sbornik statei* [Vasily Bazhenov and Greek-Gothic taste, a collection of articles], Gosudarstvennyi institut iskusstvovznaniya, Moscow, pp. 9–45 (in Russian).
- Maimin, E. A. (1975), “Vladimir Odoevskii and his novel ‘Russian Nights’”, in Odoevskii, V. F., *Russkie nochi* [Russian nights], Nauka, Leningrad, pp. 247–276 (in Russian).
- Odoevskii, V. F. (1975), *Russkie nochi* [Russian nights], Nauka, Leningrad, 316 p. (in Russian).
- Odoevskii, V. F. (1996), *Pestrye skazki* [Motley tales], Nauka, Saint Petersburg, 204 p. (in Russian).
- Odoevskii, V. F. (2006), “Ghost”, in Odoevskii, V. F., *Povesti i rasskazy. Chast’ 2* [Stories, Part 2], Im Werden Verlag, Munich, pp. 18–23, available at: <http://odoevskiy.lit-info.ru/odoevskiy/proza/prividenie.htm> (accessed 08 February 21) (in Russian).
- Odoevskii, V. F. (2017), “Kosmorama”, *Lib.ru/Klassika*, available at: <https://www.rulit.me/books/russkaya-i-sovetskaya-fantastika-povesti-i-rasskazy-read-444754-81.html> (accessed 11 February 2021) (in Russian).
- Panaev, I. I. (1988), *Literaturnye vospominaniya* [Literary memories], Pravda, Moscow, 444 p. (in Russian).
- Pogodin, M. P. (2021), “From the ‘Diary’”, *Russkaya literatura i fol’klor*, available at: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/vs2/vs2-017-.htm> (accessed 11 February 2021) (in Russian).
- Polonskii, Ya. P. (1986), *Sochineniya, v 2 tomakh* [Works, in 2 vols], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 463 p. (in Russian).

- Simic, Ch. (2006), *Dime-Store Alchemy. The Art of Joseph Cornell*, New York Review Books Classics, New York, 90 p.
- Turyan, M. (1991), *Strannaya moja sud'ba. O zhizni Vladimira Fedorovicha Odоеvskogo* [My strange fate. About the life of Vladimir Fedorovich Odоеvsky], Kniga, Moscow, 400 p. (in Russian).
- Yampol'skii, M. (2000), *Nablyudatel'* [The Observer], Ad Marginem, Moscow, 288 p. (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 15.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 20.05.2021

Информация об авторе

Хачатуров Сергей Валерьевич
кандидат искусствоведения, доцент
Московский государственный университет
119991, Россия, Москва, Ломоносовский пр.,
27, корп. 4
E-mail: sergkhat@yandex.ru

Information about the author

Khachaturov, Sergei Valerievich
Cand. Sci. (History of Art), Associate
Professor
Moscow State University
27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow,
119991 Russia
E-mail: sergkhat@yandex.ru

СПЕКТАКЛИ СВОБОДЫ

Перформативные практики позднесоветского андеграунда

М. Липовецкий

Колумбийский университет
Нью-Йорк, США

Аннотация: В статье рассматриваются истоки и история перформатизма в российской культуре, начиная с широкого понимания феномена как театрализации повседневной жизни и исторических сдвигов, выражающихся в разрыве между стилем жизни, эстетическими пристрастиями и культурными нормами большинства и спектаклями инакости. В центре исследования находится анализ форм театрализованного жизнетворчества в 1960–80-х годах. Опираясь на работы Н. Евреинова, разработавшего впервые в русской культуре принципы театрализации собственной жизни — трансгрессивность, эксцесс и эстетические (или просто непрагматические) мотивировки, — автор исследует перформативный поворот в советском искусстве. Проведено различие между перформансами, хеппенингами и перформативными практиками. В перформансе происходит переосмысление отношений ритуала (сакрального) и искусства (эстетического) благодаря моделированию лиминальной ситуации как процесса разрушения устойчивых бинарных оппозиций. Для хеппенингов характерно демонстративное переживание свободы — «спектакль свободы» порождает эффект шокирующей трансгрессии. Особое значение придается групповым и индивидуальным перформативным практикам. Культивируемый в среде позднесоветских неконформистов перформативный стиль театрализованной отверженности воплощал определенный рисунок инакости («Митьки»). Индивидуальные перформативные проекты исследованы на примере Д. А. Пригова и Вен. Ерофеева. Объектом индивидуальных перформативных практик становилась дистанция, отделяющая автора от его имиджа. Отмечается, что особое значение для современников имела характеристика жизнетворческих проектов как воплощения «свободы со всеми опасностями». Делается вывод о парадоксальности этой свободы, которая состоит не в самовыражении, как в романтизме или модернизме, а в перформансе себя как другого, который в силу иллюкутивной силы перформанса вытесняет «я» образом «другого». Трансгрессивность и избыточность этих перформансов предполагают радикальный отказ от какой бы то ни было устойчивой идентичности, ускользание от всякой определяющей рамки, выявление относительности каждой из них.

Ключевые слова: театр Николая Евреинова, театрализация жизни, перформатизм, перформанс, хеппенинг, трансгрессия, эксцесс, жизнетворческий проект, советский андеграунд.

Для цитирования: *Липовецкий М.* Спектакли свободы. Перформативные практики позднесоветского андеграунда // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 2. С. 106–141. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.018

SPECTACLES OF FREEDOM. Performative Practices of the Late Soviet Underground

M. Lipovetsky

University of Columbia
New York, USA

Abstract: The article considers the origins and history of performism in Russian culture. The author broadly understands this phenomenon as the theatricalization of everydayness and historical shifts, expressed in the gap between the lifestyle, aesthetic preferences and cultural norms of the majority, and the performances of otherness. The study centers on the analysis of the forms of creative theatrical productions in the 1960s–80s. By drawing on the works of N. Evreinov, who was the first in Russian culture to develop the principles of the theatricalization of his own life — transgressiveness, outrage, and aesthetic (or simply non-pragmatic) motivations —, the author explores the performative turn in Soviet art and makes a distinction between performances, happenings and performative practices. In the performance, there takes place a rethinking of the relationship between ritual (the sacred) and art (the aesthetic) owing to the modelling of the liminal situation as a process of destruction of sustainable binary oppositions. A demonstrative experience of freedom is characteristic of happenings — the spectacle of freedom generates the effect of a shocking transgression. The author attaches particular importance to the group and individual performative practices. The performance style of theatrical rejection, cultivated among the nonconformists of the late Soviet period, embodied a specific pattern of otherness (The Mitki). The author investigates individual performative projects taking D. A. Prigov and Ven. Erofeev productions as an example. The distance separating the author from his image became the object of original performative practices. The author also emphasizes that contemporaries attributed particular importance to the feature of life-creating projects as the embodiment of freedom with all the dangers. The paper concludes that this freedom is paradoxical. It does not reside in self-expression, as in romanticism or modernism, but in the performance of oneself as another, who, due to the illocutive power of performance, replaces the self with the image of the other. The transgressiveness and redundancy of these performances imply a radical rejection of any stable identity, escaping from

any frame, and revealing the relativity of each of them. The article considers the origins and history of performism in Russian culture, beginning with a broad understanding of the phenomenon as the theatricalization of everydayness and historical shifts, expressed in the gap between the lifestyle, aesthetic preferences and cultural norms of the majority and the performances of otherness. The study centers on the analysis of the forms of creative theatrical productions in the 1960s–80s. Drawing on the works of N. Evreinov, who was the first in Russian culture to develop the principles of theatricalization of his own life — transgressiveness, outrage, and aesthetic (or simply non-pragmatic) motivations, the author explores the performative turn in Soviet art and makes a distinction between performances, happenings and performative practices. In the performance, there takes place a rethinking of the relationship between ritual (the sacred) and art (the aesthetic) owing to the modeling of the liminal situation as a process of destruction of sustainable binary oppositions. Happenings are characterized by a demonstrative experience of freedom is characteristic of happenings — the spectacle of freedom generates the effect of a shocking transgression. The author attaches particular importance to group and individual performative practices. The performance style of theatrical rejection, cultivated among the nonconformists of the late Soviet period, embodied a certain pattern of otherness (The Mitki). The author investigates individual performative projects taking D.A. Prigov and Ven. Erofeev's productions as an example. The object of individual performative practices was the distance separating the author from his image. The author also emphasizes that contemporaries attributed particular importance to such a characteristic of life-creating projects as the embodiment of «freedom with all the dangers». The paper reaches the conclusion that this freedom is paradoxical, and does not reside in self-expression, as in romanticism or modernism, but in the performance of oneself as another, who, due to the illocutive power of performance, replaces the self with the image of the other. The transgressiveness and redundancy of these performances implies a radical rejection of any stable identity, escaping from any frame, and revealing the relativity of each of them.

Keywords: Nikolai Evreinov's theater, theatricalization of life, performatism, performance, happening, transgression, outrage, life-creating project, Soviet underground.

For citation: Lipovetsky, M. (2021), "Spectacles of Freedom. Performative Practices of the Late Soviet Underground", *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 106–141 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.018

Трудно сказать, когда именно перформативность, театрализация жизни и экспериментальное жизнетворчество входят в художественную культуру России. Ю. М. Лотман связывал повышенную театрализованность дворянского быта в конце XVIII — первой половине XIX века с процессом европеизации: «Образ европейской жизни удваивался в ритуализованной игре в европейскую жизнь. Каждодневное поведение становилось знаками каждодневого

поведения. Степень семиотизации, сознательного, субъективного восприятия быта как знака резко возросла. Бытовая жизнь приобретала черты театра» [Лотман 1992, с. 250]. Эту идею можно интерпретировать более широко, увидев в театрализации повседневной жизни, перформатизме, становящемся устойчивой характеристикой культуры, проявление исторических сдвигов, выражающихся в разрыве между стилем жизни, эстетическими пристрастиями и культурными нормами большинства («культурной гегемонией») и *спектаклями инакости*, эпатажно предъявляемыми меньшинством в качестве новых норм (каковыми они иногда и становятся). С этой точки зрения особой формой театрализации становится и подчеркнутый антиэстетизм разночинцев 1860–70-х годов, и «декадентство» начала века, и авангардные перформансы и эскапады 1910–20-х годов, и «стиляги» 1950–60-х годов. Несомненно, важное место принадлежит в этом ряду и перформативным практикам, сформировавшимся в андеграундной культуре.

Наибольшей интенсивности жизнетворчество достигает в эпоху модернизма и авангарда, начинаясь в 1890-х годах и продолжаясь вплоть до 1930-х. В жизнетворчестве русского модернизма и авангарда, как показывает Шамма Шахадат, автор книги «Искусство жизни», доминируют «две модели означивания и семиотизации тела — практика театра и практика ритуала. Но и театр, и ритуал выступают при этом в их переносном значении: художник своей жизни их инсценирует, как бы делает вид, что он играет спектакль или участвует в ритуальном действии. В этих инсценировках (представляющих собой инсценировки инсценировок) реализуется категория “как будто бы”» [Шахадат 2017, с. 11]. Разница между этими моделями состоит, прежде всего, в различной дистанции между «я» и перформансом: «Художники, ориентированные на театральную модель, выстраивают историю своей жизни по законам спектакля и, демонстративно выставляя себя напоказ, культивируют дистанцию между собственным Я и выбранной ролью» [Там же, с. 12]. Теургическая же модель «направлена не на то, чтобы подчеркнуть разрыв между Я и ролью, а на то, чтобы его снять или замаскировать, отменить или сделать незаметным» [Там же].

Комментируя Остина, Эрика Фишер-Лихте пишет, что любой перформативный акт «представляет собой (речевые) действия, являющиеся автореферентными и формирующие действительность» [Фишер-Лихте 2015, с. 43]. Эта характеристика в равной мере приложима и к театральным, и к ритуальным типам жизнетворчества. Однако «действительность», формируемая этими перформативными актами, в первую очередь предполагает эстетическое восприятие — т. е. возникающие феномены (поведенческие, событийные, ситуационные) не только встраиваются в уже существующие и узнаваемые культурные контексты, но и создают собственные контексты, собственные языки. Именно это отличает эстетические феномены от любых других. По формулировке

Лотмана из статьи «Текст и полиглотизм культуры», «... автор создает уникальный текст, т. е. текст на еще не известном языке, а аудитория, для того чтобы принять текст, должна овладеть новым языком, созданным ad hoc» [Лотман 1992, с. 145].

Таким новым языком при теургическом житнетворчестве становится новая сакральность — как в арт-ритуалах символиста Вяч. Иванова или в сексуальных экспериментах Зинаиды Гиппиус¹. Ритуальная тенденция, первоначально воплощенная символистами, в советской культуре перерастает в систему перформансов, связанных с официальной культурой (парады, похороны, открытые суды, съезды, приемы в пионеры, комсомол и партию и т. п.), порождая в позднесоветский период систему пародийных, «стебных» ритуалов², которые также войдут в эстетику андеграунда (соц-арт и концептуализм, Митьки).

А какого рода языки и контексты создает открытая театрализация собственной жизни? По-видимому, наиболее отчетливо на этот вопрос отвечал Н. Н. Евреинов (1879–1953), теоретик и практик модернистского театра, создавший, возможно, первую теорию перформативности. Если отбросить ее эссенциализм (врожденный «инстинкт театральности»), то на первый план выдвигается своеобразно преломленная философия Ницше, в свете которой театрализация жизни понимается как метод перформативного воплощения, в первую очередь индивидуальной свободы, и лишь во вторую — эстетизма: «Это самостоятельное, индивидуальное, абсолютно произвольное творчество новой действительности из извне данной, — творчество, к которому неприложимо никакое иное определение, кроме “театрального”» [Евреинов 2002, с. 118]³... Иначе говоря, театрализация жизни порождает индивидуальный контекст свободной действительности. Эстетическая привлекательность этой действительности является лишь проявлением воплощенной в ней свободы личности. По логике Евреинова, театрализация жизни связана не только с имитацией существующих форм искусства, но и с методичной *трансгрессией* существующих норм (поведенческих, социальных, культурных, моральных)⁴,

¹ См. о них в кн.: [Эткинд 2019, с. 160–165, 172–181; Matich 2005].

² См. об этом: [Yurchak 2006, p. 238–280].

³ Связь с философией Ницше, а также с эстетикой О. Уайльда обсуждается во вступительной статье к этому изданию. См.: [Максимов 2002].

⁴ «Ведь вообще переступив положенные чем-то или кем-то границы, мы тем самым извлекаем из нашего дерзания ту пользу, что вступаем в новый мир, становимся на новую почву, нашу, свою, свою собственнейшую!.. Здесь уже нет норм, положенных как палки в колеса нашей фантазии! Здесь уже нет удержу, нет запрета, нет “недозволенного”! Здесь царство нашего “преображающего я”, узника минуту тому назад и “без пяти минут Бога” сейчас, властного обращать самое “ничто” во “все”, и во “все” превосходнейшее, потому что это *мое* “все”, с *моими* облюбованно выдуманнными для себя законами, с *моими* границами, *моим* духом, *моим* Логосом! “Воля к театру” и “воля к преступлению”! — Неужели здесь нет места знаку равенства?!» [Евреинов 2002, с. 128].

а также с *эксцессом*, избыточностью, демонстративным перепроизводством этих форм⁵. В сочетании с универсализмом его представлений о театрализации жизни (которая у Евреинова включает в себя и сексуальность, и насилие), такое понимание театральности делает этого крайне нестрогого теоретика пионером перформативного поворота в культуре. По мнению Игоря Чубарова, перформатизм Евреинова предвосхищает философию становления Жиля Делёза: «Чтобы добраться до смысла человеческого существования, необходимо изначально, пользуясь феноменологическим языком, выключить натуральное его. Смысл этот, по Евреинову — стать Другим, претерпеть становление Другим, как мы могли бы сказать сегодня словами Жиля Делёза» [Чубаров 2006, с. 283].

Воплощение индивидуальной свободы, трансгрессивность, эксцесс, «становление другим» — все эти характеристики объясняют, почему театрализованное жизнетворчество становится достоянием андеграундной культуры. Даже в 1930-х годах такого рода жизнетворчество культивируется в среде обэриутов⁶ и футуристов — например, А. Крученых в СССР⁷ или Ильи Зданевича в эмиграции⁸. Однако в 1960-х, а особенно в 1970–80-х гг. именно театрализованное жизнетворчество выходит на первый план, порождая целый спектр форм: от специфического дендизма и повседневных хеппенингов до собственно перформансов, перформативных персональных «имиджей» и групповых идентичностей. Причины тому многообразны.

Во-первых, как показал А. Юрчак⁹, в послесталинскую эпоху различные формы перформативного поведения — от стилиг до стеба — переживают резкий подъем в активности, становясь симптомами омертвления официального дискурса и опустошения ритуалов власти.

Во-вторых, отталкивание от официальной советской культуры стимулировало интерес к культуре дореволюционного модернизма и авангарда, а вместе с ней и характерных для нее форм жизнетворчества.

В-третьих, в этот период возникает целый ряд новых площадок неофициальной публичности, которые одновременно функционируют как лаборатории новой культуры и место экспериментальной «обкатки» новых моделей поведения и как *self-fashioning*. Такой площадкой было, например, легендарное ленинградское кафе «Сайгон», ставшее центром неофициальной культуры

⁵ «Изучение явления “театра для себя” неминуемо приводит нас к серьезному и обстоятельному ознакомлению с эксцессами театрализации, так как именно *эксцесс*, в какой бы то ни было области, дает, как излишество, чрезмерность, утрировка, конденсация, исключительно обильный, легко ощутимый и показательный материал для суждения о явлении, *крайнее выражение* которого данный эксцесс представляет» [Евреинов 2002, с. 178].

⁶ См.: [Шахадат 2017, с. 115–130; Иоффе 2006].

⁷ См.: [Ioffe 2012].

⁸ См.: [Ливак, Устинов 2014].

⁹ См.: [Yurchak 2006, p. 36–76].

1970–80-х годов. Как говорит один из завсегдатаев «Сайгона», «“Сайгон” для многих был таким местом, где можно “не быть, но казаться”. Там можно было придуриваться кем угодно: поэтессой, капитаном дальнего плавания, мастером спорта, священником, художником-авангардистом, красавицей, агентом КГБ, зубным врачом, солисткой балета, букинистом и антикваром. Можно было при этом быть им в действительности, но это не имело никакого значения. Тотальная театрализация» [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 249]¹⁰. Аналогичными площадками было кафе «Артистическое» в Москве, разнообразные литературные объединения (ЛИТО), существовавшие во всех крупных городах, а также неофициальные «салоны» и семинары, а позднее клубы (Клуб-81, Ленинградский и Свердловский рок-клубы)¹¹.

Наконец, в-четвертых, информация о западном искусстве и его инновациях распространялась в андеграундной среде довольно быстро, и нельзя исключить прямое или косвенное влияние перформативного поворота в европейском и американском искусстве, о котором, в частности, пишет Эрика Фишер-Лихте: «Процесс стирания границ между различными видами искусства, о котором в начале 60-х годов XX века заявили художники, художественные критики, искусствоведы и философы, можно охарактеризовать как “перформативный поворот”. Будь то изобразительное искусство, музыка, литература или театр — все эти виды искусства характерным образом принимают форму *спектакля*. Вместо артефакта художники все чаще создают *события*, в которых участвуют не только они сами, но и реципиенты — слушатели или зрители» [Фишер-Лихте 2015, с. 38].

Следуя этой логике, далее мы будем делать различие между перформансами, хеппенингами и перформативными практиками. Все эти формы эстетизируют (даже если это антиэстетика) поведение художника, усиливая эстетизацию чертами трансгрессии и эксцесса (по Евреинову). И для перформативных практик, и для собственно перформансов характерно создание экспериментальных ситуаций, развитие которых во многом непредсказуемо — с чем и связана эвристическая сила этих форм. Однако перформансы, как доказывает Эрика Фишер-Лихте, отличаются от перформативных практик не только тем, что они ограничены во времени и пространстве. Более важной их характеристикой является целенаправленная дестабилизация бинарных оппозиций, существующих как в дискурсе, так и в культурных/социальных практиках. Деконструируя оппозиции, перформансы достаточно часто моделируют лиминальную ситуацию «и связанный с ней процесс трансформации, переживаемый участниками спектакля» [Фишер-Лихте 2015, с. 296]. Перформативные практики могут и не порождать таких эффектов.

¹⁰ Слова Михаила Петренко.

¹¹ Подробнее см.: [Dropping Out of Socialism 2017].

Перформансы

В мемуарном очерке «Тулупы мы» поэт и литературовед Лев Лосев вспоминает один из самых ранних задокументированных перформансов в послевоенной культуре, осуществленный в 1951 году группой ленинградских студентов-филологов, впоследствии образовавших так называемую «филологическую школу», к которой Лосев также принадлежал:

...совершенно невероятное по газетным масштабам 1951 года событие: футуристическая демонстрация на филологическом факультете Ленинградского государственного Ордена В. И. Ленина университета им. А. А. Жданова. Несколько восемнадцатилетних первокурсников — Эдуард Кондратов (?), Сокольников, Михаил Красильников и Юрий Михайлов, наряженные в сапоги и рубахи навыпуск, 1 декабря 1951 года пришли в университет и, усевшись на пол в кружок в перерыве между лекциями, хлебали квасную тюрю из общей миски деревянными ложками, распевая подходящие к случаю стихи Хлебникова и как бы осуществляя панславянскую хлебниковскую утопию [Лифшиц 1980, с. 141].

В 70-х годах этот перформанс определили бы как образец стеба, который, по А. Юрчаку, непременно включает в себя элементы деконтекстуализации и сверхидентификации (по С. Жижеху) [Юрчак 2020]. Деконтекстуализация и сверхидентификация осуществляются здесь одновременно по отношению к двум контрастным контекстам. По мнению Лосева, этот перформанс — и вообще подобного рода художественные идеи у студентов-первокурсников начала 50-х — были возможны благодаря Маяковскому, который, хоть и в суженном виде, оставлял в советском эстетическом и образовательном каноне лазейку, ведущую к футуризму, а от него ко всему авангарду. Этот был первый контекст, с которым «сверхидентифицировались» юные филологи: «...от Маяковского шли к Хлебникову и Кручёныху, а затем назад уже через Заболоцкого и обэриутов, т. е. приобщаясь к наивысшей иронии и философичности, какая только существовала в русской культуре» [Лифшиц 1980, с. 141].

В то же время у этого перформанса был и другой, более близкий контекст — кампания по «борьбе с космополитизмом» за приоритет России и всего русского во всех областях интеллектуальной деятельности. Эта кампания приобрела особую ожесточенность в 1946–1950 годах, и именно на филфаке Ленинградского госуниверситета. Ей посвящена известная документальная книга П. Дружинина «Идеология и филология»¹². Рецензируя этот двухтомный труд, Е. Добренко писал: «Описанная в книге история травли “безродных космополитов” была историей борьбы с евреями, большинство которых были русифицированы настолько, что давно забыли о своих еврейских корнях. Однако сталинизм, подобно нацизму, “бил не по паспорту”. <...> Это были

¹² См.: [Дружинин 2012].

обрусевшие – *родные* (а отнюдь не безродные) – *космополиты*» [Добренко 2013]. Именно эта парадоксальная фигура «родного космополита» и оказалась центральной в перформансе филологов-первокурсников 1951 года.

«Как бы осуществляя панславянскую хлебниковскую утопию» в перерывах между лекциями, студенты — они же андеграундные поэты — совершали двойную трансгрессию: с одной стороны, приносили запрещенный авангард в стены «идеологического факультета», форпоста советского литературоведения. С другой, они представляли авангард — окруженный в советской культуре эпитетами «антинародный» и «формалистический» — как выражение «истинно национального духа». Более того, перформанс не только утверждал «приоритет России» в области авангардных экспериментов, но и демонстрировал саму «русскость» с явно издевательским эксцессом — «сапоги и рубахи навыпуск... хлебали квасную тюрю из общей миски деревянными ложками». В результате сакрализованные оппозиции между «народностью» официальной культуры и «космополитизмом» авангарда подвергались игровой деконструкции. Перформанс действительно создавал лиминальную ситуацию, которая вызывала шок и недоумение и в то же время раскрывала непредвиденные возможности для вовлеченных в нее акторов¹⁵.

Этот перформанс во многом уже содержал те черты, что стали определяющими для андеграундного акционизма 1960–80-х годов. Все они в той или иной степени подрывали основополагающие оппозиции советской культуры, притом что внешне были лишены прямого политического содержания. Они были одновременно привязаны к моментальному контексту — часто самим пространством своего осуществления — и в то же время настойчиво и разнообразно воплощали *выход* из этого пространства в некое параллельное, метафизическое, поэтическое, воображаемое состояние. Но при этом, как и перформанс 1951 года, все они как бы специально подрывали оппозицию между квазирелигиозными и сугубо театральными перформансами, сложившуюся в культуре Серебряного века. Практически каждый из этих перформансов мог

¹⁵ Как пишет Лосев, «...их шельмовали на открытых комсомольских собраниях и в закрытых докладах, наконец Красильникова и Михайлова выгнали из комсомола и из университета <...> По меркам эпохи они отделались легко, и тому были две причины: во-первых, внешне русофильский характер хепенинга (главное, что не жидовские космополиты), во-вторых, они, сами того не подозревая, своей эскападой удружили массу молодых прохвостов, которым требовался трамплин для карьеры — появилось, кого шельмовать, демонстрируя собственную идейность и бдительность, на каком основании подсиживать — не проявившее достаточной бдительности — начальство и т. д. и т. п. Добрый десяток карьер начался в тот декабрьский денек: один напечатал статью в «Комсомолке», приобрел репутацию «боевитого журналиста», а один даже, начав с того, что волочил славянофилов за шиворот в партбюро, дошел в конце концов до службы в ЦК» [Лифшиц 1980, с. 141–142]. В 1953 году, после смерти Сталина, исключенные участники перформанса были восстановлены в университете.

быть прочитан *одновременно* и как квазиритуальное действо, и как веселый спектакль дистанцирования от советской «нормы».

Так, перформансы группы «Коллективные действия» (создана в 1976 году), во главе с Андреем Монастырским, выглядели как обычные поездки компании друзей за город — на прогулку или пикник. У участников КД в 1970-х — начале 80-х не было никаких театральных костюмов. Не перевоплощаясь внешне, по ходу выполнения инструкций, полученных от организаторов, они, тем не менее, нередко претерпевали внутренние трансформации. Участники не столько играли какие-то роли, сколько, погружаясь в предлагаемые обстоятельства, «открывали» в себе другое, новое или иное «я». По определению Монастырского, событийность акций КД разворачивалась «по преимуществу внутри сознания, на границах осознаваемого и возможного быть описанным доступными нам языками описаний» [Монастырский 2009с, с. 85]. Таким образом каждый перформанс превращался в психологический театр — причем у каждого свой.

Поэтому необходимой частью этих акций были последующие обсуждения-семинары¹⁴, во время которых участники рассказывали о своих переживаниях и интерпретациях, тем самым *проявляя* общий смысл разыгранного ими спектакля. Именно во время этих дискуссий вырабатывалась метапозиция, во многом определившая эстетику всего московского концептуализма. Однако метапозиция как переживание (а не артикулированная концепция) является и главной целью большинства перформансов КД, моделирующих выход за пределы системы социальных обстоятельств в некое состояние неопределенности — буквальное воплощение «внеаходимости». Так, описывая акцию «Лозунг» (1977), когда КД повесили в лесу стандартный по форме советский лозунг с текстом Монастырского — «Я ни на что не жалуюсь и мне все нравится, несмотря на то, что я здесь никогда не был и не знаю ничего об этих местах», — Монастырский подчеркивает связь этого перформанса с политическими демонстрациями диссидентов, в которых он участвовал:

Связь между этими лозунгами — тогда, на Пушкинской [речь идет о несанкционированной демонстрации в защиту арестованных диссидентов Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Алексея Добровольского и Веры Лашковой в 1967 году], и этим лозунгом «КД» совершенно очевидна, но еще очевиднее и принципиальная разница между ними, заключающаяся в перемене социального историзма на историзм эстетический, «частный». Социум, маркированный формой и красным цветом лозунга «КД», мы использовали как наполнитель, как пластический прием и фоновую энергетику, использовали исключительно в целях построения художественно-экзистенциального пространства, новых рамок эстетической конвенции, внутри

¹⁴ Стенограммы этих обсуждений собраны в многотомных (недавно вышел 11-й том) «Поездках за город» См.: [Коллективные действия 2021].

которых он, социум, находился, а не наоборот, как это было на демонстрации 1967 года, когда мы вместе с нашими лозунгами находились в «художественном» в кавычках пространстве социума как его персонажи [Монастырский 2009а, с. 128].

В перформансах КД, в интерпретации Монастырского, ключевую роль играет так называемое «пустое действие» — когда происходит что-то, не видимое зрителям и участникам. Длительное состояние неопределенности, вызываемое «пустым действием», безусловно имитирует ритуальную лиминальность, оформляя КД как мистический или метафизический опыт. И хотя Андрей Монастырский часто интерпретирует КД в терминах буддистской метафизики [Монастырский 2009б, с. 128], все-таки это *одна из* возможных интерпретаций, ни в коем случае не исчерпывающая весь спектр порождаемых акцией психологических эффектов. Это «мерцание» между эстетикой и ритуалом точно выразил Борис Гройс, представляя КД в известной статье «Московский романтический концептуализм»:

Все их перформансы несколько эфемерны. Они не формируют закона, по которому их надо воспринимать и судить, и отдают себя на произвол зрительского восприятия. Встреча с ними зрителя часто намеренно случайна. Так, художники оставляют под снегом звучащий звонок, оставляют в лесу разрисованную палатку и т. д. <...> Эти приметы присутствия магических сил можно считать фактами искусства, противостоящими фактам действительности, потому что их нельзя объяснить, а можно только истолковать [Гройс 2003].

Вокруг акций КД вырастает целая культура концептуалистских перформансов, балансирующих на грани ритуала и его травестии. Илья Кабаков придает отчетливо ритуальный смысл своим публичным демонстрациям альбомов, которые в то же время открыто обыгрывают различные мифологии искусства. Черты пародийно-серьезного ритуала приобретает «поэзия на карточках», несколько ранее изобретенная Львом Рубинштейном, — особый перформативный жанр, в котором ритм чтения соединяет, казалось бы, вырванные из речи бессвязные фразы, строчки, квазицитаты: процесс преобразования языкового хаоса в подобие гармонии происходит на глазах и нередко с участием аудитории. Экстатическое шаманское камлание имитируют «Азбуки» и другие «оральные жанры» Дмитрия Пригова¹⁵. В 1977 году Римма и Валерий Герловины создают перформанс «Костюмы», в котором они разыгрывают изгнание

¹⁵ В 1981 г. Анатолий Жигалов и Наталья Абалакова организуют в деревне Погорелово первый Костромской фестиваль перформансов, в котором принимают участие художники концептуалистского круга (Андрей Монастырский, Николай Панитков, Елена Елагина, Игорь Макаревич, Свен Гундлах, Виталий Поляков и сам Жигалов). Наиболее подробно документированы перформансы Анатолия Жигалова и группы ТОТАРТ начала 1980-х годов (см.: [ТОТАРТ 2021]). Искусствоведческое описание концептуалистских перформансов см. в статье Екатерины Бобринской: [Bobrinskaja 2011].

Адама и Евы из Эдема в одеждах, изображающих мужское и женское нагие тела (этот перформанс был sequel'ом к более раннему перформансу «Зоо-Номо Sapiens» (1977)¹⁶.

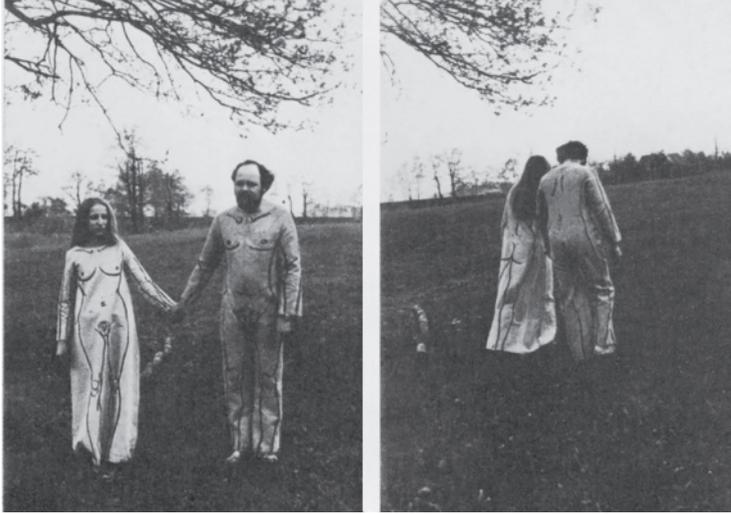

Рис. 1. Римма и Валерий Герловины. Перформанс «Костюмы» (1977).
Фото Виктора Новацкого.

Fig. 1. Rimma Gerlovinina and Valery Gerlovin. Performance “Costumes”.
Photo by Viktor Novatsky.

Источник: [Перформанс в России 2014, с. 72-73]

На первый взгляд противоположны минималистским КД многофигурные и многожанровые карнавализованные концерты «Поп-механики» Сергея Курехина, начавшиеся еще в 1984 году и продолжавшиеся вплоть до смерти «Капитана» в 1996-м. Здесь на первый план выдвигалась игровая театрализация всех элементов представления. Планы Курехина носили импровизационный характер, но он при этом требовал от участников зрелища полного подчинения. Как вспоминал Борис Гребенщиков, «Курехин всегда объяснял подробно: “Я делаю вот так — вы падаете, потом вот так, а потом вот так!” И его руками действие связывалось в единый сюжет. Он держал его на себе, все было построено абсолютно точно, и никакого хаоса не происходило. Наверное, где-то в голове или в нервной системе он представлял, как это будет» [Новейшая история 2012]. Другой постоянный участник Поп-механик, хореограф Антон Адасинский, добавляет: «Если он говорил, что музыканты должны лечь на сцену и стрелять из детских пистолетиков или в женских платьях петь “Во саду ли, в огороде”, все так и делали. Потому что понимали: они

¹⁶ См.: [Перформанс в России 2014, с. 72-73].

подчиняются абсолютно искренней и правильной волне» [Новейшая история 2012]. Подчиненные жесткой воле автора-постановщика, перформансы Курехина представляли собой пародийный вариант Gesamtkunstwerk: «...в одной из постановок “Поп-механики” на сцене оказалось сразу 464 человека и 1 козел. Ведь помимо людей в программах “Поп-механики” принимали участие также удавы, обезьянка на велосипеде, лошади, ослы, куры, а также различный подвижной состав — грузовики, старинные автомобили эмки и даже танк — что случилось уже в Швеции...» [Алексеев 2015].

Вместе с тем многие участники и зрители прямо сравнивали Поп-механики с дионисийскими обрядами, напрашивались параллели с карнавалом (ритуалы развенчания/увенчания), а сам Курехин с известной долей иронии говорил о религиозном характере одной из последних (1995) Поп-механик: «Это исследование в области, пограничной между жизнью и смертью, потому что религия, по большому счету, может говорить только об этом...» [Полищук 1995]. Однако и в случае перформансов КД, и в случае «Поп-механики» режиссура перформанса вовлекала не только участников, но и зрителей в лиминальную ситуацию, которая разворачивалась как процесс разрушения прежде устойчивых бинарных оппозиций (философские и экзистенциальные в акциях КД; по преимуществу эстетические у Курехина), вызывая эффект свободы, который, в свою очередь, мог быть как экстатическим, так и крайне дискомфортным. Именно поэтому ритуальность, предполагающая устойчивую систему бинарных оппозиций, могла возникать здесь только как особая, крайне неустойчивая форма критики эстетических языков, в свою очередь подрывающих квазирелигиозные дискурсы.

Перформативность была также связана и с репрезентацией автора — особенно преуспели в этом направлении представители московского концептуализма, создавшие значительную галерею «персонажных авторов» от В. Комара и А. Меламида, создавших художников-персонажей Аполлона Зяблева (абстракциониста XVIII века) и Николая Бучумова (ученика Малевича, ушедшего от супрематизма к гиперреализму) до Пригова и Кабакова, а от них до младоконцептуалистов — Свена Гундлаха (введшего в обиход термин «персонажный автор»¹⁷), В. Захарова, В. Скерсиса, Ю. Альберта и К. Звездочетова. Особенно примечателен в этом отношении метод Ильи Кабакова, создавшего целую плеяду персонажных авторов и посвятивших осмыслению этого феномена два теоретических эссе («Художник-персонаж» и «О художнике-персонаже»).

Кабаков подчеркивал: «“Художник-персонаж” не ориентирован на производство “шедевра”. Его главным произведением, предметом его постоянного

¹⁷ Так называлась его статья о Владимире Сорокине, опубликованная в «литературном» выпуске журнала «А/Я» [Гундлах 1985].

внимания становится он сам, вся его деятельность в качестве персонажа, понимаемая им как единое целое, как единый продукт всей его жизни» [Кабаков 2010, с. 613]. Объясняя смысл персонажности, Кабаков подчеркивает внимание к языкам культуры и общества как предмету художественного исследования: «Причина, по которой главный автор пользуется другими авторами, состоит в том, что для него важным является не откровенный, искренний, подлинный язык, а отношение к языку вообще. Язык любого автора выступает в форме вообще какого-то языка. Причем интересно, что эти языки могут быть как социально значимые (язык халтурщика, страстного художника, язык дилетанта-бюрократа), так и языки, которые могут быть придуманы персонально. <...> Все языки — не авторские, а плавающие в каком-то социально-художественном поле...» [Кабаков, Эпштейн 2010, с. 297–298].

Екатерина Бобринская, подробно проанализировавшая «персонажный метод творчества» в неофициальном искусстве, раскрывает его парадоксальность: присвоение наиболее банальных, анонимных и «пустых» форм и языков советской культуры становится в творчестве художников-концептуалистов способом производства индивидуальной субъектности: «Художники-концептуалисты оказываются вовлечены в создание технологий производства “индивидуального” и одновременно демонстрируют иллюзорность и сомнительность всех результатов таких технологий. <...> Персональный метод творчества оказывается для концептуалистов основной стратегией в производстве и одновременно деконструкции субъективности, индивидуальных и коллективных, своих и чужих языков» [Бобринская 2013, с. 22–23].

По пути более радикальной критики доминирующих представлений об искусстве пошли младоконцептуалисты. Так, группа «Мухомор» создавала комические экранизации великих литературных произведений (1978–1983)¹⁸. Группа «СЗ» (Виктор Скерсис и Вадим Захаров) пародировала в своих перформансах как священные для официальной эстетики традиции «передвижных выставок» («4-я персональная выставка СЗ (Передвижная)») (1984), так и «мусорную эстетику» старших концептуалистов («Заполнение ниш», «Надписи», оба — 1980)¹⁹. А ученики Виталия Комара и Александра Меламида — Геннадий Донской, Михаил Рошаль и Виктор Скерсис, создав группу «Гнездо», специализировались на иронической реализации мистических или ритуальных метафор искусства — что видно даже по названиям их перформансов: «Высживание духа» (1975), «Сеяние» (1976), «Оплодотворение земли» (1976), «Попытка увидеть самого себя в прошлом и будущем» (1977), «Гипнотизирование холста» (1978). Летом 1978 года они провели перформанс «Демонстрация. Искусство в массы». Екатерина Деготь так писала о нем:

¹⁸ См.: [Мухомор 2012, с. 102–106].

¹⁹ См.: [Группа СЗ 2004].

Д[онской]–Р[ошаль]–С[керсис] изготовили классический советский транспарант, но не с текстом, а с фрагментом абстрактной картины (кажется, Пауля Клее), вышли на перекресток улиц Дмитрия Ульянова и Вавилова, прямо к магазину «Академкнига», и направились в сторону Ленинского проспекта. Неприятности у них потом были, но все же акция оказалась, по сути дела, ненаказуемой. А это значит, что была решена главная концептуальная художественная задача — ускользнуть от однозначной интерпретации и поставить все смыслы под вопрос. Просто в СССР от успешности решения этой задачи зависели судьба и свобода. Потому-то вещь так и захватывает [Деготь 2008].

Реализация советского лозунга с помощью запрещенной картины западного авангардиста сегодня воспринимается как ироничный комментарий к авангардной же мечте об разрушении границ между искусством и жизнью. Превращение этого проекта в шествие в духе официальной советской или, наоборот, антисоветской демонстрации — со всеми вытекающими последствиями — ставило вопрос о том, насколько андеграундное искусство может быть свободным от политики, насколько оно независимо, в том числе и от авангардных, и от советских традиций.

Еще дальше пойдет Пригов, который, начиная с 1985 года, будет проводить перформанс, названный им впоследствии «Обращения Дмитрия Алексанчы к гражданам» и за который в ноябре 1986 года (уже при Горбачеве) он будет кратковременно помещен в специальную (т. е. находящуюся под контролем КГБ) психиатрическую больницу. Пригов расклеивает на улицах Москвы и раздает во время своих чтений ленточки бумаги с напечатанным текстом, начинающимся с обращения «Граждане!» и заканчивающимся фамильярно-издевательской подписью: «Дмитрий Алексанчы». Содержание этих обращений было, в основном, аполитичным и сводилось к моралистическим и «экологическим» призывам. Очевидно, что сам выход приговского перформанса, независимо от его содержания, в публичное пространство носил политический характер. Однако в содержательном плане Пригов своим перформансом одновременно атаковал несколько объектов — культуру самиздата и связанную с ней мечту об изменении жизни посредством текстов; политически нагруженную идею искренности как критерия правды, а также концепцию поэта-пророка, ежедневно и ежечасно научающего население «жить не по лжи» и в гармонии с миром. В конечном счете, сам этот перформанс стал жестом радикальной десакрализации как мейнстримных, так и андеграундных представлений о роли искусства и художника в современном обществе²⁰.

²⁰ Подробный анализ этого перформанса см. в моей статье: «“Не поддадимся чувству ответственности всего происходящего!” “Новая искренность” в “Обращениях к гражданам” Д. А. Пригова» [Lipovetsky 2019].

Хеппенинги

В отличие от КД и спектаклей Поп-механики другие андеграундные перформансы носили более спонтанный характер и были вписаны в ткань повседневности — как правило, они вносили эксцесс и трансгрессию в бытовые ритуалы (поездка на общественном транспорте, покупка кофе и пирожного в кафе, прогулка по городу и т. п.). Спонтанность таких перформансов усиливает непредсказуемость их эффектов и целенаправленно вовлекает случайных участников, тем самым нередко превращаясь в провокацию.

К этим и подобным перформансам лучше всего подходит термин «хеппенинг», поскольку создаваемые ситуации нарочито размывают границу между искусством и жизнью, в то же время неизменно шокируя зрителей либо трансгрессией, либо эксцессом, либо и тем и другим вместе. В этом смысле ленинградские и московские нонконформисты, часто не зная того, следовали инструкциям одного из отцов-основателей этого жанра Алана Капроу: «You can steer clear of art by mixing up your happening by mixing it with life situations. Make it unsure even to yourself if the happening is life or art. Art has always been different from the world's affairs, now you've got to work hard to keep it all blurry» [Kaprow 2009].

Благодаря книге А. Юрчака, среди западных исследователей стали широко известны хеппенинги некрореалистов (начало 1980-х), сводившиеся к провокационному насилию на улицах и в общественном транспорте, вроде «избиения Зураба» (резинового манекена, украденного из криминологической лаборатории)²¹. Однако сама традиция таких микроперформансов возникает значительно раньше, что отражено, например, в воспоминании одного из участников круга, сформировавшегося в середине 1960-х вокруг кафе на Малой Садовой в Ленинграде:

Жанр хеппенинга тогда еще не был известен отечественному искусству, но мы его активно практиковали в жизни. Например, садимся с Владимиром Эрлем в автобус, проходит какое-то время, и Владимир Эрль начинает прилюдно, на весь автобус, меня стыдить: «Почему ты, Коля, не заплатил за билет? Коля, что о тебе подумают? Коля, тебя учили в школе!» Автобус весь поворачивался к нам: в этом, собственно, и заключалась интрига (Н. Николаев) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 45].

Источником комизма здесь становится сверхидентификация с советской дидактической риторикой, в то же время обнажающая явную трансгрессию: (возможно) бесплатный проезд в автобусе. Также на сверхидентификации основан следующий перформанс:

Рассказывают, как [Константин] Кузьминский, выйдя из кафе на Невский, увидел Александра Кушнера и, словно бы сняв шляпу с головы, сказал: «Здравствуйте,

²¹ См.: [Yurchak 2006, p. 243–246].

Александр Сергеевич». Кушнер холодно ответил: «Меня зовут Александр Семёнович». Костя тут же сделал шагок вправо и, чуть кланяясь, повторил: «Здравствуйте, Александр Сергеевич». Сердясь, но сдерживая себя, Саша повторил: «Александр Семёнович». И т. д., и т. д. Тон Кушнера становился все более напряженным, а тон Кузьминского — более почтительным. В конце концов Кушнер перешел на другую сторону Невского (Алла Минченко) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 237].

Преувеличенная почтительность перерастает здесь в трансгрессию: многократно называя Кушнера по имени-отчеству Пушкина, Кузьминский сверхидентифицируется с поклонниками поэта и даже с самим поэтом, не лишенным амбиции быть «Пушкиным сегодня», тем самым превращая банальное приветствие в форму *критики* демонстративного «классицизма» Кушнера и его собственного культа Пушкина.

Чистая трансгрессия, возведенная в эстетический жест, доминирует в следующем хеппенинге:

Гена [Волосов] был марсианин и к тому же юродивый. В нем жил незатишающий вихрь. Когда он входил в «Сайгон», начинался ветер. Вот характерная сцена. Идет какая-нибудь тетка в шубке к столику, держит в руках чашечку кофе, пирожное, а Гена совершенно спокойно, величественно, царственным жестом протягивает руку, берет пирожное, кладет целиком себе в рот. Она ошарашенно глядит на него и ничего не может сказать. Он ей говорит: «Что смотришь? Кричи. Но если ты закричишь, я тебя Аллахом прокляну!» — и страшно поднимает вверх палец (Дубровский) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 319].

В чем смысл этих хеппенингов? Лиминальная ситуация (зона неопределенности) с предполагаемым состоянием свободы создается здесь благодаря размыванию границы между искусством и реальностью, между «нарочно» и «на самом деле». Причем в таких случаях именно демонстративное переживание свободы — т. е. *спектакль свободы* — порождает эффект шокирующей трансгрессии. Показателен в этом отношении спонтанный хеппенинг, описанный Львом Лосевым:

С Виноградовым и Ерёминым мы шли под вечер по Невскому. Толпа была тороплива по случаю мороза. Я сказал: «Хотелось бы прилечь». — «Хорошо бы», — сказали спутники и стали укладываться. Мы легли навзничь на тротуар у входа в здание масонской ложи, где позднее разместились редакция журнала «Нева». Как всегда, прохожие не знали, как реагировать. Некоторые почтительно останавливались и спрашивали, в чем дело. Мы дружелюбно отвечали, что прилегли отдохнуть. От этого простого ответа на стандартных лицах вдруг возникало отражение мучительной работы мысли, словно бы невыносимой для рядового советского прохожего; и люди торопились уйти. Мы смотрели на звезды, обычно не замечаемые над Невским, и говорили что-то приличествующее разглядыванию звезд — о Кантовом моральном императиве и, модная в ту пору тема, о Федоре Михайловиче на весах Кантовых антиномий. Два лица, рябое голое и обожженное

бородатое, склонились над нами — поэтов Дудина и Орлова. Мы пожелали им доброго вечера. Поэты почему-то испугались и ушли [Лифшиц 1980, с. 143–144].

Лежащие на зимнем тротуаре Невского проспекта молодые люди представляют собой безусловную аномалию. Однако то, что они лежат не потому, что пьяны или больны, а просто так, потому что решили отдохнуть, делает это аномалию «нарочной» — т. е. трансгрессивной, что естественно вызывает ужас у осторожных прохожих. Вместе с тем сами участники перформанса маркируют «метафизичность» переживаемого/разыгрываемого ими состояния разговорами о возвышенном, о Канте и Достоевском.

В отличие от сложнопостроенных перформансов, андеграундные хеппенинги, как правило, могли повторяться (или в принципе были повторимы), поскольку их главный эффект был связан с реакциями «непосвященных» зрителей. Несмотря на кажущуюся спонтанность, в большинстве случаев они представляли собой буквальную или, чаще, дискурсивную (неконкретную) цитату, внедренную в гущу повседневности. Так «транспортный» хеппенинг Эрля явно отсылал к советской детской литературе, диалог Кузьминского с Кушнером — к «анекдотам» Хармса о Пушкине, акция Волосова — к «Мастеру и Маргарите», а возлежащие на зимнем тротуаре поэты филологической школы таким образом перформативно «цитировали» слова Канта о звездном небе и нравственном законе.

Разумеется, примеров может быть и больше, но общей чертой хеппенингов было разыгрывание конфликтных отношений между литературой и «жизнью». Литература (или вообще искусство), перформативно вторгаясь в жизнь, с одной стороны явственно подрывает конвенции повседневности, создавая моментальный, но сильный эффект остранения. С другой стороны, демонстративный разрыв между материализованной цитатой и повседневными контекстами бросает иронический свет и на освященные культурой категории и состояния, выявляя их скрытый комизм и тем самым релятивизируя их истинность.

Групповые и индивидуальные перформативные практики

И перформансы, и хеппенинги нуждаются в определенных пространственно-временных рамках, имея начало и конец, нередко (не всегда) разворачиваясь в сюжет с завязкой, кульминацией и развязкой. Их можно рассматривать как концентрированное выражение менее организованных перформативных практик, лишенных четких границ и сюжетности, но сохраняющих все важнейшие черты перформативов — создание имиджей, трансгрессивность, эксцесс и подрыв бинарных оппозиций.

Самым распространенным типом таких практик был своеобразный *дендизм*. По словам Ольги Вайнштейн, «по сути, денди — идеальный адепт

жизнетворчества: и автор, и персонаж в одном лице, воплощенная романтическая идея всевластия личной воли. <...> Денди отказались от внешнего шика или, вернее, придумали новые законы вкуса, которые поначалу воспринимались как эзотерический кодекс для посвященных» [Вайнштейн 2005].

Самыми известными денди послевоенной и особенно послесталинской культуры были, конечно, стилиги — с театрализованной гротескностью воспроизводившие западную моду в своей одежде (купленной на черном рынке или самодельной) и эстетических вкусах — прежде всего, связанных с музыкой и танцами (джаз, свинг, рок-н-ролл). Подвергаемые осмеянию и нешуточным преследованиям со стороны властей, стилиги стали символом советской контркультуры, основанной на эстетическом, а не на идеологическом отталкивании от советского²². Однако нельзя не заметить, что их «эзотерический кодекс для посвященных» строился не на индивидуальных моделях, а на стандартах западной моды (хотя и трансформированных). Кроме того, этот тип контркультуры предполагал довольно высокий уровень материального достатка, что объясняет, почему наиболее яркие представители «стиля» принадлежали к кругам советской элиты.

Напротив, дендизм эстетического андеграунда подчеркивал бедность, маргинальность, отверженность в сочетании с ярко индивидуальным внешним обликом. И то и другое носило театрализованный характер, будучи одновременно трансгрессивным и избыточным. Особенно это было характерно для ленинградской богемы 1960–70-х годов, но не только для нее, конечно:

Одной из самых колоритных фигур «Сайгона» был художник-нонконформист Борис Кошелухов. Он носил потрепанную шляпу с широченными полями, глядя на которую многие, не стовариваясь, высказывали предположение, что художник нашел ее на помойке. Во всяком случае, в советских магазинах подобные головные уборы не продавались. Из-под шляпы спускались длинные черные волосы, вьющаяся борода закрывала нижнюю часть лица и верхнюю часть туловища. Одежда Бориса была живописно заляпана разноцветными пятнами краски. Когда он в величественной позе стоял на углу Невского и Владимирского и вдохновенно курил сигарету за сигаретой, все без исключения прохожие оглядывались на него. В глазах «ленинградцев и гостей нашего города» светились у одних недоумение («что это за чучело?»), а у других восхищение («это, конечно, непризнанный гений») (Вячеслав Долинин) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 89].

Представьте себе будни кулинарии Елисеевского гастронома в 1960-х годах: чисто одетых советских граждан, стоящих в очереди за салатом «оливье», покупающих селедочное масло, печеночный паштет, пирожки. И среди этих неприметных людей — человека в форме военно-морского офицера царской армии (так, бывало,

²² О стилигах см.: [Vainshtein 2018; Лебина 2008; Багдасарян 2016]. См. также известную пьесу В. Славкина «Взрослая дочь молодого человека» и воспоминания саксофониста Алексея Козлова [Козлов 1998].

одевался Юрий Галецкий), или Алексея Георгиевича Сорокина, который ходил в крылатке и цилиндре, а в руках держал трость с роскошным янтарным набалдашником, или Элика Богданова с большим бантом на шее. Однажды женщина, стоявшая рядом с Эликом в очереди, удивленно взглянув на бант, сказала: «Как на гитаре!...» (Кирилл Козырев) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 212].

Анджей [Иконников] иногда ходил по городу в крылатке и был очень похож на Гоголя, при этом у него в руке могла быть авоська с картошкой, и это было вполне органично (Инна Гурвиц) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 434].

В целом эта форма дендизма ориентировалась на романтическую мифологию «проклятого художника» как гения, противостоящего «толпе» и чуждого «низменному быту». Как говорит Андрей Хлобыстин, «это было поколение кинического типа жизни и философии: странствующие авантюристы, рыцари, мыслители, дервиши, уличные бойцы. Они жили в своей среде и занимались искусством потому, что ничем другим они не могли и не хотели заниматься» [Матвеева 2014]. Однако в театрализованной отверженности — а вернее, иначе, аутсайдерстве, принципиальной маргинальности, — культивируемой в среде позднесоветских нонконформистов, чувствовались и другие культурные мифологии. Екатерина Бобринская считает, что мифология отверженности художника укоренена в философии модернизма и глубже всего выражена концепцией гетерогенной реальности Ж. Батая: «Нонконформистские движения в культуре XX столетия чаще всего обращаются к ценностям гетерогенного мира: к “неисчерпаемому богатству форм аффективной жизни”, избыточным, не поддающимся ассимиляции явлениям — сновидения, экстаз, безумие, эротика, трансцендентное, электризирующие массы идеи, разрушительные силы; ко всему, что понимается в обществе как *иное, чужое*» [Бобринская 2013, с. 34].

Мифология отверженности порождала разные формы перформативного поведения, и дендизм был только одной из них. В сущности, можно утверждать, что каждый сколько-нибудь очерченный круг в культуре советского андеграунда постепенно находил свой *перформативный стиль*, который воплощал определенный рисунок инакости (и связанной с ней отверженности). Групповые идентичности в андеграундной среде, как и в теории гендера Джудит Батлер, возникают “as the effects of a subtle and politically enforced performativity <...> that is open to splittings, self-parody, self-criticism, and those hyperbolic exhibitions of ‘the natural’ that, in their very exaggeration, reveal its fundamentally phantasmic status” [Butler 1999, p. 200]. Как и в случае гендерной идентичности, нормы группового стиля, как правило, не оформлены дискурсивно, а существуют перформативно, постоянно претерпевая метаморфозы в языковых и поведенческих играх, включавших в себя разные формы цитатности.

Так, в кругу «Сайгона», ленинградского кафе, ставшего центром богемной и андеграундной культуры, по словам одного из завсегдатаев, «парадоксально

сочетались люмпенизированность с эстетической рафинированностью, порочность с высокими нравственными и творческими порывами, самозабвенный труд с безудержным разгулом. Пьянство и сексуальная распущенность совершенно естественно переходили в культурное общение и творческое сотрудничество. В любовных интригах и пьяных подвигах формировались и отбатывались художественные идеи и методы» (Евгений Пазухин) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 164]. Другой завсегдатай добавляет: «Все-таки далеко не каждый мог стать “сайгонным человеком”, отбор все-таки был... По речи, по произношению — книжное воспитание было обязательным условием, книжное воспитание, которое задавало определенный размер фразам и ритм речи, логику аргументации и гарантировало умение слушать и говорить. Слово в “Сайгоне” очень ценили. Это было время блистательного пересказа и блистательного трепа» [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 342].

Многие андеграундные круги оформлялись как «смеховые сообщества» — как показывает Ш. Шахадат, традиционные для русской культуры феномены групповой перформативности:

Под смеховым сообществом я подразумеваю группу лиц, созидающих определенную альтернативную эстетическую реальность и стремящихся воплотить ее в текстах и поступках. Статус смеховой культуры определяется ее противоречием или контрастом по отношению к культуре серьезной и официальной. Творчество альтернативного мира превращает смеющихся в художников, а смех — в эстетически значимый акт. Смеховое сообщество художников образует утопическое пространство, отделенное границей от реального мира и существующее по собственным законам — по законам смеха [Шахадат 2017, с. 14].

Явные черты смехового сообщества, с особым стилем комических перформансов, можно увидеть у таких групп ленинградских нонконформистов, как Хеленукты, Митьки, Новые художники и некрореалисты. См., например:

Что должен был делать настоящий хеленукт? Вести хеленуктический образ жизни, то есть абсолютно асоциальный. <...> Хеленуктические игры были странного порядка, например трагедийные. Так, Владимир Иванович [Эрль] надевал платье своей матушки, закутывал свою бородку в платок — становился такой «тряпичной бабушкой». Мы выходили с ним под руку на улицу, как бы прогуливаясь. Он до времени прикрывал лицо и потом вдруг неожиданно, обращаясь к кому-то, открывал бородку. Однажды одним из таких приколов мы очень обидели Леонида Аронсона. Мы купили в аптеке стеклянную утку и наполнили ее черносливом, настоящим сочным черносливом, который продавался в Елисейском магазине, и принесли ему в подарок на день рождения, думая, что он отнесется к подарку адекватно, по-хеленуктически. На самом деле, он настолько обиделся, что долгое время после этого мы не общались (Александр Миронов) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 34].

Однако, возможно, круг таких сообществ значительно шире, и комический перформативный стиль доминирует как в кругу поэтов и художников Маловой Садовой, так и среди участников «филологической школы»:

С самого первого дня на Малой Садовой присутствовал и некий игровой момент, который точнее можно обозначить как шутовское начало. <...> Одним из любимых занятий было коллективное посещение новинок советского кино, особенно тех, где торжествовал абсолютный китч. <...> С упоением, другого слова и не найти, мы читали и зачитывали вслух целые страницы из романов Ивана Шевцова «Тля» (1964), «Во имя отца и сына» (1970) «Любовь и ненависть» (1970). А Эрль выписывал журнал «Корея» и более «серьезный» — «Новая Корея» (подписчиков на эти журналы на весь Ленинград было всего десятка два) и пропагандировал с серьезной миной на лице идеи чучхе. Это был своеобразный соцарт в жизни, только соцарт — читательский и исполнительский, вполне реальный, но в своей игре не переходивший грани реальности (Николаев) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 44–45].

Для всех знаком принадлежности к клану остались характерные красильниково-михайловские интонации — утрированный распев «а ля рюсс», лукавая манера речи, в которой смешаны хрестоматийно-простонародные (в общем-то, малоупотребительные сейчас) выражения с советскими фразеологизмами, произносимыми не без восторга («А хороша нынче статья в «Правде» “Дадим по шапке литературным двурушникам!”) — «Да, недурна. Крепко пишет, паршивец»). Так мы вели разговоры, и называние вещей своими именами казалось нам плоским [Лифшиц 1980, с. 143].

Показательно, что речь идет о повторяемых шутках и розыгрышах — а значит, именно с этими вербальными или поведенческими жестами связан характерный для перформатизма эксцесс. (В этом смысле смеховые сообщества 60–70-х подобны кругу ОБЭРИУТ, где также культивировались повторяемые шутки.) Более того, во всех этих и подобных случаях перформативный стиль смехового сообщества предполагает особый тип *комизма* — абсурдистский у хеленуктов, соцартистский у «филологов» и поэтов Малой Садовой, инфантильно-кинический у Митьков²⁵. Тип комизма («законы смеха», по Шахадат) задает координаты той театрализованной реальности, которую создают общими усилиями участники группового перформанса. Тип комизма, в сущности,

²⁵ Специфический тип комизма был характерен и для такого смехового сообщества с его узнаваемым перформативным стилем, как ОБЭРИУ: «Я уже сказал, что мы были веселы до вдохновения, до безумия, и в этом безумии была некоторая система. Остроумие в его французском понимании — глубоко презиралось. Считалось, что юмор положений, юмор каламбура — противоположен русскому юмору. Русский юмор, с нашей точки зрения, определялся, говоря приблизительно, — в отчаянном нарушении законов логики и рассудка [...] — Мой телефон — 32-15, — сказал однажды Хармс. — Легко запомнить. Тридцать два зуба и пятнадцать пальцев» [Шварц 1982, с. 148–149]. Ср.: высказывание Льва Лосева о круге «ахматовских сирот»: «Да и стиль жизни у них был другой. Они остряли каламбурами (что у нас считалось дурным тоном)...» [Лифшиц 1980, с. 148].

определяет и тип трансгрессии, порождающий дистанцию²⁴ от социальной реальности, который каждое из андеграундных сообществ находит наиболее продуктивным. Этот же тип дистанции характеризует и возникающие отношения между автором и «имиджем», т. е. его/ее перформативным персонажем. Такого рода отношения лежат и в основе индивидуальных перформативных проектов, разворачивавшихся как в рамках андеграундных групп, так и — чаще — за их пределами.

Индивидуальные перформативные проекты и стили

В конечном счете, доминантами и олицетворениями жизненных миров андеграунда — как в 1930–50-х, так и в 1960–80-х — становились харизматичные фигуры поэтов, художников, теоретиков, которые были в большей степени известны своими длящимися многие годы «театрами для себя» (по Н. Евреину). Таким, по-видимому, был Иван Лихачев, прототип Кости Ротикова в романе К. Вагинова «Козлиная песнь»²⁵; Николай Глазков²⁶, Александр Асаркан²⁷, Константин Кузьминский²⁸, Александр Кондратов (или Сандро Сэнди Конрад)²⁹, Сергей Чудаков³⁰, Венедикт Ерофеев³¹, Тимур Новиков³², Сергей Курехин³³ и, конечно, Дмитрий Пригов. Разумеется, список этот заведомо неполон — в сущности, в каждом андеграундном круге был по крайней мере один масштабный «театр для себя», — в данном случае я лишь называю фигуры, которые далеко выходили за пределы своего круга. Каждый из этих художников буквально реализовал формулу «стиль — это человек», превратив собственную внешность, «психосматику», манеру поведения и речи в значимые художественные элементы перформативного проекта.

Например, Андрей Монастырский так вспоминает о своем знакомстве с известным в ленинградском андеграунде мистическим художником Владимиром Лисуновым (1940–2000):

²⁴ «...Шок лишает нас речи и выводит из строя. Если наша дистанция в отношении речи не уничтожена, то ситуация нас веселит, мы находим ее комичной или остроумной, мы смеемся» [Plessner 1976, s. 72].

²⁵ См. о нем: [Никольская 2014].

²⁶ См.: [Винокурова 2008].

²⁷ См.: [Зиник 1993], а также фильм Владимира Паперного «Searching for Asarkan 1930–2004» (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fs2h6D52GPM>).

²⁸ См.: [Докторов 2020; Герои Ленинградской культуры 2005].

²⁹ [Орлицкий, Павловец 2015].

³⁰ См.: [Орлов 2014; Прыгунов 2018; Шубинский 2015; Шубинский 2018].

³¹ См.: [Лекманов, Свердлов, Симановский 2018].

³² См.: [Андреева 2007].

³³ См.: [Кушнир 2013; Кан 2013].

Дверь нам открыло удивительное существо. Все тело и особенно лицо этого необыкновенного человека находилось в непрерывном движении. Прежде всего в глаза бросались брови — зигзагами, крыльями. Причем не было ощущения, что они как-то специально выбриты, а создавалось впечатление, что это его природные брови, настолько они подходили к его облику, были естественны на его совершенно неестественном с точки зрения обычного жизненного опыта лице. Он каждое мгновение парил, летал с этими бровями-крыльями, с необычным тембром голоса и речевых интонаций. Скорее это было явление ангела, нежели демона, поскольку он был необыкновенно весел, радостен, приветлив³⁴.

А вот что рассказывает об этом художнике один из завсегдатаев «Сайгона»: «Самого себя Лисунов экспонировал регулярно. В строгом черном пальто и шляпе, с бабочкой на белоснежной рубашке, с подбритыми бровями и подкрашенными губами, он мог с загадочной мефистофельской улыбкой часами стоять над чашкой остывшего кофе, наблюдая окружающих. Однажды он “выставил” себя в барочной раме и стоял, не двигаясь и почти не моргая, целый час» (Юрий Новиков) [Сумерки «Сайгона» 2009, с. 289]. Как видим, идея об отождествлении собственного лица и тела с художественным текстом в данном случае реализуется с демонстративной буквальностью.

Особенно показателен в этом отношении пример Пригова, который сыграл для нонконформистской культуры позднесоветского периода ту же роль, что Евреинов в культуре модернизма. Пригов был и практиком, и теоретиком перформатизма, который он (не употребляя этого термина) считал определяющей характеристикой современной культуры³⁵. В манифестах конца 1980-х — начала 90-х годов Пригов утверждал, что начиная с 1960-х годов художник «оказывается в метаязыковой зоне операционального уровня», что порождает смешение разных видов искусств, различия между которыми «отменяются на уровне авторской языковой поведенческой модели» [Пригов 2019b, с. 160]. Пригов постоянно говорит об «акцентированно-знаковом» поведении художника, которое включает в себя и тексты, но не ограничивается ими и, более того, диктует значение и понимание этих текстов: «Только из имиджа и поведения самого художника, в пределах его большого проекта, можно идентифицировать субстанциональную сущность данного произведения... Текст стал частным случаем более общего художественного поведения и стратегии. Этот способ объявления в зоне искусства имеет нематериальный характер — в некой, скажем так, виртуальной зоне возникает образ-имидж художника» [Там же, с. 194–195].

Мысля теоретически, Пригов весьма сознательно выстраивал свой жизнетворческий перформанс, неизменно сопровождая его авторефлексией.

³⁴ Монастырский А. Воспоминания (не опубликовано).

³⁵ См. о теоретических концепциях Пригова: [Lipovetsky, Kukulin 2016].

«Перформанс длиною в жизнь» — так поэт и критик Виктор Куллэ назвал свою рецензию на книгу бесед Д. А. Пригова с И. Балабановой (2001) [Куллэ 2001]. Однако сам Пригов в «Словаре терминов Московской концептуальной школы» (1999) уже употребил выражение «проект длиной в жизнь»: «Проект — в отличие от любых языковых практик и идентификации с ними (включая и перформансно-поведенческий текст) предполагает доминанту временной составляющей и процесса развертывания вдоль временной оси (предел: проект длиною в жизнь), когда любого рода текстовые знаки суть лишь некие отметки, определяющие траекторию, вектор проектного существования, художественно-эстетического бытования почти фантомным способом» [Словарь терминов 1999, с. 193].

Уже из этого достаточно энигматичного описания следует, что собственно перформансы являются составными элементами такого проекта, наряду с текстами. Однако перед нами все-таки перформанс (или мета-перформанс), поскольку в нем присутствует не только эксцесс (перепроизводство текстов в случае самого Пригова), но и трансгрессия. Как поясняет Михаил Рыклин, «...проект, намекает Пригов, измеряется единицами не текста, но времени. Отсюда — необычная, еретическая для большинства поэтов — идея, что производство текстов (а ДАП создавал, прежде всего, поэтические тексты) должно подчиниться времени, измеряться в единицах времени. Для традиционного поэтического вдохновения при таком подходе не остается места, так как оно предполагает неопределенно долгое, иногда многолетнее ожидание...» [Рыклин 2010, с. 82].

Пригов перформативно и текстуально разыгрывал многочисленные имиджи, прежде всего связанные с советской и русской мифологией Поэта — от поэта-пророка до поэта-Милицанера (недаром он часто выступал в милицейской фуражке). Однако, несмотря на определенность тактических задач, Пригов настаивает на том, что итоговый, обобщенный имидж является *фантомом*. В интервью 2004 года Пригов так говорит об этом: «...для меня все... виды [моей] деятельности являются частью большого проекта под названием ДАП — Дмитрий Александрович Пригов. Внутри же этого цельного проекта все виды деятельности играют чуть-чуть иную роль. То есть они есть некоторые указатели на ту центральную зону, откуда они все исходят. И в этом смысле они суть простые отходы деятельности этого *центрального фантома*» [Пригов, Яхонтова 2010, с. 74]. Авторский «центральный фантом», иначе говоря, занимает метапозицию и становится по этой логике главным продуктом тотального перформанса, включающего в себя тексты, картины, инсталляции, собственно перформансы и любые публичные высказывания.

Эти жизнетворческие перформансы «длинной в жизнь» не только у Пригова, но и у других звезд андеграундной культуры предлагают остроанно-ироничное воспроизведение определенной роли, уже оформившейся

в литературно-художественной среде (необязательно, кстати, ограниченной пределами андеграунда). Правда, если в случае Пригова еще можно говорить о проектах (основанных на некоей рационально осмысленной цели и стратегии), то в случае других звезд андеграунда вернее говорить о стилях как об определенной системе поведенческих риторик, приемов и жестов, лишенной, впрочем, четко очерченной цели.

Особенно сложным этот вопрос представляется в тех случаях, когда «плывет» между публичным и частным. Ведь перформативность все-таки предполагает определенную публичность. И в случае Пригова, регулярно выступавшего на домашних чтениях, участвовавшего в выставках и т. п., эта граница вполне определена. Другое дело фигуры андеграунда, полностью лишенные выхода в публичное пространство. Их «публичная сфера» состояла из круга друзей, знакомых. И в ряде случаев довольно трудно сказать, что перед нами: эстетизированный жест или естественное поведение. Думается, в этих случаях по-прежнему сохраняют значение введенные Евреиновым критерии «театра для себя» — трансгрессивность, эксцесс и эстетические (или просто прагматические) мотивировки.

Так, если Пригов осознанно создавал пародийно-гипертрофированный портрет «русского Поэта» во всех его возможных манифестациях, то, например, Венедикт Ерофеев гораздо менее осознанно, но с явной иронической дистанцией разыгрывал спектакль современного пророка-парадоксалиста, подобного ницшевскому Заратустре, постоянно ставящему эксперименты над собой и окружающими. Для Ерофеева мощным катализатором этого экспериментального бытия был алкоголь. В сущности, можно предполагать, что Ерофеев театрализовал в своих жизненных перформансах «имидж» Венечки, главного героя и повествователя «Москвы-Петушков». Авторы биографии Ерофеева отмечают, что еще в юности «Венедикт пришел к пониманию жизни как большого эксперимента, в котором роль главного экспериментатора отведена ему самому» [Лекманов, Свердлов, Симановский 2018, с. 116]. При этом в самом начале книги они цитируют специалиста по творчеству Саши Черного и ерофеевского приятеля Анатолия Иванова: «Веня наплодил уйму легенд, “дез” и апокрифов о себе, пестовал их и множил. Всяческого дурака-валяния и фуфлогонства в его изустных высказываниях хоть отбавляй. Между стараниями апостолов — его приятелей и почитателей — это “Евангелие от Ерофеева” получило широкое хождение. И не завидую тем, кто возьмется за подлинное, немифологизированное жизнеописание Венедикта Васильевича Ерофеева. Отделить истинность от театрализации жизни непросто. Каков он настоящий, видимо, до конца не знает никто» [Там же, с. 25].

Еще более показателен жизнетворческий проект Сергея Чудакова — талантливого поэта, критика и одновременно книжного вора и сутенера; известию о его смерти (оказавшемуся впоследствии ложным) посвящено

стихотворение Иосифа Бродского «На смерть друга»; Тарковский хотел снимать его в «Андрее Рублеве» (в роли Бориски). Друзья Чудакова не без оснований называли его «русским Вийоном», и, вероятно, он то ли осознанно, то ли интуитивно строил свою жизнь как спектакль модернистского мифа о поэте как прирожденном трансгрессоре, легко пренебрегающем не только эстетическими, но и моральными нормами и границами. Однако его итоговый «имидж» ближе всего подходит к образу трикстера в культуре XX века — интеллектуального блестящего, запойного книгочея и эрудита, легко совмещающего, казалось бы, несовместимые роли (сотрудник солидных редакций, автор самиздатских стихов, конформист и бунтарь, книжный вор и сутенер); мастера дискурса, сексуально ненасытного ловеласа, избегавшего устойчивых отношений; оборванца, допущенного в высокие культурные сферы; безгранично циничного (он считал цинизм «принципом истинной человечности») и столь же безгранично обаятельного.

Однако, несмотря на меняющиеся очертания создаваемого «фантомного» имиджа, его *семантика* остается достаточно постоянной. Так, в речи по случаю присуждения Пушкинской премии (1993) Пригов говорил:

...Миссией художника является свобода, образ свободы, тематизированная свобода не в описаниях и толкованиях, но всякий раз в конкретных исторических обстоятельствах, конкретным образом являть имидж художника, инфицировавшего себя свободой со всеми составляющими ее предельными опасностями... Именно артикуляция свободы (во всяком случае в наше время) является точкой, стягивающей на себя все остальное и являющей через себя все остальное [Пригов 2019с].

Во второй половине 1990-х Пригов повторяет ту же мысль, особенно подчеркивая трансгрессивный характер являемой свободы: «...каждое время художник являет запредельную свободу, он, собственно, для этого и поставлен — являть ту свободу, которая в жизни опасна и которой нужно показать предел» [Пригов 2019а].

Примечательно, что так же — как воплощение *свободы со всеми опасностями* — современники описывают и другие жизнетворческие проекты. Как, например, того же Венедикта Ерофеева: «Самым главным в Ерофееве была свобода. Он достиг ее: видимо, одной из акций освобождения и был его уход из университета. Состоянием души свобода быть не может, к ней надо постоянно пробиваться, и он работал в этом направлении всю жизнь. Сколько он пил — видит бог, это был способ поддержания себя то ли в напряжении, то ли в расслаблении — не одурманивающий наркотик, а подкрепление <...> Он не шел, глядя в небо. Он видел границу, через которую переступал, когда другие останавливались» [Лекманов, Свердлов, Симановский 2018, с. 85–86].

Сходно говорят о Сергее Чудакове его друзья: «Он был суперсвободный даже в советское время. У него не то что “законы для себя” — он сам по себе

антизаконен. Раскованность и свобода на грани фола. Но диссидентом он не был, на баррикады не шел. Он не был актером, не актерствовал, но творил свою жизнь, ему интересно жить было» (Татьяна Маслова) [Орлов 2014]; «Он был носителем “свободы в грехе” — общий признак времени, когда всем хотелось воли. А на что она нужна, кроме телесных упражнений, за которые расплачиваешься — это не различало тогдашнее сознание в том кругу. Культ свободы, впитанный в себя, и привел Чудакова к упоению своей клоунадой. Игрок, который играет потому, что самое интересное — игра» (Николай Котрелев) [Там же].

Вероятно, в воплощении свободы, со всеми ее опасностями и в трансгрессивных выходах «за пределы», состояла прагматика всего андеграундного перформатизма. Причем спектакль свободы, как мы могли убедиться, как правило был спектаклем осмеяния различных авторитетных дискурсов или сверхидентификации с образами *власти* — большей частью символической. Потенциально этот спектакль мог быть обратим и на политические формы — о чем свидетельствует постсоветская культура перформатизма («Война», Pussy Riot, Петр Павленский, «монстрации» Артема Лоскутова), выросшая на основе андеграундных традиций.

Нельзя, однако, не заметить парадоксальность этой свободы. Она состоит не в самовыражении, как в романтизме или модернизме, а в перформансе *себя как другого*, который в силу иллюкутивной силы перформанса действительно вытесняет «я» образом другого. Причем, как правило, эти перформансы создавали пародийные и гипертрофированные образы поэтов и художников. Иными словами, объектом перформанса становилась именно *дистанция, отделяющая автора от его имиджа*, и обычно эта дистанция была непостоянной — она то сокращалась, то увеличивалась, создавая тем самым эффект неопределенности, близкий к лиминальной ситуации. В чем состоит смысл такого понимания свободы?

Самый простой ответ состоит в уходе от нормативных, авторитетных, а потому и репрессивных моделей поведения и идентичности. Но трансгрессивность и избыточность этих перформансов предполагает и другую интерпретацию: радикальный отказ от *какой бы то ни было* устойчивой идентичности, ускользание от всякой определяющей рамки, выявление относительности каждой из них. Лучше всего к этим спектаклям себя как другого подходят слова Бахтина о функциях плута, шута и дурака в романе: «Им присуща своеобразная особенность и право — быть чужими в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризуются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения. Поэтому они могут пользоваться любым жизненным положением лишь как маской» [Бахтин 2020].

Полагаю, именно индивидуальные перформативные стили выдающихся фигур андеграунда, вкуче с окружающими их мифами и легендами (во многом

создаваемыми самими этими фигурами), и образуют наиболее яркие и, несмотря на неуловимость, наиболее долговечные художественные феномены андеграундной культуры. В счастливых случаях эти перформативные легенды сочетаются с художественно значительным наследием (как в случаях Пригова или Ерофеева, Тимура Новикова или Александра Кондратова и мн. др.), в других — придают дополнительное значение тем, на первый взгляд вторичным или не особенно важным в исторической перспективе, произведениям, что остались от данного автора. Но и в том и в другом случае индивидуальный перформативный проект вбирает в себя созданные писателем и художником артефакты, превращая их в элементы метатекста, границы которого всегда остаются разомкнутыми.

Список литературы

- Алексеев 2015 — Алексеев А. Механики джаза. Звезды джаза и авангарда дадут концерт памяти Сергея Курехина [Электронный ресурс] // Российская газета. 2015. 18 июля (Федер. вып. № 148 (6719)). URL: <https://rg.ru/2015/07/08/kurehin-site.html> (дата обращения: 15.01.2021).
- Андреева 2007 — Андреева Е. Тимур. «Врать только правду!». СПб. : Амфора, 2007. 527 с.
- Багдасарян 2016 — Багдасарян О. The Generation that Formed a Subculture: “Stilyagi” and Their Literary Representations in the 1990s–2000s // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2016. Vol. 18. No. 4 (157). P. 127–138.
- Бахтин 2020 — Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике [Электронный ресурс] // Philologos.narod.ru. 2020. URL: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop6.html> (дата обращения: 15.01.2021).
- Бобринская 2013 — Бобринская Е. Чужие? Неофициальное искусство: мифы, стратегии, концепции. М. : Бреус, 2013. 496 с.
- Вайнштейн 2005 — Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 638 с.
- Винокурова 2008 — Винокурова И. «Всего лишь гений...». Судьба Николая Глазкова. М. : Время, 2008. 460 с.
- Герои Ленинградской культуры 2005 — Герои Ленинградской культуры. 1950-е — 1980-е [Электронный ресурс] / авт.-сост. и ред. Л. Скобкина. СПб. : Тетра, 2005. С. 63–69. URL: <http://allpeterart.narod.ru/geroi-kniga-incomplete.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
- Гройс 2003 — Гройс Б. Московский романтический концептуализм // Гройс Б. Искусство утопии : Gesamtkunstwerk Сталин ; статьи / ред. В. Мизиано. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры» : Художественный журнал, 2003. С. 168–186.
- Группа СЗ 2004 — Группа СЗ. Виктор Скерсис, Вадим Захаров : совместные работы. 1980–1984, 1989, 1990 / сост. В. Захаров. М. : АртХроника : Е. К. АртБюро, 2004. 164 с.
- Гундлах 1985 — Гундлах С. Персональный автор // А/Я. 1985. № 1. С. 76–77.
- Деготь 2008 — Деготь Е. Десять акций группы «Гнездо» [Электронный ресурс] // OpenSpace.ru. 2008. 27 февр. URL: <http://os.colta.ru/art/projects/109/details/998/> (дата обращения: 15.01.2021).
- Добренко 2013 — Добренко Е. Родные космополиты [Электронный ресурс] // Новый мир. 2013. № 4. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/4/rodnye-kosmopolity.html (дата обращения: 15.01.2021).
- Докторов 2020 — Докторов Б. Константин Кузьминский: «Я нищ и гол, мой друг — единственный глагол» [Электронный ресурс] // Фонд «Либеральная миссия». 23.03.2020. URL: <http://>

- liberal.ru/etudes/konstantin-kuzminskii-ya-nishch-i-gol-moi-drug-edinstvennyi-glagol (дата обращения: 15.01.2021).
- Дружинин 2012 — Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2012.
- Евреинов 2002 — *Евреинов Н. Н.* Демон театральности : сб. произведений / сост., общ. ред. и коммент. А. Ю. Зубкова, В. И. Максимова. М. : СПб. : Летний сад, 2002. 535 с.
- Зиник 1993 — *Зиник З.* На пути к «Артистическому» // Театр. 1993. № 6. С. 123–141.
- Иоффе 2006 — *Иоффе Д.* Даниил Хармс как Homo Ludens: игровое жизнетворчество и проблема маски. К постановке вопроса о роли лудизма в деятельности поэта // Russian Literature. 2006. Vol. 60. No. 3-4. P. 325–345. DOI: 10.1016/j.ruslit.2007.01.002.
- Кабаков 2010 — *Кабаков И.* Тексты. Вологда : Б-ка Московского концептуализма Германа Титова, 2010. 640 с.
- Кабаков, Эпштейн 2010 — *Кабаков И. И., Эпштейн М.* Каталог. Вологда : Б-ка Московского концептуализма Германа Титова, 2010. 342 с.
- Кан 2013 — *Кан А.* Курехин: Шкипер о Капитане. СПб. : Амфора, 2013. 284 с.
- Козлов 1998 — *Козлов А.* «Козел на саксе» — и так всю жизнь... / вступ. ст. А. Кабакова. М. : Вагриус, 1998. 443 с.
- Коллективные действия 2021 — Коллективные действия. Описательные тексты, фото, видео и фонограммы акций [Электронный ресурс] // Московский концептуализм. 2021. URL: <http://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html> (дата обращения: 15.01.2021).
- Куллэ 2001 — *Куллэ В.* Перформанс длиною в жизнь [Электронный ресурс] // НГ-Экслибрис. 2001. 1 нояб. С. 6. URL: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-11-01/6_perfomans.html (дата обращения: 15.01.2021).
- Кушнир 2013 — *Кушнир А.* Сергей Курехин: Безумная механика русского рока. СПб. : Бертельсманн, 2013. 224 с.
- Лебина 2008 — *Лебина Н.* Антимирь: принципы конструирования аномалий. 1950–1960-е годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М. : Вариант : ЦСПГИ, 2008. С. 255–265.
- Лекманов, Свердлов, Симановский 2018 — *Лекманов О., Свердлов М., Симановский И.* Венедикт Ерофеев: посторонний. М. : Редакция Елены Шубиной : АСТ, 2018. 464 с.
- Ливак, Устинов 2014 — *Ливак Л., Устинов А.* Литературный авангард русского Парижа. История. Хроника. Антология. Документы : 1920–1926. М. : ОГИ, 2014. 990 с.
- Лифшиц 1980 — *Лифшиц (Лосев) Л. В.* Тулупы мы [Электронный ресурс] // Кузьминский К., Ковалев Г. У Голубой лагуны : антология новейшей русской поэзии : в 5 т. Т. 1. Ньютонвилл, Масс. : Ориентал Резерч Партнерз, 1980. С. 141–154. URL: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/philolog.htm> (дата обращения: 15.01.2021).
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1. Таллинн : Александра, 1992. С. 248–268.
- Максимов 2002 — *Максимов В. И.* Философия театра Николая Евреинова // Евреинов Н. Н. Демон театральности : сб. произведений / сост., общ. ред. и коммент. А. Ю. Зубкова, В. И. Максимова. М. : СПб. : Летний сад, 2002. С. 5–31.
- Матвеева 2014 — *Матвеева А.* Андрей Хлобыстин: «Перестроить немодное насилие в модное соблазнение» [Электронный ресурс] // АртГид-Процесс. 2014. 15 мая. URL: <https://artguide.com/posts/592-andriei-khlobystin-pieriestroit-niemodnoie-nasiliiie-v-modnoie-soblaznieniie> (дата обращения: 15.01.2021).
- Монастырский 2009а — *Монастырский А.* С колесом в голове (1984) // Монастырский А. Эстетические исследования: тексты, акционные объекты, инсталляции. М. : Герман Титов, 2009. С. 119–129.
- Монастырский 2009б — *Монастырский А.* Эстетика и магия // Монастырский А. Эстетические исследования: тексты, акционные объекты, инсталляции. М. : Герман Титов, 2009. С. 141–152.

- Монастырский 2009с — *Монастырский А.* Эстетические исследования: тексты, акционные объекты, инсталляции. М. : Герман Титов, 2009. 562 с.
- Мухомор 2012 — Мухомор : сборник, посвященный творчеству группы «Мухомор» / ред.-сост. А. Обухова. Вологда : Полиграф-Книга, 2012. 574 с.
- Никольская 2014 — *Никольская Т.* Из воспоминаний об Иване Алексеевиче Лихачеве // Никольская Т. Спасибо, что вы были. СПб. : Юолукка, 2014. С. 18–29.
- Новейшая история 2012 — Новейшая история. Сергей Курехин. Поп-механика [Электронный ресурс] // Собака.ру. 07.03.2012. URL: <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/10754> (дата обращения: 15.01.2021).
- Орлицкий, Павловец 2015 — *Орлицкий Ю., Павловец М.* Три творческих лика Александра Кондратова // Russian Literature. 2015. Vol. 78. No. 1-2. P. 1–13. DOI: 10.1016/j.ruslit.2015.08.001.
- Орлов 2014 — *Орлов В.* Чудаков. Анатомия. Физиология. Гигиена [Электронный ресурс] // Знамя. 2014. № 10–11. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5697> (дата обращения: 15.01.2021).
- Перформанс в России 2014 — Перформанс в России. 1910–2010. Картография истории. Эк. Кат. М. : Музей современного искусства «Гараж», 2014. 280 с.
- Полищук 1995 — *Полищук А.* Поп-механика в ДК Ленсовета [Электронный ресурс] // Rock Fuzz. 1995. № 26 (октябрь). URL: <http://www.nneformat.ru/archive/?id=4907> (дата обращения: 15.01.2021).
- Пригов 2019а — *Пригов Д. А.* Беседа с Оксаной Натолокой [Электронный ресурс] // Пригов Д. А. Мысли. М. : Новое литературное обозрение, 2019. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-contemporary/1080943-28-dmitrij-prigov-mysli.html#book> (дата обращения: 15.01.2021).
- Пригов 2019б — *Пригов Д. А.* Мысли: Избранные манифесты, статьи, интервью / под ред. М. Липовецкого, И. Кукулина. М. : НЛЮ, 2019. 792 с.
- Пригов 2019с — *Пригов Д. А.* Помирись со своей гордостью, человек [Электронный ресурс] // Пригов Д. А. Мысли. М. : Новое литературное обозрение, 2019. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-contemporary/1080943-52-dmitrij-prigov-mysli.html#book> (дата обращения: 15.01.2021).
- Пригов, Яхонтова 2010 — *Пригов Д. А., Яхонтова А.* Отходы деятельности центрального фантама // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, И. Кукулина, М. Липовецкого и др. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 72–84.
- Прыгунов 2018 — *Прыгунов Л.* Сергей Иванович Чудаков и другие. М. : Изд-во «Э», 2018. 416 с.
- Рыклин 2010 — *Рыклин М.* «Проект длиной в жизнь»: Пригов в контексте московского концептуализма // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, И. Кукулина, М. Липовецкого и др. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 81–95.
- Словарь терминов 1999 — Словарь терминов московской концептуальной школы / под ред. А. Монастырского. М. : Ad Marginem, 1999. 221 с.
- Сумерки «Сайгона» 2009 — Сумерки «Сайгона» / сост. и общ. ред. Ю. Валиевой. СПб. : Zamizdat, 2009. 784 с.
- ТОТАРТ 2021 — ТОТАРТ: Наталья Абалакова и Анатолий Жигалов. Акции, перформансы, инсталляции [Электронный ресурс] // Московский концептуализм. 2021. URL: <http://conceptualism.letov.ru/TOTART/actions.html> (дата обращения: 15.01.2021).
- Фишер-Лихте 2015 — *Фишер-Лихте Э.* Эстетика перформативности / пер. с нем. Н. Кандинской. М. : Международное театральное агентство «Play & Play» : Канон+, 2015. 376 с.
- Чубаров 2006 — *Чубаров И.* «Театрализация жизни» как стратегия политизации искусства: повторное взятие Зимнего Дворца под руководством Н. Н. Евреинова (1920 год) // Советская власть и медиа : сб. статей / под общ. ред. Х. Гюнтера, С. Хэнсен. СПб. : Академический проект, 2006. С. 281–295.
- Шахадат 2017 — *Шахадат Ш.* Искусство жизни: жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков / пер. с нем. А. Жеребина. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 432 с.

- Шварц 1982 — *Шварц Е.* Мемуары / подгот. текста и примеч. Л. Лосева. Paris : La Presse Libre, 1982. 237 с.
- Шубинский 2015 — *Шубинский В.* Имярек, или Человек (с) изнанки // *Новый мир.* 2015. № 5. С. 187–190.
- Шубинский 2018 — *Шубинский В.* Игроки и игральщица. Избранные статьи и рецензии. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 380 с.
- Эткинд 2019 — *Эткинд А.* Хлыст. Секты, литература и революция. М. : НЛЮ, 2019. 1110 с.
- Юрчак 2020 — *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение : пер. с англ. 5-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 664 с.
- Bobrinskaia 2011 — *Bobrinskaia E.* Moscow Conceptual Performance Art in the 1970s // *Moscow Conceptualism in Context* / ed. by A. Rosenfeld. Munich : Prestel : New Brunswick : Zimmerli Art Museum at Rutgers university, 2011. P. 154–177.
- Butler 1999 — *Butler J.* Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity. New York : London : Routledge, 1999. 221 p.
- Dropping Out of Socialism 2017 — *Dropping Out of Socialism: The Creation of Alternative Spheres in the Soviet Bloc* / ed. by J. Fürst, J. McLellan. Lanham : Lexington Books, 2017. vii, 343 p.
- Ioffe 2012 — *Ioffe D.* The Futurist Pragmatics of Life-Creation and the Performative Ideology of the Avant-Garde. Looking at Aleksei Kruchenykh Through the Prism of Life-Writing // *Russian Literature.* 2012. Vol. 71. No. 3–4. P. 371–392. DOI: 10.1016/j.ruslit.2012.06.008.
- Kaprow 2009 — *Kaprow A.* How to Make a Happening [Electronic resource]. Primary Information, 2009. URL: <https://primaryinformation.org/files/allan-kaprow-how-to-make-a-happening.pdf> (access date: 15.01.2021).
- Lipovetsky 2019 — *Lipovetsky M.* “Let’s resist the sense of naturalness of everything happening!” “New Sincerity” in Dmitry Prigov’s “Appeals to Citizens” // *Words, Bodies, Memory: A Festschrift in Honor of Irina Sandomirskaja* / Ed. by L. Kleberg, T. Lane, M. Sá Cavalcante Schubak. Huddinge : Södertörns högskola, 2019. P. 159–190. (Södertörn Philosophical Studies. Vol. 23).
- Lipovetsky, Kukulín 2016 — *Lipovetsky M., Kukulín I.* “The Art of Penultimate Truth”: Dmitrii Prigov’s Aesthetic Principles // *The Russian Review.* 2016. Vol. 75. No. 2. P. 186–208.
- Matich 2005 — *Matich O.* Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia’s Fin de Siècle. Madison : University of Wisconsin Press, 2005. 304 p.
- Plessner 1976 — *Plessner H.* Die Frage nach der Conditio humana. Erste Auflage. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1976. 196 S.
- Vainshtein 2018 — *Vainshtein O.* Orange Jackets and Pea Green Pants: The Fashion of Stilyagi in Soviet Postwar Culture // *Fashion Theory.* 2018. Vol. 22. No. 2. P. 167–185.
- Yurchak 2006 — *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton University Press, 2006. 352 p.

References

- Alekseev, A. (2015), “Jazz mechanics. Jazz and avant-garde stars will give a concert in memory of Sergei Kuryokhin”, *Rossiiskaya gazeta*, 18 July, no. 148 (6719), available at: <https://rg.ru/2015/07/08/kurehin-site.html> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Andreeva, E. (2007), *Timur. “Vrat’ tol’ko pravdu!”* [Timur. “Lie only the truth!”], Amfora, Saint Petersburg, 527 p. (in Russian).
- Bagdasaryan, O. (2016), “The Generation that Formed a Subculture: “Stilyagi” and Their Literary Representations in the 1990s–2000s”, *Izvestiia Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*, vol. 18, no. 4 (157), pp. 127–138 (in Russian).
- Bakhtin, M. M. (2020), “Forms of time and chronotope in the novel. Essays on Historical Poetics”, *Philologos.narod.ru*, available at: <http://philologos.narod.ru/bakhtin/hronotop/hronotop6.html> (accessed 15 January 2021) (in Russian).

- Bobrinskaia, E. (2011), "Moscow Conceptual Performance Art in the 1970s", in Rosenfeld, A. (ed.), *Moscow Conceptualism in Context*, Prestel, Munich, Zimmerli Art Museum at Rutgers university, New Brunswick, pp. 154–177.
- Bobrinskaya, E. (2013), *Chuzhie? Neofitsial'noe iskusstvo: mify, strategii, kontseptsii* [Strangers? Unofficial art: myths, strategies, concepts], Breus, Moscow, 496 p. (in Russian).
- Butler, J. (1999), *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*, Routledge, New York, London, 221 p.
- Chubarov, I. (2006), " 'Theatricalization of life' as a strategy for politicizing art: the re-seizure of the Winter Palace under the leadership of N. N. Evreinov (1920)", in Günther, H. and Hänsgen, S. (eds), *Sovetskaya vlast' i media, sbornik statei* [Soviet power and the media, collection of articles], Akademicheskii proekt, Saint Petersburg, pp. 281–295 (in Russian).
- Collective action. Descriptive texts, photos, videos and phonograms of shares (2021), *Moskovskii kontseptualizm*, available at: <http://conceptualism.letov.ru/KD-actions.html> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Degot', E. (2008), "Ten shares of the Gnezdo group", *OpenSpace.ru*, 27 February, available at: <http://os.colta.ru/art/projects/109/details/998/> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Dobrenko, E. (2013), "Native cosmopolitans", *Novyi mir*, no. 4, available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2013/4/rodnye-kosmopolity.html (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Doktorov, B. (2020), Konstantin Kuzminsky: "I am poor and naked, my friend is the only verb", *Fond "Liberal'naya missiya"*, 23 March, available at: <http://liberal.ru/etudes/konstantin-kuzminskii-ya-nishch-i-gol-moi-drug-edinstvennyi-glagol> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Druzhinin, P. A. (2012), *Ideologiya i filologiya. Leningrad, 1940-e gody. Dokumental'noe issledovanie, v 2 tomakh* [Ideology and Philology. Leningrad, 1940s. Documentary research, in 2 vols], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow (in Russian).
- Etkind, A. (2019), *Khlyst. Sekty, literatura i revolyutsiya* [Whip. Sects, literature and revolution], NLO, Moscow, 1110 p. (in Russian).
- Evreinov, N. N. (2002), *Demon teatral'nosti: sbornik proizvedenii* [Demon of Theatricality: a Collection of Works], with commentaries by Zubkov, A. Yu. and Maksimov, V. I., Letnii sad, Moscow, Saint Petersburg, 535 p. (in Russian).
- Fischer-Lichte, E. (2015), *Ästhetik des Performativen*, translated by Kandinskaya, N., Play & Play, Kanon+ Publ., Moscow, 376 p. (in Russian).
- Fürst, J. and McLellan, J. (eds) (2017), *Dropping Out of Socialism: The Creation of Alternative Spheres in the Soviet Bloc*, Lexington Books, Lanham, vii, 343 p.
- Garage Museum of Contemporary Art (2014), *Performans v Rossii. 1910–2010. Kartografiya istorii* [Russian Performance 1910–2010. A Cartography of its History], Garage Museum of Contemporary Art, Moscow, 280 p. (in Russian).
- Grois, B. (2003), "Moscow romantic conceptualism", in Grois, B. *Iskusstvo utopii* [The art of utopia], Pragmatika kul'tury, Khudozhestvennyi zhurnal, Moscow, pp. 168–186 (in Russian).
- Gundlakh, S. (1985), "Character author", *A/Ya*, no. 1, pp. 76–77 (in Russian).
- Ioffe, D. (2006), "Daniil Kharms as Homo Ludens: Playful Life Creation and the Problem of the Mask. On the question of the role of Ludism in the poet's activities", *Russian Literature*, vol. 60, no. 3–4, pp. 325–345 (in Russian). DOI: 10.1016/j.ruslit.2007.01.002.
- Ioffe, D. (2012), "The Futurist Pragmatics of Life-Creation and the Performative Ideology of the Avant-Garde. Looking at Aleksej Kručenykh Through the Prism of Life-Writing", *Russian Literature*, vol. 71, no. 3–4, pp. 371–392. DOI: 10.1016/j.ruslit.2012.06.008.
- Kabakov, I. (2010), *Teksty* [Texts], Biblioteka Moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, Vologda, 640 p. (in Russian).
- Kabakov, I. and Epshtein, M. (2010), *Katalog* [Catalog], Biblioteka Moskovskogo kontseptualizma Germana Titova, Vologda, 342 p. (in Russian).
- Kan, A. (2013), *Kurekhin: Shkiper o Kapitane* [Kuryokhin: Skipper about the Captain], Amfora, Saint Petersburg, 284 p. (in Russian).

- Kaprow, A. (2009), *How to Make a Happening*, Primary Information, available at: <https://primaryinformation.org/files/allan-kaprow-how-to-make-a-happening.pdf> (accessed 15 January 2021).
- Kozlov, A. (1998), «Kozel na sakse» — i tak vsyu zhizn'... [“A goat on a sax” — and so all my life...], Vagrius, Moscow, 443 p. (in Russian).
- Kulle, V. (2001), “Life-long performance”, *NG-Ekslibris*, 1 November, p. 6, available at: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2001-11-01/6_perfomans.html (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Kushnir, A. (2013), *Sergei Kurekhin: Bezumnaya mekhanika russkogo roka* [Sergey Kuryokhin: Crazy Mechanics of Russian Rock], Bertel'smann, Saint Petersburg, 224 p. (in Russian).
- Lebina, N. (2008), “Antiworlds: Principles of Anomaly Design. 1950s-1960s”, in Yarskaya-Smirnova, E. and Romanov, P. (eds), *Sovetskaya sotsial'naya politika: stseny i deistvuyushchie litsa, 1940–1985* [Soviet social policy: scenes and characters, 1940-1985], Variant, TsSPGI, Moscow, pp. 255–265 (in Russian).
- Lekmanov, O., Sverdlov, M. and Simanovskii, I. (2018), *Venedikt Erofeev: postoronii* [Venedikt Erofeev: an outsider], Redaktsiya Eleny Shubinoi, AST, Moscow, 464 p. (in Russian).
- Lipovetsky, M. (2019), “Let's resist the sense of naturalness of everything happening! New Sincerity in Dmitry Prigov's ‘Appeals to Citizens’”, in Kleberg, L., Lane, T. and Sá Cavalcante Schubak, M. (eds), *Words, Bodies, Memory: A Festschrift in Honor of Irina Sandomirskaja*, Södertörns högskola, Huddinge, pp. 159–190 (Södertörn Philosophical Studies, vol. 23).
- Lipovetsky, M. and Kukulín, I. (2016), “The Art of Penultimate Truth: Dmitrii Prigov's Aesthetic Principles”, *The Russian Review*, vol. 75, no. 2, pp. 186–208.
- Livak, L. and Ustinov, A. (2014), *Literaturnyi avangard russkogo Parizha. Istoriya. Khronika. Antologiya. Dokumenty, 1920–1926* [Literary avant-garde of Russian Paris. History. Chronicle. Anthology. Documents: 1920-1926], OGI, Moscow, 990 p. (in Russian).
- Lotman, Yu. M. (1992), “Poetics of everyday behavior in Russian culture of the 18th century”, in Lotman, Yu. M., *Izbrannye stat'i, v 3 tomakh. Tom 1* [Selected articles, in 3 vols. Vol. 1], Aleksandra, Tallinn, pp. 248–268 (in Russian).
- Lifshits (Losev), L. V. (1980), “We are sheepskin coats”, in Kuz'minskii, K. and Kovalev, G., *U Goluboi laguny, antologiya noveishei russkoi poezii, v 5 tomakh. Tom 1* [The blue lagoon anthology of modern russian poetry, in 5 vols, Vol. 1], Oriental Research Partners, Newtonville, Mass., pp. 141–154, available at: <https://kkk-bluelagoon.ru/tom1/philolog.htm> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Maksimov, V. I. (2002), “The philosophy of the theater of Nikolai Evreinov”, in Evreinov, N. N. *Demon teatral'nosti: sbornik proizvedenii* [Demon of Theatricality: a Collection of Works], with commentaries by Zubkov, A. Yu. and Maksimov, V. I., Letnii sad, Moscow, Saint Petersburg, pp. 5–31 (in Russian).
- Matich, O. (2005), *Erotic Utopia: The Decadent Imagination in Russia's Fin de Siècle*, University of Wisconsin Press, Madison, 304 p.
- Matveeva, A. (2014), Andrey Khlobystin: “Rebuilding unfashionable violence into fashionable seduction”, *ArtGid-Protsess*, 15 May, available at: <https://artguide.com/posts/592-andriei-khlobystin-pieriestroit-niemodnoie-nasilie-v-modnoie-soblaznieniie> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Monastyrskii, A. (ed.) (1999), *Slovar' terminov moskovskoi kontseptual'noi shkoly* [Glossary of terms of the Moscow conceptual school], Ad Marginem, Moscow, 221 p. (in Russian).
- Monastyrskii, A. (2009a), “With a wheel in my head”, in Monastyrskii, A., *Esteticheskie issledovaniya: teksty, aktsionnye ob"ekty, installyatsii* [Aesthetic research: texts, promotional objects, installations], German Titov, Moscow, pp. 119–129 (in Russian).
- Monastyrskii, A. (2009b), Aesthetics and magic, in Monastyrskii, A. *Esteticheskie issledovaniya: teksty, aktsionnye ob"ekty, installyatsii* [Aesthetic research: texts, promotional objects, installations], German Titov, Moscow, pp. 141–152 (in Russian).

- Monastyrskii, A. (2009c), *Esteticheskie issledovaniya: teksty, aktsionnye ob"ekty, installyatsii* [Aesthetic research: texts, promotional objects, installations], German Titov, Moscow, 562 p. (in Russian).
- Nikol'skaya, T. (2014), "From the memoirs of Ivan Alekseevich Likhachev", in Nikol'skaya, T. *Spasibo, chto vy byli* [Thank you for being], Yuolukka, Saint Petersburg, pp. 18–29 (in Russian).
- Obukhova, A. (2012), *Mukhomor, sbornik, posvyashchennyi tvorchestvu gruppy «Mukhomor»* [Amanita, a collection dedicated to the creativity of the group "Amanita"], Poligraf-Kniga, Vologda, 574 p. (in Russian).
- Orlitskii, Yu. and Pavlovets, M. (2015), "Three creative faces of Alexander Kondratov", *Russian Literature*, vol. 78, no. 1-2, pp. 1–13 (in Russian). DOI: 10.1016/j.ruslit.2015.08.001.
- Orlov, V. (2014), "Chudakov. Anatomy. Physiology. Hygiene", *Znamya*, no. 10-11, available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5697> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Plessner, H. (1976), *Die Frage nach der Conditio humana*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, 196 S.
- Polishchuk, A. (1995), "Pop mechanics in the Palace of Culture Lensovet", *Rock Fuzz*, no. 26, available at: <http://www.nneformat.ru/archive/?id=4907> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Prigov, D. A. (2019a), "Conversation with Oksana Natoloka", in Prigov, D. A., *Mysli* [Thoughts], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/1080943-28-dmitrij-prigov-mysli.html#book> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Prigov, D. A. (2019b), *Mysli: Izbrannye manifesty, stat'i, interv'yu* [Thoughts: Selected manifestos, articles, interviews], NLO, Moscow, 792 p. (in Russian).
- Prigov, D. A. (2019c), "Make peace with your pride, man", in Prigov, D. A., *Mysli* [Thoughts], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, available at: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/1080943-52-dmitrij-prigov-mysli.html#book> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Prigov, D. A. and Yakhontova, A. (2010), "Waste activity of the central phantom", in Dobrenko, E., Kukulin, I., Lipovetskii, M. and Maiofis, M. (eds), *Nekanonicheskii klassik: Dmitrii Aleksandrovich Prigov (1940–2007), sbornik statei i materialov* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007), collection of works, articles and materials], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, pp. 72–84 (in Russian).
- Prygunov, L. (2018), *Sergei Ivanovich Chudakov i drugie* [Sergey Ivanovich Chudakov and others], Izdatel'stvo «E», Moscow, 416 p. (in Russian).
- "Recent history. Sergey Kuryokhin. Pop mechanics" (2012), *Sobaka.ru*, available at: <http://www.sobaka.ru/oldmagazine/glavnoe/10754> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Ryklin, M. (2010), " 'A Life-Long Project': Prigov in the Context of Moscow Conceptualism", in Dobrenko, E., Kukulin, I., Lipovetskii, M. and Maiofis, M. (eds), *Nekanonicheskii klassik: Dmitrii Aleksandrovich Prigov (1940–2007), sbornik statei i materialov* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007), collection of works, articles and materials], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, pp. 81–95 (in Russian).
- Schahadat, Sch. (2017), *Iskusstvo zhizni: zhizn' kak predmet esteticheskogo otnosheniya v russkoi kul'ture XVI–XX vekov* [The Art of Living: Life as a Subject of Aesthetic Relationship in Russian Culture of the 16th — 20th Centuries], translated by A. Zherebin, *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 432 p. (in Russian).
- Shubinskii, V. (2015), "Namearek, or Man (from) the wrong side", *Novyi mir*, no. 5, pp. 187–190 (in Russian).
- Shubinskii, V. (2018), *Igroki i igralishcha. Izbrannye stat'i i retsenzii* [Players and playgrounds. Selected articles and reviews], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 380 p. (in Russian).
- Shvarts, E. (1982), *Memuary* [Memoirs], La Presse Libre, Paris, 237 p. (in Russian).
- Skobkina, L. (ed.) (2005), *Geroi Leningradskoi kul'tury. 1950-e — 1980-e* [Heroes of the Leningrad culture. 1950s — 1980s], Tetra, Saint Petersburg, pp. 63–69, available at: <http://allpeterart.narod.ru/geroi-kniga-incomplete.pdf> (accessed 15 January 2021) (in Russian).

- “TOTART: Natalia Abalakova and Anatoly Zhigalov. Actions, performances, installations” (2021), *Moskovskii kontseptualizm*, available at: <http://conceptualism.letov.ru/TOTART/actions.html> (accessed 15 January 2021) (in Russian).
- Vainshtein, O. B. (2005), *Dendi: moda, literatura, stil' zhizni* [Dandy: fashion, literature, lifestyle], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 638 p. (in Russian).
- Vainshtein, O. (2018), “Orange Jackets and Pea Green Pants: The Fashion of Stilyagi in Soviet Postwar Culture”, *Fashion Theory*, vol. 22, no. 2, pp. 167–185.
- Valieva, Yu. (ed.) (2009), *Sumerki «Saigona»* [Twilight “Saigon”], Zamizdat, Saint Petersburg, 784 p. (in Russian).
- Vinokurova, I. (2008), «*Vsego lish' genii...»*. *Sud'ba Nikolaya Glazkova* [“Just a genius...”. The fate of Nikolai Glazkov], *Vremya*, Moscow, 460 p. (in Russian).
- Yurchak, A. (2006), *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*, Princeton University Press, Princeton, 352 p.
- Yurchak, A. (2020), *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*, translated by Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 5th ed., *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, 664 p. (in Russian).
- Zakharov, V. (ed.) (2004), *Gruppa SZ. Viktor Skersis, Vadim Zakharov, sovместnye raboty. 1980–1984, 1989, 1990* [Group SZ. Victor Skersis, Vadim Zakharov, joint work. 1980–1984, 1989, 1990], *ArtKhronika*, E. K. ArtByuro, Moscow, 164 p. (in Russian).
- Zinik, Z. (1993), On the way to “Artistic”, *Theater*, no. 6, pp. 123–141 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 16.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 20.05.2021

Информация об авторе

Липовецкий Марк
доктор филологии, профессор
Колумбийский университет
10027 США, Нью-Йорк,
Амстердам авеню, 1130
E-mail: ml4360@columbia.edu
Авторский ORCID: 0000-0001-9402-6583

Information about the author

Lipovetsky, Mark
D. Sci. (Philology), Professor
University of Columbia
1130 Amsterdam Ave, New York, NY,
10027 USA
E-mail: ml4360@columbia.edu
Author's ORCID: 0000-0001-9402-6583

Молодежь, ее сознание и практики

DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.019

УДК 316.346.32-053.6 + 378.115.15 + 316.61:159.923.2

БУДУЩЕЕ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ И МОЛОДЕЖЬ О БУДУЩЕМ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ЕКАТЕРИНБУРГА

Я. В. Дидковская

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Ю. Р. Вишневский

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Е. С. Попов

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Целью статьи является анализ ключевых составляющих образа будущего студенческой молодежи — ее социальных идеалов, социальных ожиданий, настроений и жизненного планирования. Выводы авторов базируются на результатах эмпирического исследования студентов третьего курса вузов Екатеринбурга, обучающихся по программам бакалавриата (N = 2 000). По результатам исследования был выявлен достаточно близкий горизонт планирования у студентов. Согласно мнению самих студентов, молодежи мешает планировать свое будущее на длительный период значительная неопределенность и изменчивость ситуации. Основными причинами неуверенности студенческой молодежи в своем будущем авторы видят процессы, отражающиеся

в социальных фобиях респондентов: экономических рисках — опасениях стать бедным или безработным и политических рисках — ощущениях незащищенности от преследований за политические убеждения, произвола правоохранительных органов и произвола чиновников. Обнаружено, что образ социального будущего студентов Екатеринбурга имеет явно выраженный конфликтный характер: основное противоречие разворачивается между социальными идеалами молодежи, среди которых достижение высокого жизненного уровня, экономическое благополучие, соблюдение прав человека, демократическое общество, равенство и справедливость, и ее социальными ожиданиями, которые носят, в основном, негативный характер — среди них лидируют рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня, ухудшение экологической ситуации, политические беспорядки и протесты, конфликты, ухудшение отношений с другими странами. При этом, несмотря на пессимизм в оценках вероятного будущего российского социума, большинство опрошенных студентов считает, что у молодежи есть возможности повлиять на развитие общества и добиться изменений к лучшему.

Ключевые слова: молодежь, студенчество, образ будущего, социальные ожидания, жизненные планы.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-33064 «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего».

Для цитирования: *Дидковская Я. В., Вишневецкий Ю. Р., Попов Е. С.* Будущее для молодежи и молодежь о будущем: опыт социологического исследования студентов Екатеринбурга // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 2. С. 142–155. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.019

THE FUTURE FOR YOUTH AND YOUTH ABOUT THE FUTURE: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF YEKATERINBURG STUDENTS

Ya. V. Didkovskaya

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Yu. R. Vishnevskiy

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

E. S. Popov

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The purpose of the article is to analyze the essential components of the image of the future of student youth — their social ideals, social expectations, moods and life planning. The authors based their conclusions on the results of an empirical study of third-year Yekaterinburg universities students enrolled in undergraduate programs (N = 2000). According to the results of the study, a reasonably close planning horizon was revealed among students. According to the students themselves, significant uncertainty and variability of the situation prevent them from planning their future for the long term. The authors see the main reasons for the student youth uncertainty in their future processes reflected in the respondents' social phobias — economic risks — fears of becoming poor or unemployed, and political ones — feelings of insecurity from discrimination for political opinion, police violence and corruption of officials. The data revealed found that the image of the social future of Yekaterinburg students has a clearly expressed conflict character: the sharpest contradiction takes place between the social ideals of youth, including the achievement of a high standard of living, economic well-being, respect for human rights, a democratic society, equality and justice, and its social expectations, which are mostly negative — among them are rising prices, inflation, declining living standards, environmental degradation, political unrest and protests, conflicts, deterioration of relations with other countries. At the same time, despite the pessimism in assessments of the probable future of Russian society, the majority of the students surveyed believe that young people have opportunities to influence the development of society and achieve changes for the better.

Keywords: Youth, students, an image of the future, social expectations, life plans

Acknowledgments: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-33064 “Students about the future of Russia and about themselves: the challenges of the present and construction of horizons for the future.”

For citation: Didkovskaya, Ya. V., Vishnevskiy, Yu. R. and Popov, E. S. (2021), "The Future for Youth and Youth About the Future: The Experience of Sociological Research of Yekaterinburg", *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 142–155 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.019

Введение

Сегодняшний интерес к проблематике будущего как среди ученых обществоведов в целом, так и среди социологов молодежи вызван рядом важных процессов, происходящих в мире и в российском обществе.

Прежде всего, это реакция на связанность возможных, вероятных перспектив социума с событиями и процессами настоящего, попытка предвосхитить будущее, опираясь на анализ актуальных тенденций. В связи с этим живую общественную дискуссию вызвала работа французского экономиста Т. Пикетти, заостряющая внимание научной общественности на опасной перспективе радикализации общества, обострения конфликтов под влиянием усугубления известных и появления новых форм социального неравенства [Пикетти 2015; Paidipaty, Ramos Pinto 2021; Hartley, van den Bergh, Kallis 2020].

В российской общественной науке обсуждение проблематики будущего во многом инициировано реакцией элит на ситуацию аномии в результате девальвации ценностей прошлой советской идеологии. Научный, а чаще публицистический и даже псевдонаучный дискурс строится вокруг попыток сконструировать национальную объединяющую идею, основанную на определенных идеологических постулатах [Бочко, Захарчук 2019; Зимин 2016; Золотухина-Аболина, Ингерлейб 2020; Мчедлова 2019]. Однако проведенный воронежскими социологами А. В. Глуховой и ее коллегами экспертный анализ проектов будущего, предлагаемых властвующими элитами, указывает на существенный разрыв между образом будущего страны, транслируемым «сверху», и общественным запросом со стороны граждан [В поисках желаемого будущего 2020].

Не менее важен обострившийся в последние годы запрос на перемены в уставшем от «деградирующей стабильности» обществе, наиболее очевидным выразителем которого является новое поколение российской молодежи. Этот момент достаточно точно отразил в интервью изданию *Deutsche Welle* известный российский писатель Дмитрий Глуховский, назвав студенчество и молодежь в качестве главных социальных сил, заинтересованных в переменах: «Они находятся сейчас в достаточно удручающем положении, потому что не видят никаких перспектив на будущее» [Прокопенко, Барышева 2021].

Не стремясь охватить все многообразие исследований, отразивших «поворот от отечественной социальной науки к будущему», выделим среди них

наиболее близкие к нам по объекту и территориальному охвату — социологические исследования уральской и сибирской молодежи.

Прежде всего отметим многолетние исследования В. Н. Стегния и его коллег. Стегний одним из первых обратил внимание на негативную сторону краха веры в «светлое коммунистическое будущее» — утрату молодежью ориентиров. Ведь, по справедливому мнению ученого, «без прогностической ориентации на социальное будущее личность не сможет эффективно функционировать в настоящем» [Личность в информационно-инновационном обществе 2015, с. 113]. Социологический подход пермских социологов проявился в акценте на анализе социальной обусловленности осознания будущего, выделении места, роли, функций, которые оно выполняет в обществе.

В центре внимания В. Г. Немировского и его коллег оказались жизненные перспективы студенческой молодежи. Отталкиваясь от трактовки жизненных планов В. Т. Лисовским (планы на будущее определяются, с одной стороны, объективными условиями, а с другой — ценностными ориентациями личности [Лисовский 2000, с. 113]), они на основе изменения образа желаемого будущего выявили динамику смысложизненных ориентаций студенчества на рубеже XX–XXI вв. Анализ изменений, произошедших за 16 лет в образе желаемого будущего у студентов, позволил сделать вывод о существенных трансформациях в их ценностном сознании — сокращении значимости созидательно-альтруистических смыслов жизни, росте ориентации на социально-творческую, престижную и лидерскую смысложизненные концепции [Немировский, Соколова 2006].

Серьезный интерес вызывают исследования тюменских социологов Л. Л. Мехришвили, В. В. Гаврилюк и Т. В. Гаврилюк, позволившие выявить особенности образа будущего у молодежи и сравнить их с представлениями более взрослых поколений. Применительно к молодежи особое внимание было уделено выбору жизненных стратегий. Исследователи доказали важность ориентаций на жизненный успех и четкого представления о его составляющих в «образе будущего» молодых людей как способа преодоления социальной отчужденности и возможности «выстраивать стратегии адаптации к меняющимся условиям социальной среды» [Мехришвили, Гаврилюк, Гаврилюк 2017].

Опираясь и переосмысливая сложившиеся теоретические подходы и эмпирические результаты коллег, мы сформулировали определенные методологические принципы, на которых строилось наше исследование представлений студентов Екатеринбурга о будущем и своем месте в нем.

Во-первых, представления, установки, планы молодежи относительно своего личного будущего и будущего социума интегрированы в сложный феномен общественного сознания — «образ социального будущего», который, с одной стороны, имеет определенные основания в объективной реальности, являясь

отражением условий жизнедеятельности молодежи, а с другой — представляет собой эмоционально окрашенное субъективное восприятие этих условий и оценку возможностей их улучшить.

Во-вторых, важен аксиологический характер формирования образа социального будущего: в основе представлений молодежи о будущем лежат ее доминирующие ценностные ориентации, именно они формируют социальные идеалы молодого поколения — отношение к желаемой общественной перспективе.

В-третьих, значимым саморегулируемым механизмом активности молодежи в различных сферах жизнедеятельности выступает соотношение ее социальных идеалов (ориентиров общественного развития) и социальных ожиданий — представлений молодых людей о вероятных, возможных социальных трендах. Именно рассогласование, конфликт между этими двумя образами будущего — «желаемого» и «вероятного», — может лежать в основе негативных социальных настроений молодого поколения, потенциального и реального молодежного протеста.

Соответственно, в фокусе нашего внимания оказались конкретные составляющие образа будущего студенческой молодежи — ее социальные идеалы, социальные ожидания и фобии, настроения и жизненные планы.

Данные и метод

Выводы, представленные в статье, основываются на данных последнего этапа социологического мониторинга «Студент — 2020», реализованного под руководством Ю. Р. Вишневого и при активном участии других авторов статьи. Методом анкетирования были опрошены студенты третьего курса, обучающиеся по программам бакалавриата в 13 вузах Екатеринбурга (N = 2 000; опрос проводился на платформе Google Form, всего было заполнено 2 300 анкет и потом случайным образом из них отобраны 2 000). Использована квотно-гнездовая выборка: в качестве гнезд рассматривались вузы, а в качестве квотных признаков выступили пол и профиль обучения респондентов (гуманитарный, социально-экономический, естественно-научный, инженерный).

Результаты исследования

Анализ проектирования студентами своих индивидуальных жизненных перспектив показывает достаточно близкий горизонт планирования. Существенная доля опрошенных студентов строит планы только на ближайший год, и еще четверть опрошенных — только на ближайшие 5 лет (рис. 1). При этом еще 15 % респондентов живут сегодняшним днем и вовсе не строят планов на будущее.

Рис. 1. На какой период вы предпочитаете строить планы на жизнь? (%)

Fig. 1. For what period do you prefer to make life plans? (%)

Наверное, было бы неверно ожидать, что большинство нынешних студентов планирует свою жизнь в долгосрочной перспективе, ведь мы живем в «обществе риска», неопределенность трендов и перспектив развития которого постоянно возрастают. Необходимость постоянно адаптироваться к меняющимся условиям может натолкнуться на такую «запрограммированность» поведения и не привести к желаемым жизненным целям. Однако, как показывают исследования, именно постановка долгосрочных жизненных целей позволяет добиться наиболее ощутимых изменений своего субъективно понимаемого благополучия, мобилизуя имеющиеся в распоряжении индивида ресурсы наилучшим способом [Карачаровский, Шкаратан 2019].

Определяя, что мешает молодежи планировать свое будущее, три из пяти (61 %) респондентов отметили объективную сложность — «значительную неопределенность, изменчивость ситуации». По мнению каждого седьмого (14 %) студента, молодым мешает планировать будущее преобладающая в СМИ и общественном мнении «негативная, трагическая» окраска возможных сценариев будущего. Лишь 6 % респондентов считают, что ничто не мешает разработке долгосрочных жизненных планов и стратегий (но это даже меньше числа тех, кто такие планы разрабатывает).

В чем конкретно может выражаться неопределенность и рискогенность [Зубок 2016] общественных условий, препятствующих молодежи планировать свое будущее? Для ответа на этот вопрос мы проанализировали мнение респондентов о тех конкретных опасностях, с которыми они сталкиваются, об ощущении защищенности/незащищенности от этих угроз.

Согласно полученным результатам, екатеринбургские студенты чувствуют себя наиболее защищенными от притеснений на этнической и религиозной почве (табл. 1). Гендерная и возрастная дискриминация также

не воспринимается студентами как существенная угроза. Некоторую обеспокоенность респондентов вызывают экология и преступность, однако коэффициент защищенности по этим параметрам все-таки имеет положительное значение, то есть доля чувствующих себя защищенными в той или иной мере от этих опасностей преобладает над долей незащищенных. А вот экономические риски — стать бедным или безработным — всерьез волнуют студенчество. Отметим, что студенты беспокоятся не столько о невозможности найти работу после окончания вуза, сколько о том, позволит ли им эта работа реализовать и развить свой потенциал (трудовой, инновационный, образовательный и т. д.). А «бедность» в их понимании — не нищета, а незаслуженно низкая («недостойная», не учитывающая их квалификацию) оплата труда.

Таблица 1. Оценки защищенности/незащищенности от различных угроз, %
Table 1. Estimates of security / vulnerability against various threats, %

Сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?	Да	Скорее, да	Трудно сказать	Скорее, нет	Нет	Кзащ*
Условная оценка в баллах	+2	+1	0	-1	-2	
От произвола чиновников	15	8	24	20	33	-0,48
От произвола правоохранительных органов	22	14	24	15	25	-0,09
От бедности	19	20	21	16	24	-0,06
От безработицы	19	17	25	18	21	-0,05
От преследований за политические убеждения	27	11	22	13	27	-0,02
От преступности	22	16	24	18	20	+0,02
От экологической угрозы	18	20	25	24	13	+0,06
От одиночества и заброшенности	29	22	18	13	18	+0,31
От притеснений из-за возраста или пола	44	25	15	11	5	+0,92
От притеснений из-за религиозных убеждений	59	18	14	4	5	+1,22
От ущемления из-за национальности	65	18	11	3	3	+1,42

*Кзащ — коэффициент защищенности, среднебалльная оценка

К числу неожиданных результатов, и, заметим, не проявлявшихся на прежних этапах мониторинга, можно отнести весьма высокие оценки ощущения незащищенности от преследований за политические убеждения (отметили 2 из 5), произвола правоохранительных органов (2 из 5) и произвола чиновников (каждый второй). То, что «в топе» социальных фобий молодежи сегодня отмечена незащищенность от произвола чиновников и правоохранительных

органов, косвенно сигнализирует о повышении социально-политической «тревожности» молодежи и ее возрастающей политизации.

Отношение студенческой молодежи к будущему конкретизировалось с помощью сопоставления образов «желаемого» и «ожидаемого» (вероятного) будущего. Оказалось, что эти образы существенно отличаются. Представления молодых людей о ближайшем будущем рисуют депрессивную и изоляционную перспективу для российского общества как в экономическом, так и в социально-политическом плане (табл. 2).

Таблица 2. Иерархия событий, наступление которых наиболее вероятно в ближайшее время, в оценке студентов, % *

Table 2. Hierarchy of events, the occurrence of which is most likely in the near future, in the assessment of students, %

С Вашей точки зрения, наступление каких событий наиболее вероятно в ближайшие три года?	% от числа ответов
Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня	66
Экологические аварии, ухудшение состояния окружающей среды	57
Политические беспорядки, протесты, митинги в стране	48
Конфликты, ухудшение отношений с другими странами	41
Наступление авторитаризма или тоталитаризма в стране	20
Развитие наукоемких отраслей и инноваций	19
Увеличение информационной открытости, свободы в обществе	17
Рост бюрократизации, формализма	16
Принятие законов и программ, способствующих развитию бизнеса и предпринимательства	12
Успешные экономические и социальные реформы	4

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку каждый респондент мог отметить несколько вариантов ответа

Возможные негативные события полностью заняли верхнюю часть иерархии ответов студентов, вытеснив события с позитивным содержанием вниз. Наиболее вероятной перспективой развития страны на ближайшие 3 года респонденты назвали углубление экономического кризиса — рост цен, инфляцию, снижение жизненного уровня, ухудшение экологической ситуации, обострение политической ситуации внутри страны и на международной арене. Почти половина респондентов ожидает конфликтов и ухудшения отношений с другими странами, а пятая часть студентов — вообще наступления авторитаризма или тоталитаризма в стране. Понятно, что эти оценки сформированы в результате преломления в ее сознании текущих общественно значимых событий и процессов, вызывающих непонимание

и неприятие молодежи, поскольку, очевидно, не согласуются с ее ценностными приоритетами, что подтверждается анализом ее социальных идеалов, составляющих «образ желаемого будущего».

Образ «желаемого социального будущего» в сознании студентов обладает совершенно противоположными, можно даже сказать зеркальными, характеристиками в сравнении с «вероятным» будущим (табл. 3).

При довольно пессимистичной оценке вероятности успешных социальных и экономических реформ студенческая молодежь придерживается четкой ориентации на общество потребления и экономическое благополучие. Эта ценностная доминанта остается наиболее значимой для молодежи уже на протяжении продолжительного времени, что, в принципе, свидетельствует о нерешенности и нерешаемости в нашем обществе проблем, связанных с обеспечением приемлемого уровня жизни [Дидковская, Дулина, Трынов 2018]. Интересно, что хотя по-прежнему большая часть молодежи декларирует свою аполитичность, такой ориентир развития общества, как соблюдение прав человека и демократическое государство, занимают второе место после высокого жизненного уровня и экономического благополучия в структуре социальных идеалов. Высок запрос молодежи на социальную справедливость и равенство возможностей. Патриотические настроения, ориентация на сильное государство не столь актуальны для студенчества: даже после общенародного воодушевления 2014 г. на фоне Крымских событий, лишь для одной пятой части респондентов значимо возвращение России роли великой державы, и это следует учитывать власти, выстраивая коммуникацию с новым молодым поколением.

Таблица 3. Социальные идеалы студентов, %
Table 3. Social ideals of students, %

На Ваш взгляд, к чему должна стремиться наша страна в будущем?	% от ответов
К достижению высокого жизненного уровня, экономического благополучия	75
К соблюдению прав человека, демократическому обществу	58
К равенству и справедливости	45
К эффективной рыночной экономике	37
К толерантности, уважению прав меньшинств	27
К значительному развитию высоких технологий, сферы IT	27
К обществу, с которым считаются другие страны	20
К сильной государственной власти	15
К распространению гуманистических ценностей	15
К обществу, где высоко ценят традиции, опыт поколений	12

* Сумма ответов превышает 100 %, поскольку каждый респондент мог отметить несколько вариантов ответа

Анализ представлений уральских студентов о будущем мы завершаем общей оценкой возможного влияния молодежи на развитие нашего общества. Эта оценка достаточно высока (рис. 2).

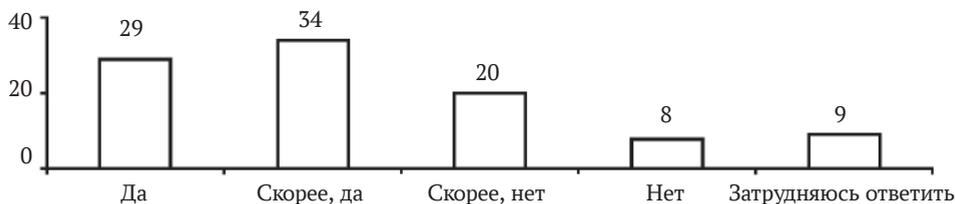

Рис. 2. Есть ли у молодежи сегодня возможность повлиять на развитие нашего общества, добиться изменений к лучшему? (%)

Fig. 2. Do young people today have the opportunity to influence the development of our society, to make changes for the better? (%)

Несмотря на пессимизм в оценках вероятного будущего российского социума, большинство (63 %) опрошенных студентов считают, что у молодежи есть возможности повлиять на развитие общества и добиться изменений к лучшему. Лишь 8 % респондентов полагают, что таких возможностей нет. От того, насколько общество и власть окажутся способными обеспечить условия, в которых молодежь могла бы реализовать свой преобразовательный потенциал и запрос на перемены, зависит, станет ли молодежь реальным драйвером социального развития.

Заключение

Осмысляя результаты нашего исследования представлений студенчества Екатеринбурга о своем будущем и будущем российского общества, мы сформулировали следующие выводы.

Образ социального будущего уральских студентов имеет явно выраженный конфликтный характер: ценностное противоречие разворачивается между идеальным, желаемым образом будущего — экономически благополучным обществом с высоким уровнем жизни и развитыми демократическими институтами, и возможным или наиболее вероятным, исходя из оценок текущих трендов, будущим — экономически стагнирующей автократией, экологически неблагополучной и сползающей к внешнему и внутреннему политическому кризису.

Конфликт между желаемым и реальным является, на наш взгляд, основным внутренним мотиватором растущей политизированности молодежи, порождает негативные социальные настроения и фобии и отражается на ее жизненных планах, в частности формирует недалекий горизонт планирования и утилитарные жизненные цели.

Однако оптимизм, присущий молодежи как особой социально-демографической группе, проявляется в студенческих оценках своих возможностей менять ситуацию к лучшему, позитивно влиять на развитие общества. В этом аспекте важным шагом со стороны власти и общества для налаживания продуктивного диалога с молодым поколением могло бы стать расширение спектра реальных способов и механизмов для реализации молодежью в политике, экономике и других сферах общественной жизни ее креативного и реформаторского потенциала.

Список литературы

- Бочко, Захарчук 2019 — Бочко В. С., Захарчук Е. А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 4. С. 688–704. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.7.
- В поисках желаемого будущего 2020 — В поисках желаемого будущего — российская внутривластная повестка дня / А. В. Глухова, О. А. Сиденко, Д. В. Сосунов и др. // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 43–52. DOI: 10.31857/S013216250008493-5.
- Дидковская, Дулина, Трынов 2018 — Дидковская Я. В., Дулина Н. В., Трынов Д. В. Образ социального будущего молодежи индустриального региона (на примере Волгоградской и Свердловской областей) // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 3. С. 35–44. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.3.5.
- Зимин 2016 — Зимин В. А. «Образ будущего» в политической культуре современной России // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 9. С. 172–175.
- Золотухина-Аболина, Ингерлейб 2020 — Золотухина-Аболина Е. В., Ингерлейб М. Б. Будущее имеет сопоставительное наклонение // Свободная мысль. 2020. № 4 (1682). С. 166–177.
- Зубок, Чупров 2016 — Зубок Ю. А., Чупров В. И. Рискованность изменяющейся социальной реальности как фактор развития молодежи // Социологический альманах : материалы VII Орловских социологических чтений / под ред. П. А. Меркулова, Н. В. Проказиной. Орел : Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2016. С. 22–26
- Карачаровский, Шкаратан 2019 — Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743-0.
- Лисовский 2000 — Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб. : СПбГУП, 2000. 508 с.
- Личность в информационно-инновационном обществе 2015 — Личность в информационно-инновационном обществе : монография / под ред. В. Н. Стегния. Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2015. 448 с.
- Мехришвили, Гаврилюк, Гаврилюк 2017 — Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся : ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2017. С. 369–394.
- Мчедлова 2019 — Мчедлова М. М. Российская поликонфессиональность и солидарный образ будущего // Вестник ВолГУ. Серия : Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 4 (24). С. 66–74.
- Немировский, Соколова 2006 — Немировский В. Г., Соколова Е. В. Структура и динамика смысло-жизненных ориентаций студенческой молодежи: 1988–2004 гг. Постнеклассический подход. Красноярск : Красноярский гос. ун-т, 2006. 161 с.
- Пикетти 2015 — Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. А. Дунаева. М. : Ad Marginem, 2015. 592 с.
- Прокопенко, Барышева 2021 — Прокопенко А., Барышева Е. Глуховский: «Невозможно подерживать то, против чего борется Навальный» [Электронный ресурс] // Deutsche Welle.

- 22.01.2021. URL: <https://www.dw.com/ru/dmitrij-gluhovskij-ljudi-v-rossii-ne-gotovy-zhit-v-antiutopii/a-56314100> (дата обращения: 26.04.21).
- Hartley, van den Bergh, Kallis 2020 — *Hartley T., van den Bergh J., Kallis G. Policies for Equality Under Low or No Growth: A Model Inspired by Piketty // Review of Political Economy.* 2020. Vol. 32. Iss. 2. P. 243–258. DOI: 10.1080/09538259.2020.1769293.
- Paidipaty, Ramos Pinto 2021 — *Paidipaty P., Ramos Pinto P. Revisiting the «Great Levelling»: The limits of Piketty’s Capital and Ideology for understanding the rise of late 20th century inequality // British Journal of Sociology.* 2021. Vol. 72. Iss. 1. P. 52–68. DOI: 10.1111/1468-4446.12840.

References

- Antip’ev, K. A., Asanova, N. I., Belyaeva, O. S., Burko, V. A. and Stegnii, V. N. (2015), *Lichnost’ v informatsionno-innovatsionnom obshchestve* [Personality in an information-innovative society], PNIPU, Perm, 448 p. (in Russian).
- Bochko, V. S. and Zakharchuk, E. A. (2019), “Methodology for Formation of ‘the Image of the Future’ in Strategic Planning”, *Russian Journal of Economic Theory*, vol. 16, no 4, pp. 688–704 (in Russian). DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.7.
- Didkovskaya, Y. V., Dulina, N. V. and Trynov, D. V. (2018), “The Image of the Social Future of the Young People in Industrial Region (in the Context of the Volgograd and Sverdlovsk Regions)”, *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 3, pp. 35–44 (in Russian). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2018.3.5.
- Glukhova, A. V., Sidenko, O. A., Sosunov, D. V. and Shcheglova, D. V. (2020), “Searching for the Desirable Future: Internal Political Agenda for Russia”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 43–52 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250008493-5.
- Hartley, T., van den Bergh, J. and Kallis, G. (2020), “Policies for Equality Under Low or No Growth: A Model Inspired by Piketty”, *Review of Political Economy*, vol. 32, no. 2, pp. 243–258. DOI: 10.1080/09538259.2020.1769293.
- Karacharovskii, V. V. and Shkaratan, O. I. (2019), “Different Goals of The Same Society”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 5–17 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250003743-0.
- Lisovskii, V. T. (2000), *Dukhovnyi mir i tsennostnye orientatsii molodezhi Rossii* [The spiritual world and value orientations of the youth of Russia], Saint Petersburg, SPbGUP, 508 p. (in Russian).
- Mchedlova, M. M. (2019), “Poly-Confessional Russia and Solidary Image of the Future”, *Bulletin of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. Series: Pedagogical and Psychological Sciences*, no. 4 (24), pp. 66–74 (in Russian).
- Mekhrishvili, L. L., Gavrilyuk, V. V. and Gavrilyuk, T. V. (2017), “The Impact on the Vision of the Future to Life Success and Strategies to Achieve it by Modern Russian Youth”, in Gorshkov, M. K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya, ezhegodnik. Vypusk 15 [Russia reforming yearbook. Vol. 15]*, Novyi Khronograf, Moscow, pp. 369–394 (in Russian).
- Nemirovskii, V. G. and Sokolova, E. V. (2006), *Struktura i dinamika smyslozhiznennykh orientatsii studentcheskoi molodezhi: 1988 — 2004 gg. Postneklassicheskii podkhod* [The structure and dynamics of life-meaning orientations of student youth: 1988 — 2004. Post-non-classical approach], Krasnoyarsk State University, Krasnoyarsk, 161 p. (in Russian).
- Paidipaty, P. and Ramos Pinto, P. (2021), “Revisiting the ‘Great Levelling’: The limits of Piketty’s Capital and Ideology for understanding the rise of late 20th century inequality”, *British Journal of Sociology*, vol. 72, no. 1, pp. 52–68. DOI: 10.1111/1468-4446.12840.
- Piketty, Th. (2015), *Le capital au XXIe siècle*, translated by Dunaev, A., Ad Marginem, Moscow, 592 p. (in Russian)
- Prokopenko, A. and Barysheva, E. (2021), “Glukhovsky: ‘It is impossible to support what Navalny is fighting against’”, *Deutsche Welle*, 22 January, available at: <https://www.dw.com/ru/dmitrij-gluhovskij-ljudi-v-rossii-ne-gotovy-zhit-v-antiutopii/a-56314100> (accessed 26 April 2021) (in Russian).
- Zimin, V. A. (2016), “‘Image of the future’ in the political culture of modern Russia”, *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya*, vol. 2, no 9, pp. 172–175 (in Russian).

- Zolotukhina-Abolina, E. V. and Ingerleib, M. B. (2020), "The future has a subjunctive mood", *Svobodnaya mysl'*, no 4 (1682), pp. 166–177 (in Russian).
- Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2016), "Risk-Generating Changing Social Reality as a Factor of Youth Development", in Merkulov, P. A. and Prokazina, N. V. (eds), *Sotsiologicheskii al'manakh, Materialy VII Orlovskikh sotsiologicheskikh chtenii* [Sociological almanac. Materials of the VII Oryol sociological readings], Srednerusskii institut upravleniya — filial RANKhiGS, Oryol, p. 22–26 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 30.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 27.05.2021

Информация об авторах

Дидковская Яна Викторовна
доктор социологических наук, профессор
Уральский федеральный университет
620002, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 13б
E-mail: diyana@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-9525-9514

Вишнеvский Юрий Рудольфович
доктор философских наук, профессор
Уральский федеральный университет
620002, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 13б
E-mail: soc_stu@e1.ru

Попов Евгений Сергеевич
бакалавр социологических наук
Уральский федеральный университет
620002, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 13б
E-mail: evgenypopov1997@gmail.com

Information about the authors

Didkovskaya, Yana Viktorovna
D. Sci. (Sociology), Professor
Ural Federal University
13b Lenin St., Yekaterinburg, 620002 Russia
E-mail: diyana@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0001-9525-9514

Vishnevskiy, Yuriy Rudol'fovich
D. Sci. (Philosophy), Professor
Ural Federal University
13b Lenin St., Yekaterinburg, 620002 Russia
E-mail: soc_stu@e1.ru

Popov, Evgeniy Sergeevich
Bachelor's degree in Sociology
Ural Federal University
13b Lenin St., Yekaterinburg, 620002 Russia
E-mail: evgenypopov1997@gmail.com

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

А. С. Никитина

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Актуальность темы обусловлена возрастающей значимостью исследования вопросов формирования и становления социальных институтов гражданского участия молодежи в местном самоуправлении. Цель исследования — проанализировать на основе полученных эмпирических данных современные формы гражданского участия молодежи в социально-политических процессах на муниципальном уровне, определить факторы, способствующие и препятствующие активному участию молодежи в социально-политических процессах, выявить основные тренды и прогнозы гражданской активности российской молодежи в муниципальных образованиях. В статье представлен анализ теоретических, нормативно-правовых источников, раскрывающих основные факторы, определяющие расширение участия российской молодежи в деятельности муниципальных образований. Приведены результаты эмпирического исследования, проведенного в октябре — декабре 2020 года, раскрывающего практики включения молодежи в управление процессами, происходящими в разных муниципалитетах страны. Метод сбора данных — анкетный опрос молодежи в возрасте 14–30 лет ($n = 2\,026$ человек), проживающих на территории РФ. В дополнение к количественным методам исследования использовались и качественные: в январе 2021 года было проведено экспертное интервью десяти специалистов в области молодежной политики и гражданского участия российской молодежи. В заключении формулируются выводы-рекомендации, направленные на укрепление социальных институтов гражданского участия молодежи, повышение ее гражданской активности в муниципальных образованиях. В результате исследования был сделан вывод, что в настоящее время наблюдается активное участие молодежи в социально-политических процессах в муниципальных образованиях. По мнению большинства экспертов, в недалеком будущем доминирующие позиции будут занимать политические формы (в том числе нелегитимные); популярными станут новые формы гражданской активности, такие как перформансы, флешмобы, уличные мероприятия, онлайн-активность. Наблюдаются тенденции в области развития цифровизации молодежной гражданской активности. В качестве рекомендаций по активизации гражданского

участия в местном самоуправлении предлагается развивать соответствующую социально-гражданскую инфраструктуру, легитимное и работающее правовое поле, создавать комьюнити-центры и площадки для организации эффективного и взаимного диалога между органами местного самоуправления, молодежью, общественными организациями для продуктивного диалога в решении вопросов участия в социально-политических процессах.

Ключевые слова: гражданское участие, молодежь, местное самоуправление, институциональные факторы, муниципальные образования.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31551.

Для цитирования: Никитина А. С. Гражданское участие молодежи в местном самоуправлении // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 156-169. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.020

YOUTH CIVIC PARTICIPATION IN LOCAL GOVERNMENT

A. S. Nikitina

Russian Academy of National Economy and Public Administration
Yekaterinburg, Russia

Abstract: The pertinence of t topic stems from the growing importance of research into the formation and development of social institutions of civic participation of youth in local government. Based on the empirical data obtained, the study aims to analyze forms of civic participation of young people in socio-political processes at the municipal level. It also attempts to determine the factors that promote and hinder the active participation of young people in socio-political processes and to identify the main trends and forecasts of civic engagement of Russian youth in municipalities. The article presents an analysis of theoretical, regulatory and legal sources that empirically reveal the main factors that determine the expansion of the participation of Russian youth in the activities of municipalities. The paper describes the results of an empirical study conducted in October-December 2020 on the inclusion of young people in the management of processes in different municipalities. The data collection method is a questionnaire survey of young people aged 14-30 (n = 2026 people) living in the territory of the Russian Federation. In addition to quantitative research methods, qualitative ones were also used: in January 2021, the author conducted an expert interview with ten experts in youth policy and civic participation of Russian youth. Finally, the author formulates conclusions and recommendations aimed at strengthening the social institutions of civic participation of young people, increasing their civic engagement in municipalities. The results of the study allowed the author to conclude that currently there is the active participation of young people in socio-political processes in municipalities. In the opinion of most experts, soon, dominant positions will be occupied by political forms (including illegitimate ones);

new forms of civic activity, such as performances, flash mobs, street events, and online activities, will become popular. There are trends in the development of digitalization of youth civic engagement. As for recommendations for enhancing civic participation in local self-government, the authors propose to develop an appropriate social and civic infrastructure, a legitimate and working legal field, create community centers and platforms for organizing an effective and mutual dialogue between local governments, youth, public organizations for productive dialogue in solving issues of participation in socio-political processes.

Keywords: civic participation, youth, local government, institutional factors, municipalities.

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of the scientific project No. 20-011-31551.

For citation: Nikitina, A. S. (2021), "Youth Civic Participation in Local Government", *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 156–169 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.020

Введение

Вопросы становления гражданского общества в современной России все чаще становятся объектом научного исследования российских и зарубежных исследователей [Шамшура 2017, с. 390]. Молодежь — одна из немногих социальных групп, способных «расшатывать» сложившиеся в обществе устои, нормы и ценности, традиции, формировать новую повестку, создавать предпосылки для формирования гражданских паттернов поведения, активного или пассивного участия в жизни страны. «Акцент на гражданской молодежной активности является значимым элементом исследований состояния нынешнего российского общества, поскольку именно молодое поколение — это определяющий индикатор социальных изменений» [Савельева 2013, с. 21]. В последнее время популяризировалось цифровое гражданское участие молодежи в жизни страны [Домбровская 2019, с. 135]. Наиболее остро в последнее время стоит вопрос изучения социально-экономических, политических, правовых, духовно-нравственных институтов гражданского участия молодежи непосредственно на локальном, местном уровне, а не в масштабах всего государства, поскольку нельзя не отметить наличие непосредственно региональных особенностей гражданского молодежного участия.

Методология и методы исследования

Прежде всего уточним понимание молодежи как особой социальной группы. В. Т. Лисовский под молодежью понимает «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже

усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [Лисовский 1993, с. 173].

Исследователь И. М. Ильинский считает, что «молодежь — это социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и социально-психологических свойств, которые определяются уровнем социально-экономического и культурного развития, особенностями социализации в данном обществе» [Кондратьева 2011, с. 134].

К. Манхейм как «теоретический новатор» в социологии молодежи определял ее как «резерв, выступающий на передний план, когда это становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [Манхейм 2010, с. 153].

Говоря о нормативно-правовой стороне вопроса, под молодежью (молодыми гражданами) понимают «социально-демографическую группу, включающую в себя лиц в возрасте от 14 до 35 лет, имеющих гражданство Российской Федерации и постоянное место жительства в Российской Федерации или проживающих за рубежом» [ФЗ «О молодежной политике в РФ» 2021]. Интересно, что возраст молодежи в РФ поднят до 35 лет совсем недавно, с 1 января 2021 года, когда вступил в силу Федеральный закон «О молодежной политике в РФ». На наш взгляд, расширение рамок молодого возраста является общемировым трендом: по данным Всемирной организации здравоохранения, в последние десятилетия наблюдается тенденция к увеличению продолжительности жизни на планете, улучшению социально-экономических и демографических условий для проживания, изменения жизненных и карьерных ценностей, что в итоге привело к повышению качества и уровня жизни молодежи.

Молодежь во все времена стремилась включиться в происходящие в обществе изменения. Сам термин «участие молодежи в социальной жизни» обозначает реализуемую практику включения в управление определенным территориальным и социальным пространством, обладающим свойственными ему культурными, политическими и историческими особенностями [Байкин 2015, с. 141]. Этот процесс регулируется системой норм и правил поведения, интересами субъектов, принимающих в нем участие, содержанием целей, задач совместной деятельности. В этом контексте «гражданское участие» представляет собой «совокупность процедур, правил и структур, которые создаются в ходе взаимодействия между гражданами и их группами с другими акторами, для того чтобы граждане могли четко формулировать общие цели и успешно достигать их, решать актуальные социальные проблемы и в итоге реализовывать публичные интересы, способствующие, в том числе, созданию общественных благ» [Бухнер 2015, с. 111].

Участие молодежи в управлении социальными процессами определяется наличием гражданской активности, которую Г. Гегель трактовал как «взаимосвязь государства и права как продуктов разумной деятельности человека, получившую свое воплощение в реальных общественных институтах» [Гегель 1990, с. 54]. Гражданская активность молодежи активно изучалась зарубежными и отечественными социологами [Процесс усвоения 2020, с. 95; Суркова, Щебланова, Логинова 2020, с. 92; Bennett, Freelon, Wells 1990, p. 393; Couldry, Jenkins 2014, p. 1107; Shamionov 2020, p. 459]. В то же время в современной научной литературе наблюдается дефицит теоретических и практических исследований в области гражданской активности молодежи на муниципальном уровне. Под гражданским участием молодежи в местном самоуправлении понимается ее активное включение в решение вопросов функционирования и развития конкретных малых и больших муниципальных образований в целях улучшения условий жизни людей, проживающих на их территории [Реутов, Реутова 2020, с. 96].

Выделяются следующие институты гражданского участия молодежи в местном самоуправлении:

1. Политические институты (электоральное, подписание петиций, партийная активность, протестная активность, взаимодействие с органами власти и т. п.) [Меренков 1992, с. 85]. Политические институты гражданского участия молодежи можно условно разделить на традиционные и альтернативные. К традиционным можно отнести установленные специальными законами формы политического участия граждан в жизни страны, такие как выборы и референдум [ФЗ «Об основных гарантиях» 2002]; членство в политических партиях и активное участие в избирательных кампаниях в разных ролях; сход граждан, правотворческая инициатива, публичные слушания, обращения граждан в органы местного самоуправления; участие в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, в том числе в рамках протестной активности; деятельность органов молодежного самоуправления (молодежные советы, думы, молодежные парламенты, правительства, избирательные комиссии и иные формы организации) и др. Альтернативные политические институты — новые формы, которые становятся все более популярными среди российской молодежи [Маленков 2021, с. 132].

К альтернативным политическим формам гражданского участия можно отнести «политическое волонтерство» — деятельность добровольного и безвозмездного характера, целью которой является изменение политического влияния, политическая онлайн-активность и т. д. [Кисиленко 2018, с. 105].

2. Экономические институты (работа, занятость, индивидуальное предпринимательство, программы и проекты для экономического развития муниципального образования и т. п.) [Байкин 2015, с. 142].

3. Социальные институты (благотворительность, участие в общественных организациях, социальные проекты и программы, участие в социальных

акциях, помощь близким и друзьям и т. п.) [Архипова, Зерчанинова, Никитина 2020, с. 39].

В настоящее время все большую популярность приобретают такие социальные институты гражданского участия молодежи, как членство в молодежных объединениях и организациях, в том числе некоммерческих; коммуникативная активность (контакты с организациями, органами местного самоуправления, депутатами или муниципальными служащими); участие в мероприятиях (курсы, в том числе грантовые, форумная кампания); участие в общественных работах и благотворительности (уборка парка, посадка деревьев, субботник во дворе и т. п.); индивидуальные действия (помощь соседям или просто обсуждение вопросов местного значения с друзьями), онлайн-активность и другие.

В качестве методов исследования использовался анализ статистических данных сайта Федеральной службы государственной статистики, анализ нормативно-правовых источников и литературы. Для изучения практики участия молодежи в деятельности общественных организаций на местном уровне, в октябре — декабре 2020 года было проведено эмпирическое социологическое исследование. Метод сбора данных — анкетный опрос молодежи в возрасте 14–30 лет ($n = 2\,026$ человек) на территории РФ. Респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся уровня и степени их вовлеченности в гражданскую активность в целом, степени удовлетворенности теми или иными сторонами жизни в муниципальном образовании, направленности и форм гражданской активности молодежи в городской или сельской местности. Также были опрошены 14 экспертов, занимающихся изучением социальной активности молодежи.

Целью статьи является анализ эмпирических данных об участии российской молодежи в деятельности муниципальных образований разных регионов страны.

Результаты и обсуждение

Анализ гражданского участия показывает, что в целом современная российская молодежь достаточно активно проявляет свои позиции по основным направлениям общественного развития страны: активную гражданскую позицию по результатам опроса проявляют 65,9 % респондентов, пассивную — 25,4 %. Полученные результаты проведенного социологического анкетного опроса молодежи совпали с экспертным мнением: *«Уровень вовлеченности молодежи за все века жизни человека на сегодняшний день самый пиковый, самый массовый, самый мобильный, интерактивный во всех процессах»* (эксперт-политолог).

Участие в жизни города, сельского поселения напрямую взаимосвязано с уровнем и степенью удовлетворенности социально-экономическими,

политическими, культурно-досуговыми, спортивными, бытовыми сторонами жизни муниципального образования. В наибольшей степени респондентов устраивает наличие возможностей для занятий спортом (64,1 %), качество услуг учреждений культуры и досуга (58 %), услуг учреждений образования (55,6 %), состояние межнациональных отношений в городе (53,2 %). В то же время молодежь не удовлетворена экологической ситуацией в городе (селе) (57,7 %), качеством муниципальных дорог (59,8 %), качеством услуг ЖКХ (52,5 %).

Наличие сфер жизни, которыми не удовлетворена современная молодежь, создает предпосылки для формирования гражданской активности: желание исправить сложившуюся ситуацию, помочь родному городу становится фактором активного участия в жизни муниципального образования.

Анализ социальных и политических институтов гражданского участия, влияющих на гражданскую активность молодежи в муниципальном образовании, показал следующее.

**Таблица 1. Принимали участие когда-либо в следующих мероприятиях
(% к числу ответивших)**

**Table 1. Have you ever participated in the following activities
(% of the number of respondents)**

Мероприятия	Да
Участие в мероприятиях для молодежи (конкурсах, форумах, конференциях)	58,4
Участие в благотворительности	56,8
Волонтерство	54,8
Сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение	52,5
Коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий	49,0
Онлайн-активность по вопросам жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	48,3
Флешмобы	45,3
Участие в деятельности общественных организаций	45,1
Подписание обращений, петиций по поводу событий в жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	39,3
Помощь в организации и проведении избирательной кампании в Вашем городе (селе)	32,6
Участие в деятельности молодежной думы/молодежном совете при органах местного самоуправления	30,5
Участие в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни страны, региона, Вашего населенного пункта	28,5
Участие в деятельности политических партий, движений, профсоюзных организаций	26,1
Участие в работе домкомов, кооперативов, местном общественном самоуправлении	20,3
Участие в забастовках	17,6

Востребованными оказались участие в мероприятиях для молодежи (конкурсах, форумах, конференциях), занятие благотворительностью, волонтерством, сбором средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение. Незначительное число опрошенных (по состоянию на ноябрь — декабрь 2020 года) принимало участие в забастовках, в работе домкомов, кооперативов, местном общественном самоуправлении, в митингах, демонстрациях, пикетах. Следовательно, ценность участия в развитии политических процессов у молодежи невысока. Среди мероприятий, организованных молодыми людьми самостоятельно, доминируют те, которые имеют социально ориентированную направленность: уборка двора (22,1 %), посадка деревьев и других зеленых насаждений (12,5 %), собрание жильцов дома или подъезда (10,3 %). Эксперты также выделяют как политические, так и социальные формы гражданского участия молодежи:

— *политическая сфера достаточно активна, но это, опять же, не совсем политика. Это, в большей степени, обостренное чувство социальной несправедливости, ощущение подрезанных возможностей, при этом это все основывается на эго-интересах* (эксперт- социолог);

— *позитивная активность очень хорошо представлена в социальной сфере: это как раз и сфера молодежной политики, работа с людьми с ограниченными возможностями по здоровью, незащищенные слои населения. В бизнесе, наверное, в меньшей части, больше в социально-политической* (эксперт- специалист органов управления).

Наиболее активны и инициативны молодые респонденты Южного (60,9 %), Сибирского (53,8 %), Северо-Западного (52,4 %), Уральского (47,9 %) федеральных округов РФ в возрасте 26–30 лет.

Отметим, что семейные, с друзьями, коллегами, индивидуальные формы проявления гражданской активности более распространены, чем через благотворительные, религиозные организации (табл. 2).

**Таблица 2. Участие молодежи в благотворительности за последний год
(% к числу опрошенных)**

**Table 2. Participation of young people in charity in the last year
(% of the number of respondents)**

Значения	%
Принимал участие вместе с семьей	20,7
« « вместе с друзьями, коллегами	19,6
« « индивидуально	18,5
« « через благотворительные организации	8,9
« « через блогеров	3,6
« « через религиозные организации	2,8
Не принимал участия	25,7
ИТОГО	100,0

Как показали результаты опроса (табл. 2), чаще всего молодежь реализует свой гражданско-общественный потенциал по месту учебы в школе, колледже, вузе (50,8 %), в организации, где работают (32,6 %), по месту жительства (27,1 %).

Что же влияет на формирование гражданской активности современной молодежи? Какие институциональные факторы способствуют, а какие препятствуют формированию позитивной, конструктивной гражданской активности современной молодежи? Гражданская активность в разных формах в большей степени проявляется молодыми людьми, проживающими в городской местности. В сельской местности она выражается чаще всего в разовых мероприятиях, связанных с благоустройством территории, совместной ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций.

Исследование показало, что респонденты, у которых есть дети, в меньшей степени проявляют гражданскую активность. Они тратят значительную часть свободного времени на воспитание подрастающего поколения, выполняя важную общественную задачу по приобщению его к ценностям современного быстро меняющегося мира.

К факторам, способствующим формированию конструктивной активности молодых граждан, относится уверенность в том, что эта деятельность принесет результаты (44 %), улучшит качество жизни местного населения (26,2 %), будет им оценена как социально полезное дело (23,5 %), надежда на то, что другие жители дома (села, поселка) тоже станут участвовать в общественной жизни (21,7 %). Респонденты подчеркивали «стремление помочь людям, попавшим в чрезвычайную ситуацию, нуждающимся в материальной поддержке» (20,3 %), возможность повлиять на политику муниципальных властей (20,3 %), публично выразить свое недовольство социальной обстановкой в городе, при этом не получив за свою активную деятельность угроз со стороны органов власти (12,5 %).

Эксперты выделяют такие позитивные факторы, как влияние общего уровня ее компетентности и осведомленности, уровня правовой грамотности, большое количество культурных организаций (клубов, кружков), общественных организаций, движений, наличие доступных приемных, налаженных механизмов обратной связи, прозрачное правовое поле, а также наличие морально-нравственных, позитивных ценностей среди молодежи: *«наличие культурных организаций (клубы, кружки), общественные организации, движения также способствуют проявлению гражданской позиции»* (эксперт 4).

Препятствующими проявлению гражданской активности молодые люди назвали безразличие к общим делам (35,2 %), недостаток времени, чрезмерную занятость (34,5 %), индивидуализм (31,6 %), неверие в возможность оказать влияние на принятие решения (31,5 %), отсутствие организации (24,1 %), которая поможет реализовать намеченные идеи и инициативы, выступит

в роли «проводника» между властью и неорганизованной группой молодежи. Респонденты отмечают низкий уровень доверия значительной части современной молодежи органам власти (21,1 %), отсутствие гражданско-правовой грамотности и компетентности (20 %). Их современная система общего и профессионального образования не формирует.

По мнению экспертов, к факторам, препятствующим формированию конструктивной активности молодых граждан, можно отнести остросоциальные негативные настроения в современном обществе, в особенности чувство вопиющей социальной несправедливости; чрезмерную протестную и антироссийскую пропаганду в социальных сетях, негативную новостную повестку в СМИ, отсутствие понимания карьерных и жизненных перспектив, понижение качества жизни. Также к этому перечню факторов можно отнести слаборазвитую культурно-досуговую и образовательную молодежную инфраструктуру, особенно в небольших муниципальных образованиях, разные стартовые возможности у молодежи для социально-политической самореализации, погруженность в рутину жизни, «бытовые нужды»: *«зависит очень много и от типа самой молодежи — для рабочей это одни факторы, для студенческой — другие, для школьной — третьи. Но если попробовать обобщить, то влияет в целом инфраструктура, системная политика»* (эксперт-представитель СМИ).

Анализируя тренды и прогнозы социально-политической вовлеченности российской молодежи в муниципальных образованиях в ближайшие 5–10 лет, мы обратились к экспертному сообществу. Экспертам было предложено ответить на вопрос: «Какой бы Вы сделали прогноз относительно доминирующих форм социально-политической активности через 5–10 лет?» По мнению большинства экспертов, доминирующие позиции будут занимать политические формы (в том числе нелегитимные); популярными станут новые формы гражданской активности, такие как перформансы, флешмобы, уличные мероприятия, онлайн-активность; вырастут ряды молодых предпринимателей, особенно в IT-сфере. Наблюдаются активные тренды на цифровизацию молодежной гражданской активности. Популярными также остаются выборы, электоральная активность молодежи, но недостаточно популярно среди молодежи обращение граждан в органы местной власти. Говоря о негативных прогнозах, эксперты назвали угрозы чрезмерной виртуализации молодежи, что может вылиться в развитие социального аутизма, привести к росту эмиграционной активности молодежи.

Заключение

Результаты социологического исследования свидетельствуют о том, что такие формы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении, как благотворительность, волонтерство, реализация социальных проектов

и программ, благоустройство территории поселка, города, приобретают всё большую популярность.

Укрепление социальных институтов гражданского участия молодежи, повышение ее гражданской активности в муниципальных образованиях будут способствовать формированию институциональных гражданско-правовых, социально-культурных условий для конструктивной гражданской социализации нового поколения. Необходимо создание гражданско-патриотических коворкинг-центров, «точек сбора» молодежи, которые станут дискуссионной и проектно-организационной площадкой для обмена опытом, реализации проектных инициатив, организации образовательных встреч и семинаров по вопросам формирования и воспитания позитивной гражданской активности. В то же время требуется более активное участие самих органов местного самоуправления в жизни молодежи, молодежных общественных объединений с целью обеспечения полноценного социального диалога, при использовании современных онлайн- и офлайн-каналов коммуникации. Важно научиться слушать и считывать настроения современной молодежи, стать её партнером, а не контролирующим органом, ограничивающим свободу поиска.

Список литературы

- Архипова, Зерчанинова, Никитина 2020 — *Архипова А. А., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С.* Институциональные основы политической социализации молодежи как факторы гражданского участия в управлении жизнью общества // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 12. С. 36–40. DOI: 10.20339/AM.12-20.036.
- Байкин 2015 — *Байкин И. А.* Вовлечение российской молодежи в социальное управление // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 1. С. 140–149.
- Бухнер 2015 — *Бухнер А. А.* Участие молодежи в становлении гражданского общества как теоретическая проблема // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2015. № 4 (34). С. 111–115. DOI: 10.18323/2073-5073-2015-4-111-115.
- Гегель 1990 — *Гегель Г. В. Ф.* *Философия права* / пер. с нем. Б. Г. Столпнера, М. И. Левиной. М. : Мысль, 1990. 543 с.
- Домбровская 2019 — *Домбровская А. Ю.* Репрезентация ценностей цифрового гражданского участия российской молодежи в новых медиа: социально-медийный анализ (на примере потоков об участии в благотворительности онлайн) // *Власть*. 2019. Т. 27. № 5. С. 132–138. DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6731.
- Кисиленко 2018 — *Кисиленко Д. Г.* Волонтерство — драйвер роста гражданского участия российской молодежи // *Управление городом: теория и практика*. 2018. № 1 (28). С. 105–109.
- Кондратьева 2011 — *Кондратьева Я. В.* Проблемы социальной работы с молодежью : учебник. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. 278 с.
- Лисовский 1993 — *Лисовский В. Т.* Молодежная политика: проблемы и перспективы // *Теория и практика социальной работы: отечественный и зарубежный опыт* : сборник : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Т. Ф. Яркина, В. Г. Бочарова. М. : Тула : Изд-во АСОПИР, 1993. С. 318.
- Маленков 2021 — *Маленков В. В.* Активное гражданство: концепт и его эмпирические проекции (по результатам исследования тюменской молодежи) // *Социологические исследования*. 2021. № 3. С. 131–136. DOI: 10.31857/S013216250012707-0.

- Манхейм 2010 — *Манхейм К.* Избранное: Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. Л. В. Вольфсон, А. В. Дранова, С. В. Карпушиной. М. : РАО «Говорящая книга», 2010. 744 с.
- Меренков 1992 — *Меренков А. В.* Политические стереотипы студенчества // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 84–90.
- Процесс усвоения 2020 — Процесс усвоения политических ценностей и динамика развития института гражданского участия в молодежной среде / Ю. О. Обухова, А. С. Сафонова, М. С. Арканникова и др. // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 3. С. 95–108. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-95-108.
- Реутов, Реутова 2020 — *Реутов Е. В., Реутова М. Н.* Гражданская активность в системе смысло-жизненных ориентаций молодежи (на материалах регионального исследования) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11-1. С. 96–99. DOI: 10.23672/p6566-0939-2386-n.
- Савельева 2013 — *Савельева Е. А.* Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации понятия // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2013. № 2. С. 21–30.
- Суркова, Щепланова, Логинова 2020 — *Суркова И. Ю., Щепланова В. В., Логинова Л. В.* Гражданский активизм молодежи Саратовской области: социально-политическая включенность и потенциал участия // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 90–100. DOI: 10.31857/S013216250009485-6.
- ФЗ «О молодежной политике в РФ» 2021 — О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Российская газета. 2021. № 1.
- ФЗ «Об основных гарантиях» 2002 — Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.09.2020) // Российская газета. 2002. № 106.
- Шамшура 2017 — *Шамшура К. А.* Концепт «Гражданское общество» в российской политической науке // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 390–396. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.390-396.
- Bennett, Freelon, Wells 2010 — *Bennett W. L., Freelon D., Wells C.* Changing Citizen Identity and the Rise of a Participatory Media Culture // Handbook of Research on Civic Engagement in Youth 2010 / ed. by L. R. Sherrod, J. Torney-Purta, C. A. Flanagan. Wiley, 2010. P. 393–423.
- Couldry, Jenkins 2014 — *Couldry N., Jenkins H.* Participations: Dialogues on the Participatory Promise of Contemporary Culture and Politics // International Journal of Communication. 2014. № 8. P. 1107–1112.
- Shamionov 2020 — *Shamionov R. M.* The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in Russian youth // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17. № 3. С. 459–472. DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-459-472.

References

- Arkhipova, A. A., Zerchaninova, T. E. and Nikitina, A. S. (2020), “Institutional foundations of the political socialization of youth as factors of civic participation in the management of the life of society”, *Alma mater (Bulletin of the higher school)*, no. 12, pp. 36–40 (in Russian). DOI: 10.20339/AM.12-20.036.
- Baikin, I. A. (2015), “Involvement of Russian youth in social management”, *Social and humanitarian knowledge*, no. 1, pp. 140–149 (in Russian).
- Bennett, W. L., Freelon, D. and Wells, C. (2010), “Changing Citizen Identity and the Rise of a Participatory Media Culture”, in Sherrod, L. R., Torney-Purta, J. and Flanagan, C. A. (eds), *Handbook of Research on Civic Engagement in Youth 2010*, Wiley, p. 393–423.
- Buchner, A. A. (2015), “Youth participation in the formation of civil society as a theoretical problem”, *Science Vector of Togliatti State University*, no. 4 (34), pp. 111–115 (in Russian). DOI: 10.18323/2073-5073-2015-4-111-115.
- Couldry, N. and Jenkins, H. (2014), “Participations: Dialogues on the Participatory Promise of Contemporary Culture and Politics”, *International Journal of Communication*, no. 8, pp. 1107–1112.

- Dombrovskaya, A. Yu. (2019), "Representation of the values of digital civic participation of Russian youth in new media: social and media analysis (on the example of streams about participation in online charity)", *Vlast*, vol. 27, no. 5, pp. 132–138 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6731.
- Federal'nyi zakon ot 12 iyunya 2002 goda № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii» [The Federal Law of June 12, 2002 No. 67-FZ "On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on September 14, 2020)] (2002), *Rossiyskaya Gazeta*, no. 106 (in Russian).
- Federal'nyi zakon ot 30 dekabrya 2020 g. № 489-FZ «O molodezhnoi politike v Rossiiskoi Federatsii» [The Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ "On youth policy in the Russian Federation"] (2021), *Rossiyskaya Gazeta*, no. 1 (in Russian).
- Hegel, G. W. F. (1990), *Philosophie des Rechts*, translated by Stolpner, B. G. and Levina, M. I., Mysl', Moscow, 543 p. (in Russian).
- Kisilenko, D. G. (2018), "Volunteering is a Key-Factor for the Growth of Civil Engagement of Russian Youth", *City management: theory and practice*, no. 1 (28), pp. 105–109 (in Russian).
- Kondratieva, Ya. V. (2011), *Problemy sotsial'noi raboty s molodezh'yu* [Problems of social work with youth], Saint Petersburg University of Management and Economics, Saint Petersburg, 278 p. (in Russian).
- Lisovsky, V. T. (1993), "Youth policy: problems and prospects", in Yarkina, T. F. and Bocharova, V. G. (eds), *Teoriya i praktika sotsial'noi raboty: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt, sbornik, v 2 tomakh. Tom 2* [Theory and practice of social work: domestic and foreign experience, in 2 vols. Vol. 2], ASOPIR, Moscow, Tula, p. 318 (in Russian).
- Malenkov, V. V. (2021), "Active citizenship: a concept and its empirical projections (based on the results of a study of Tyumen youth)", *Sociological studies*, no. 3, pp. 131–136 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250012707-0.
- Mannheim, K. (2010), *Izbrannoe: Diagnostika nashego vremeni* [Selected: The Diagnosis of Our Time], translated by Vol'fson, L. V., Dranov, A. B. and Karpushina, S. V., Govoryashchaya kniga, Moscow, 744 p. (in Russian).
- Merenkov, A. V. (1992), "Political stereotypes of students", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 84–90 (in Russian).
- Obukhova, Yu. O., Safonova, A. S., Arkannikova, M. S. and Tanova, A. G. (2020), "The process of assimilating political values and the dynamics of the development of the institution of civic participation in the youth environment", *Communicology*, vol. 8, no. 3, pp. 95–108 (in Russian). DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-3-95-108.
- Reutov, E. V. and Reutova, M. N. (2020), "Civic activity in the system of meaningful life orientations of young people (based on the materials of regional research)", *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, no. 11-1, pp. 96–99 (in Russian). DOI: 10.23672/p6566-0939-2386-n.
- Savelyeva, E. A. (2013), "Civic engagement of youth: options for conceptualizing the concept", *RUDN Journal of Sociology*, no. 2, pp. 21–30 (in Russian).
- Shamionov, R. M. (2020), "The role of civic identity in the preferences of civil and political forms of social activity in Russian youth", *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, vol. 17, no. 3, pp. 459–472 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1683-2020-17-3-459-472.
- Shamshura, K. A. (2017), "The Concept 'Civil Society' in Russian Political Science", *Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, no. 3, pp. 390–396 (in Russian). DOI: 10.25513/2312-1300.2017.3.390-396.
- Surkova, I. Yu., Scheblanova, V. V. and Loginova, L. V. (2020), "Civic activism of the youth of the Saratov region: socio-political involvement and the potential for participation", *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 8, pp. 90–100 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250009485-6.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 14.04.2021

Принята к публикации / Accepted: 27.05.2021

Информация об авторе

Никитина Алена Сергеевна
кандидат социологических наук, доцент
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ — Уральский институт
управления
620144, Россия, Екатеринбург,
ул. 8 марта, 66
E-mail: Nikitina-as@ranepa.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-3804-4952

Information about the author

Nikitina, Alyona Sergeevna
Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor
Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President
of the Russian Federation — Ural Institute
of Management
66 8 Marta St., Yekaterinburg,
620144 Russia
E-mail: Nikitina-as@ranepa.ru
Author's ORCID: 0000-0002-3804-4952

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПЛАНЕТЫ: ЛЮДИ, СТРАНЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Концепции и дискуссии о мирном и немирном атоме

DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.021
УДК 32.019.5:621.039(529) + 339.97:620.9

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ТАЙВАНЯ: БОРЬБА МНЕНИЙ

С. В. Вольфсон

Томский государственный университет
Томск, Россия

Д. В. Ганжа

Томский государственный университет
Томск, Россия

Аннотация: В статье рассматривается проблема атомной энергетики Тайваня, ставшая особенно актуальной после выборов 2016 г., когда победившая Демократическая прогрессивная партия (ДПП), во главе с президентом Цай Инвэнь, объявила об отказе от использования атомной энергетики к 2025 г. Данный курс, принятый на фоне многотысячных протестов после аварии на Фукусиме-1, к 2020 году обрел немало как сторонников, так и противников, став предметом политической борьбы между ныне правящей ДПП и оппозиционным Гоминьданом. В работе анализируется аргументация сторон, описываются противоборствующие организационные структуры и их связь с политическими силами. Можно выделить 3 основных общих вопроса, по которым идут споры: безопасность, экология и экономика. В сфере безопасности противники атомной энергетики на Тайване используют в качестве примера аварию на Чернобыльской АЭС и Фукусиме-1, говоря об опасности атомной энергетики как таковой, невозможности ее контролировать и обеспечить надлежащий уровень безопасности ядерных объектов. Сторонники же доказывают, что системы безопасности АЭС на Тайване превосходят

аналогичные на Фукусиме-1, а сама компания постоянно их модернизирует. В сфере экологии наиболее остро стоит вопрос утилизации низкоактивных ядерных отходов, уделяется большое внимание уменьшению выбросов CO₂ в атмосферу. В сфере экономики отмечается недостаток резервных мощностей на Тайване, подчеркивается относительная дороговизна альтернативных экологически чистых источников энергии. Антиядерные активисты говорят о высокой стоимости строительства и эксплуатации АЭС, утверждая, что в долгосрочной перспективе АЭС проигрывает возобновляемым источникам энергии как экономически, так и технологически, и считая атомную энергетику устаревающей отраслью.

Ключевые слова: атомная энергетика, Тайвань, борьба мнений, энергетическая политика, безопасность, экология, экономика, «Безъядерная Родина-2025».

Для цитирования: Вольфсон С. В., Ганжа Д. В. Атомная энергетика Тайваня: борьба мнений // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 170–185. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.021

NUCLEAR POWER IN TAIWAN: A CLASH OF VIEWS

S. V. Volfson

Tomsk State University
Tomsk, Russia

D. V. Ganzha

Tomsk State University
Tomsk, Russia

Abstract: The article addresses the issue of nuclear energy in Taiwan, which became particularly relevant after the 2016 elections, when the winning Democratic Progressive Party (DPP), led by President Tsai Ing-wen, announced the rejection of the use of nuclear energy by 2025. By 2020, adopted against the backdrop of thousands of protests after the Fukushima-1 accident, this course gained many supporters and opponents and became the subject of a political struggle between the currently ruling DPP and its rival Kuomintang. The paper analyzes the reasoning by the parties, describes the opposing organizational structures and their relations with political forces. Three main general issues are in the focus of debates: security, ecology and economics. In security matters, opponents of nuclear energy in Taiwan use the Chernobyl accident and Fukushima-1 as an example, talking about the danger of nuclear energy per se, the inability to control it and ensure an appropriate level of safety of nuclear facilities. Supporters argue that the safety systems of nuclear power plants in Taiwan are superior to those at Fukushima-1, and the company itself is constantly upgrading them. In the ecology sector, the most acute issue is low-level nuclear waste disposal, and the opponents pay

much attention to reducing CO2 emissions into the atmosphere. In the area of economic matters, there is a lack of reserve capacity in Taiwan, and the parties emphasize the relatively high cost of alternative environmentally friendly energy sources. Anti-nuclear activists talk about the high costs of building and operating nuclear power plants, arguing that in the long run, nuclear power plants lose out to renewable energy sources both economically and technologically, considering atomic power as an outdated industry.

Keywords: nuclear power, Taiwan, a clash of views, energy policy, security, ecology, economy «Nuclear Free Home 2025».

For citation: Volfson, S. V. and Ganzha, D. V. (2021), “Nuclear Power in Taiwan: A Clash of Views”, *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 170–185 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.021

Введение

В 2016 году на Тайване состоялись президентские выборы, на которых, впервые с 2001 г., победила кандидат от Демократической Прогрессивной партии Цай Инвэнь. Одним из основных обещаний г-жи Цай был полный отказ от атомной энергетики к 2025 г. Правительством Демократической партии была подготовлена программа «Nuclear Free Home 2025». К моменту выборов атомная энергетика занимала 20 % от общего производства энергии. Ее предполагалось заменить развитием возобновляемых источников энергии и увеличением использования природного газа в соотношении «20 : 30 : 50», где 20 % — возобновляемые источники энергии, 30 % — уголь, 50 % — сжиженный природный газ. Подобное решение было принято на волне мощных антиядерных протестов, прокатившихся по острову в 2013 г. после аварии на Фукусиме-1 в Японии.

Однако к 2020 году в обществе сформировалась и противоположная позиция. Сегодня это один из источников поляризации тайваньского общества, и, как заметил профессор Тайваньского Института исследований в области управления и коммуникаций, Шанпо Се, атомный вопрос стал частью проблемы разделения на «левых» и «правых» [Hsieh 2020], где на одном крыле — ДПП со своей антиядерной политикой, а на другом — Гоминьдан, открыто не поддерживающий атомную энергетику, но гораздо более консервативный в методах решения проблемы. Сегодня вопрос об атомной энергетике является одним из ключевых в политической борьбе ДПП и Гоминьдана, что объясняет актуальность данной работы.

Эта тема недостаточно изучена в отечественной литературе. Между тем она актуальна, поскольку развитие Тайваня во многом зависит от результатов дискуссии, которая в настоящее время происходит на острове.

Источниками являются научные и публикации участников политических дискуссий, например работы Чень Личена [陳立誠 2018; 陳立誠 2019a; 陳立誠 2019b; 陳立誠 2020]. Используемые в работе статистические данные

опубликованы в материалах Национального совета развития Тайваня и на официальном сайте Taipower [National Development Council 2019]. Состояние атомной энергетике до выборов 2016 г., характеристика данной отрасли отражены в The World Nuclear Industry Status Report [The World Nuclear Industry Status Report 2014].

История возникновения и развития антиядерного движения с 1980 г. широко исследовалась профессором Тайваньского национального университета Мин Шо Хо [Ho 2003]. Большое внимание атомной проблеме уделено в книге Д. Вильямса и Ч. Д. Чана «Taiwan's Environmental Struggle: Toward a Green Silicon Island» [Williams, Chang 2008]. Противостояние сторонников и противников атомной энергии рассматривалось в работах Роберта Саттера [Sutter 2013], Глории Куан-Чжун Су [Hsu 2013; Hsu 2017], Шанпо Се [Hsieh 2020]. В статье Джозефа Ву, главного секретаря Демократической прогрессивной партии, «Тайвань после Гоминьдана: анализируя выборы 2016 г.» дан анализ борьбы Гоминьдана и ДПП [Wu 2016]. Энергетическая политика и энергобаланс последних лет освещались в исследовательской работе Центра Карнеги под авторством Эван А. Фейгенбаума и Хоу Джен-и [Feigenbaum, Hou 2020]. Проблеме посвящено большое количество публицистических статей Н. Аспи-нуолла [Aspinwall 2018; Aspinwall 2019].

Методология исследования включает в себя анализ источников (для выявления основных дискуссионных вопросов), сравнение, описательный метод.

Безопасность

Корнями проблема уходит в 1980 г., когда, после аварии на АЭС Три-Майл-Айленд в 1979 г., группа тайваньских студентов, обучавшихся в то время в США и вернувшихся на родину, заложила основу антиядерного движения. Первым их аргументом против использования АЭС была потенциальная опасность сбоя в работе и взрыва, который может уничтожить весь остров. Первоначальные их призывы казались населению голословными, да и жесткий режим Гоминьдана не давал возможности малочисленной антиядерной группировке оказать влияние на энергетическую политику. Масштабы разрушений от аварии на Чернобыльской АЭС 1986 г. дали этому аргументу новую, доселе невиданную силу. Совпавшая с демократизацией политической сферы жизни катастрофа привела к падению популярности атомной энергетике в мире и к формированию стабильного и сильного антиядерного движения на Тайване. Оно по сей день представлено различными экологическими организациями, например «Green Citizens' Action Alliance» (ГСАА в дальнейшем), созданной в 2000 г. и активно борющейся против атомной энергетике.

Именно вопрос безопасности АЭС активно использовался антиядерными активистами для организации массовых протестов в 2013 г. Тогда Гоминьдан

попытался убедить население в безопасности строящейся четвертой, Лунменьской АЭС. Этот проект к тому времени стал «большим пятном на теле» государственной энергетической компании Тайваня — Taipower, вызвал многочисленные скандалы, связанные с пренебрежением безопасностью, многомиллионные штрафы и прямой конфликт с американской General Electric [Hsu 2017, p. 164–166].

В 2013 г. тайваньский Совет по атомной энергии запросил у Европейского союза проведение так называемого «стресс-теста», призванного проверить безопасность строящейся станции за месяц до планируемой сдачи в эксплуатацию. Гоминьдан планировал, что положительные результаты теста позволят убедить население в безопасности новой АЭС. Противники атомной энергетики считали, что это лишь пропаганда и Гоминьдан не интересуется безопасностью станции. В результате стресс-теста Совет по атомной энергетике получил весьма благоприятную и поощрительную оценку от экспертов из ЕС, но неправительственные представители на тесте выявили, что геологический отчет, предварительно подготовленный Советом по атомной энергетике Тайваня, был значительно урезан по сравнению с уже имеющимися данными [Hsu 2013, p. 2–3]. Это был настоящий «подарок» для антиядерного движения. Развернулась мощная пропаганда против Гоминьдана. 9 марта 2013 года по всему острову прошли протесты, собравшие рекордные за все время двести тысяч человек [Као 2014, p. 15]. ДПП начала давить на Гоминьдан, требуя отменить строительство Лунменьской АЭС. 22 апреля 2014 года бывший председатель ДПП и антиядерный активист Линь Исюн объявил голодовку с тем же требованием [Hsu 2017, p. 168]. Голодовка была поддержана общественностью. В апреле 2014 года на одном из митингов Ма Инцзю, вместе с другими официальными лицами и представителями Гоминьдана, пообещал протестующим, что Лунменьская АЭС будет «законсервирована» и «ядерные реакторы запущены не будут». Сразу после этого заявления глава Taipower, Хуан Жун Чиу, заявил, что в таком случае Taipower ожидает банкротство. На строительство Лунменьской АЭС уже тогда было потрачено NTD 283 млрд (новых тайваньских долларов) (US\$10,6 млрд). Из-за постоянных срывов сроков долг Taipower на тот момент составил NTD 330 млрд (US\$10,9 млрд) [Halting nuclear plant construction, 2014]. «Консервация» же должна была обойтись Тайваню от US\$33 до US\$66 млн [The World Nuclear Industry Status Report 2014]. Это во многом осложнило положение Ма Инцзю. Его риторика, подразумевавшая «консервацию», а не «уничтожение», не устроила ни протестующих, ни представителей бизнеса, что стало одной из причин поражения Гоминьдана на президентских выборах 2016 г.

Вскоре после победы на выборах ДПП осознала, что выполнить предвыборные обещания по сворачиванию атомной энергетики не так просто. По состоянию на 2015 год, доля атомной энергии в энергобалансе страны

составляла 20 %. К концу 2017 г. эта доля составляла 9 %, т. е. произошло сокращение производства энергии на АЭС практически вдвое. По плану эти потери должны были быть восполнены за счет общего сокращения потребления энергии, развития возобновляемых источников энергии и увеличения импорта природного газа. По данным Национального совета по развитию Тайваня, с 2016-го по 2020 г. дефицита энергии как такового не было, в работе энергетической системы начались перебои. 15 августа 2017 года в результате ошибки в работе Таганской ТЭС более 6 миллионов домов остались без электричества. Это отключение электричества стоило Тайваню US\$3 млн [Taiwan power outage 2017]. Правительство не смогло быстро восполнить потерю из-за отсутствия энергетического резерва [A massive blackout 2017]. Энергетическая стабильность Тайваня оказалась под угрозой.

На этом фоне активизировали свою работу активисты, поддерживающие использование атомной энергетике. В 2011 г. Хуан Шисю, на базе факультета ядерной инженерии университета Цинхуа, создал сообщество «Nuclear Mythbusters» (Разрушители мифов об атомной энергетике). Члены сообщества стремились предоставить населению позитивную информацию об атомной энергетике. Первоначально это был не более чем студенческий кружок, но в 2018 г. Хуан Шисю начал активную политическую деятельность и борьбу за атомную энергетике. Он предложил провести референдум, на котором население Тайваня само могло бы решить судьбу атомной энергетике. После отказа ЦИК Тайваня, он начал 140-часовую голодовку, которая широко освещалась СМИ и привлекла внимание населения к его персоне и деятельности [Aspinwall 2019]. Вскоре ЦИК удовлетворил запрос на проведение референдума. Вопрос о судьбе ядерной энергетике был включен в избирательный бюллетень на выборах в муниципальные органы власти в сентябре 2018 г. Вопрос звучал следующим образом: «Согласны ли вы с тем, что 95-ю статью закона об энергетике нужно упразднить?» 59,5 % проголосовали «за», что стало полной неожиданностью для ДПП. Статья 95, вокруг которой велась дискуссия, гласила: «Все объекты атомной энергетике должны прекратить свою работу к 2025 году» [Everington 2018].

Помимо этого, большинство мест в региональных администрациях заняли представители Гоминьдана. В итоге президент Цай Инвэнь ушла в отставку с поста главы ДПП, а парламент пообещал отменить план, предусматривающий отказ от АЭС к 2025 г. [Aspinwall 2018].

3 ноября 2018 г. пятьдесят ученых, в том числе автор текста, специалист по экологической социологии Чу Хуамэй из Национального Университета Сунь Ятсена в Гаосюне, опубликовали открытое письмо, в котором они призвали население проголосовать за сохранение поправки об отказе от АЭС. Более 400 человек, ученых и академиков, подписали это письмо. Основными аргументами стали всё те же риски безопасности, вероятность взрыва от природных

катаклизмов и человеческого фактора, проблемы с утилизацией ядерных отходов [學術界不同意第16號公投案連署表單 2018]. Анализируя результаты референдума, Чжао Цзявэй, научный сотрудник тайваньского Центра исследований Общества риска и политики (RSPRC) и член GCAA, в теледебатах заявил, что население было недостаточно информировано об энергетике острова, что и привело к победе сторонников атомной энергетики. Вскоре после референдума его Центр выпустил исследование, где социологические опросы выявили, что в среднем половина респондентов считала атомную энергетику основной для острова и не знала, какие меры предложило правительство для ее замены в программе «Nuclear Free Home» [Risk Society and Policy Research Center 2018, p. 2]. Таким образом, результаты опроса показывают противоречия в ответах респондентов, связанные с недостатком информации, что позволило несколько принизить значимость победы сторонников атомной энергетики на референдуме. В конечном итоге правительство Цай Инвэнь решило проигнорировать результаты референдума, что лишь усилило поляризацию общества по энергетическому вопросу [Taiwan government maintains nuclear phase-out 2019].

Особенно бурно сторонниками и противниками атомной энергетики обсуждался вопрос о причинах и последствиях взрыва на Фукусиме-1. Сторонники считают, что взрыв на АЭС Фукусима-1 произошел, в первую очередь, в результате природного катаклизма, а также из-за ряда нарушений и недостатков системы управления АЭС Японии. Данное событие, по их мнению, является эксцессом. Они заявляют, что ядерная энергия сама по себе безопасна, а подобные риски можно нивелировать за счет более тщательного планирования конструкции электростанции и обучения персонала [福島核災簡介 2020]. Противники данного тезиса из GCAA утверждают, что главной причиной взрыва были не природные катаклизмы, а именно недостаточное внимание к вопросу безопасности со стороны руководства. Активисты призывали не доверять официальным заявлениям Taipower, утверждая, что риск взрыва есть всегда [Као 2014, p. 17–18]. К тому же они подчеркивали, что Тайвань находится в сейсмически опасной зоне — «огненном кольце», ссылаясь на исследовательскую статью The Wall Street Journal «Scores of Reactors in Quake Zones», в которой авторы назвали Тайвань страной высокого риска землетрясений [Tamman, Casselman, Mozur 2011].

Обе точки зрения опираются на официальный доклад Независимой исследовательской комиссии Японии по аварии на Фукусиме-1, в котором эксперты признали, что виноват был человеческий фактор, однако заключался он как раз в недостаточном просчете рисков при конструкции станции [The Fukushima Nuclear Accident 2012]. Данная формулировка позволяет обеим сторонам апеллировать к докладу с разных позиций.

Экология

Вторым важным предметом дискуссий является вопрос экологический. Противники атомной энергетике подчеркивают проблему утилизации ядерных отходов. Территория Тайваня сильно ограничена, мест, на которых можно было бы разместить свалку для ядерных отходов без вреда для местной флоры, фауны и местного населения, тоже нет. Тем не менее в 1978 г. на острове Орхидей, также известном как остров Лань, было построено временное место захоронения низкоактивных ядерных отходов. Первоначальный план заключался в дальнейшем сбросе этих отходов в океан, но принятие в 1993 году поправки в Конвенцию по предотвращению загрязнения морской среды не позволило данный план реализовать. Внимание привлекал тот факт, что местные аборигены долгое время даже не подозревали о существовании подобного объекта на острове — им было сказано, что там строится рыбоконсервный завод [The Anti-Nuclear Coalition for Taiwan 1993, p. 4]. Данная ситуация не могла не привлечь внимание антиядерных активистов. Число жалоб на здоровье от местных жителей с 90-х гг. серьезно увеличилось. Под давлением общественности Taipower прекратила отправку ядерных отходов и пообещала вывезти все отходы с острова к 2002 г. на место постоянного хранения. Однако проблема до сих пор не решена, постоянного хранилища ядерных отходов на Тайване нет, а на острове Лань происходят регулярные акции протеста и пикеты. Пришедшие в 2016 г. к власти демократы не могут повлиять на проблему. Отходы попросту некуда вывозить.

Таким образом, проблема хранения по-прежнему находится в центре борьбы мнений. Низкоактивные ядерные отходы содержатся в контейнерах рядом с действующими АЭС без перспективы на дальнейшую утилизацию. Хуан Шисю, в дебатах с исполнительным директором GCAA Хун Шэньханем, выдвинул крайне спорную инициативу: каждый тайванец должен хранить дома маленький контейнер с радиоактивными отходами. «Каждый должен взять ответственность за атомную энергетiku на нашем острове», — заявил он [Нюе 2018]. Подобное заявление не снискало популярности у населения и было жестко раскритиковано активистом из GCAA.

В вопросе экологии сторонники атомной энергетике прежде всего акцентируют внимание на том, что она практически не создает выбросов CO₂ в атмосферу при куда большем КПД, чем у возобновляемых источников энергии. Далеко не все сторонники атомной энергетике придерживаются позиции господина Шисю. Возникло общественное движение «Go Green With Nuclear», которое поддерживает постепенный переход Тайваня на возобновляемые источники энергии, но выступает против остановки АЭС до истечения срока их эксплуатации. Они предлагают использовать преимущества обоих источников энергии, говоря о том, что продолжение использования АЭС позволит Тайваню создать энергетическую «подушку безопасности», избежать нехватки

электроэнергии при переходе на возобновляемые источники, а также не усугублять проблему выбросов CO₂, увеличивая использование ТЭС. Данную позицию разделяет куда большее число людей, в том числе ее поддерживает Гомиьндан, обвиняя Цай Инвэнь и ДПП в том, что в результате их радикальных действий в отношении АЭС ситуация с выбросами на Тайване ухудшилась, что подтверждается статистикой.

Экономика

Следующий, и наиболее сложный, элемент аргументации сторон в данном вопросе — экономическая выгода. Сложен он тем, что включает в себя бесчисленное количество факторов, например стоимость импорта урана, вывоза высокоуровневых ядерных отходов в США, стоимость электроэнергии для населения, поддержания либо же остановки эксплуатации АЭС и т. д. В 2013 г. GCAA в своем ежемесячном отчете о проделанной работе подсчитали дополнительные капитальные и операционные затраты, которые необходимо было бы понести в случае запуска Лунменьской АЭС в дополнение к уже имеющимся, в расчете на 40 лет эксплуатации. По итогу общая сумма затрат на Лунменьскую АЭС составила бы NTD \$1 трлн 125,6 млрд (US\$39,5 млрд) [綠色公民行動聯盟 2013, 頁3]. Авторы назвали АЭС «машиной для прожигания вашего кармана» и в отчете высказали мнение, что «эти деньги лучше пустить на развитие зеленой энергетики», что и было принято правительством Цай Инвэнь, которая в 2018 г. лично заявила о том, что зеленая энергетика дешевле атомной.

Против данного тезиса выступил видный ученый, член комитета по ядерной безопасности Тайваня, председатель комитета по инфраструктуре Американской торговой палаты в Тайбэе, профессор факультета гражданского строительства и механики Колумбийского университета Чень Личен. В своей статье «綠電比核電便宜? 蔡總統應立即澄清» («Зеленая энергетика дешевле атомной? Цай Инвэнь должна пояснить свои слова») профессор Чень не стал отрицать дороговизну атомной энергетики, но при этом он обратил внимание на цену альтернативы — зеленой энергетики. Он заявил, что планируемая цена строительства прибрежных ветряных электростанций, способных вырабатывать 20 млрд Квтч в год (потенциальная мощность Лунменьской АЭС), составляет NTD \$1 трлн (US \$35 млрд) [陳立誠 2018]. Он раскритиковал неоправданно, по его мнению, высокий «зеленый тариф» на закупку энергии прибрежных ветряных электростанций, по которому Тайвань заключил в 2019 г. тендер с иностранными компаниями на строительство электростанций и закупку энергии по цене TWD 5,5 за Квтч. Это превышало мировую цену на ветроэнергетику почти вдвое (тогда она составляла TWD 2,75 за Квтч). Чень Личен сравнил данную цифру с закупочными ценами в Европе, где на тот момент самая дешевая цена закупки составляла всего TWD 1,8 за Квтч

(Норвегия). По его мнению, тайваньское население понесет дополнительные TWD 2 трлн финансовых затрат, что выглядит особенно большой ценой в сравнении с TWD 0,9 за Квтч атомной энергетике [陳立誠 2019a]. Цай Инвэнь же оправдала такие затраты тем, что сам Тайвань не тратится на строительство ветряных электростанций, а тариф поможет компенсировать расходы и привлечь дополнительные инвестиции в будущем. Действительно, как следствие принятого решения, были привлечены и иностранные компании, и иностранные инвестиции. Скандальный тендер выиграла датская компания Ørsted, которая сегодня владеет на Тайване производственной мощностью 1,820 Мвт [Taiwan Awards Further 1,664MW of Offshore Wind Capacity 2018]. Эта была самая крупная сделка в отрасли ветроэнергетики в мире. Кроме того, на острове работают такие «зеленые» иностранные энергетические компании, как China Steel Corp, Copenhagen Infrastructure Partners, Northland Power, Yushan Energy.

Замена относительно дешевой в производстве атомной энергетике более дорогими альтернативами, по мнению сторонников атомной энергетике, должна была отразиться на ценах на электроэнергию. Об этом заявляют как Чень Личен, так и другие противники энергетической политики администрации Цай Инвэнь. Однако с 2018-го вплоть до 2020 г. повышения цен на электроэнергию не было. Последнее повышение цены было в 2018 г. (на 3 %). Тем не менее это отразилось на финансовом состоянии Taipower — они продавали энергию по заниженным ценам, себе в убыток. В 2017 и 2018 гг. Taipower не принесла прибыли. Убытки компании покрываются из специального стабилизационного фонда, выделяемого Министерством экономики. Принципиальный отказ правительства Цай Инвэнь повышать тарифы на электроэнергию Чень Личен объяснил чисто политическими мотивами. Он заявил, что президент Цай пыталась убедить население в том, что энергетическая сфера Тайваня находится в полном порядке перед выборами в 2020 г. Однако население все равно несет на себе бремя увеличившихся расходов, только вместо прямого платежа по увеличенным тарифам большая часть налогов стала уходить в стабилизационный фонд [陳立誠 2020]. Выборы прошли, и оппозиционные силы отмечают стремительный рост цен на электроэнергию [Ibid]. Подобная тенденция укрепляет позиции сторонников атомной энергии, пропагандирующих ее относительную дешевизну.

Энергетическая стабильность, как и энергетическая безопасность, является важным элементом энергетической политики. Основные возобновляемые источники энергии сегодня, а именно ветряная и солнечная энергетика, зависят от погодных условий. АЭС является стабильным источником энергии, притом требующим малое количество сырья — урана. В ситуации существенного сокращения резервных мощностей острова продолжение использования АЭС могло бы снизить риски, особенно опасные для тайваньской электронной промышленности, уязвимой для перебоев в подаче энергии. Тайваньские

сторонники зеленой энергетики во многом опираются на европейский опыт, но Чень Личен утверждает, что энергосистема Европы, куда более развитая, способна быстро компенсировать потери. Так, например, Германия, в случае перебоев в работе ее «зеленой системы», может закупить энергию у Франции, не допустив кризиса. У Тайваня же такой опции нет [能源解謎 2016].

Заключение

Период, охватывающий 2016–2019 гг., стал ключевым и самым острым в борьбе двух сторон. Президент Цай Инвэнь с ее антиядерной энергетической программой в 2016 г. одержала победу. Сторонники ядерной энергии потерпели поражение в те годы. Тем не менее недостатки энергетической политики администрации Цай Инвэнь позволили проядерным активистам получить поддержку значительной части населения. Они лоббировали свои интересы, проводили образовательные мероприятия с лекциями и, в конце концов, добились победы на референдуме в 2018 г., на котором решался вопрос о судьбе ядерной энергетики.

Выборы 2020 г. могли стать поворотной точкой для сторонников атомной энергетики. Хан Коюй, кандидат в президенты Гоминьдана, активно разыгрывал «энергетическую карту» в своей предвыборной кампании. Он обвинял Цай Инвэнь и ДПП в «игнорировании воли электората» по референдуму и заявил, что, вопреки обвинениям госпожи Цай, не собирается строить новые АЭС, однако считает возможным восстановление Лунменьской АЭС в случае подтверждения ее безопасности и с согласия народа. Этим шагом он привлек на свою сторону большинство сторонников атомной энергетики, в том числе и членов «Nuclear Mythbusters». Однако одержать победу на выборах ему не удалось. Цай Инвэнь была переизбрана на второй срок с результатом в 57 % голосов. Причина этого во многом заключается в том, что энергетический вопрос на данных выборах уступил по важности другой проблеме — взаимоотношениям Тайваня и Китая.

Поражение Хан Коюя нанесло удар и по всему сообществу защитников атомной энергетики. Цай Инвэнь намерена продолжить свою энергетическую политику, несмотря на всю критику, и выполнить программу «Nuclear Free Home». Ее оппоненты продолжают борьбу, но время играет против них — лицензия на эксплуатацию последнего ядерного реактора на острове истекает в 2025 г. Первые 2 ядерных реактора уже находятся в процессе вывода из эксплуатации.

Таким образом, в период с 2016-го по 2019 г. движение за дальнейшее использование атомной энергетики смогло реабилитироваться, получить значительную поддержку населения. Тем не менее ему не удалось заполучить какой-либо значимый административный ресурс, чтобы повлиять на проводимую энергетическую политику. Гоминьдану не удалось за счет поддержки атомной

энергетики выиграть выборы-2020, проиграв ДПП по другим пунктам. Сохранение демократов у власти означает продолжение антиядерной политики, хотя и уже наметились перспективы ее коррекции в сторону того, что предлагает движение «Go Green With Nuclear». Однако, анализируя количество уже вложенных в зеленую энергетику средств, количество заключенных долгосрочных контрактов и тендеров с иностранными компаниями, сложно предположить, что в скором времени возможно восстановление ядерной отрасли на острове. Даже если в 2024 г. к власти придет Гоминьдан, развернуть «зеленую энергетическую машину» в ядерную сторону будет не просто с финансовой точки зрения. Нельзя отрицать тот факт, что ядерная энергетика развивается и ее преимущества остаются привлекательными для Тайваня, поэтому в будущем возврат к ядерной энергетике возможен. Тем не менее, из-за истечения срока эксплуатации всех реакторов в нынешнем десятилетии, восстанавливать ее придется практически с нуля.

Список литературы

- A massive blackout 2017 — A massive blackout prompts questions about Taiwan's energy policy [Electronic resource] // The Economics. 2017. 17 August. URL: <https://www.economist.com/asia/2017/08/17/a-massive-blackout-prompts-questions-about-taiwans-energy-policy> (access date: 22.07.2020).
- Aspinwall 2018 — *Aspinwall N.* Cabinet Says It Will Cancel Plan to Abolish Nuclear Energy by 2025 [Electronic resource] // The News Lens. 2018. 6 December. URL: <https://international.thenewslens.com/feature/bluewave/109658> (access date: 25.07.2020).
- Aspinwall 2019 — *Aspinwall N.* How Direct Democracy Went Nuclear in Taiwan [Electronic resource] // The Diplomat. 2019. 19 January. URL: <https://thediplomat.com/2019/01/how-direct-democracy-went-nuclear-in-taiwan/> (access date: 23.07.2020).
- Everington 2018 — *Everington K.* Taiwan Cabinet scraps 2025 nuclear-free target [Electronic resource] // Taiwan News. 2018. 06 December. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3590972> (access date: 01.08.2020).
- Feigenbaum, Hou 2020 — *Feigenbaum E. A., Hou J.* Overcoming Taiwan's Energy Dilemma. Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace, 2020. 41 p.
- Halting nuclear plant construction 2014 — Halting nuclear plant construction means bankruptcy: Taipower [Electronic resource] // Focus Taiwan. 2014. 27 April. URL: <https://focustaiwan.tw/business/201404270021> (access date: 21.07.2020).
- Hioe 2018 — *Hioe B.* Political Debate Goes Nuclear After Referendum Keeps Reactors Running [Electronic resource] // The News Lens. 2018. 6 December. URL: <https://international.thenewslens.com/article/109639> (access date: 06.08.2020).
- Ho 2003 — *Ho M.* The Politics of Anti-Nuclear Protest in Taiwan: A Case of Party-Dependent Movement (1980–2000) // Modern Asian Studies. 2003. No. 37. P. 683–708. DOI: 10.1017/S0026749X03003068.
- Hsieh 2020 — *Hsieh S.* Is Taiwan's nuclear policy dividing the nation? [Electronic resource] // Policy Forum. 2020. 3 March. URL: <https://www.policyforum.net/is-taiwans-nuclear-policy-dividing-the-nation/> (access date: 24.08.2020).
- Hsu 2013 — *Hsu G. K.* Comments on Taiwan Stress Test National Report for Nuclear Power Plants [Electronic resource]. Taiwan Environmental Protection Union, 2013. URL: <http://www.ensreg.eu/sites/default/files/TEPU-EUstressTestComment-aug2013.pdf> (access date: 06.08.2020).

- Hsu 2017 — *Hsu G. K.* Control or manipulation? Nuclear power in Taiwan // Van Ness P., Gurtov M. Learning from Fukushima: Nuclear power in East Asia. Canberra : ANU Press, 2017. P. 155–187.
- Kao 2014 — *Kao S.* Anti-Nuclear Movement in Taiwan: Fukushima Disaster Prompts the Case for Citizen Participation in Democratization of Energy Policy // Facing an Unequal World Challenges for Global Sociology : Materials of XVIII ISA World Congress of Sociology (Yokohama, July 13–19, 2014). Yokohama, 2014. URL: https://www.researchgate.net/publication/268139499_Anti-Nuclear_Movement_in_Taiwan_Fukushima_Disaster_Prompts_the_Case_for_Citizen_Participation_in_Democratization_of_Energy_Policy (access date: 06.08.2020).
- National Development Council 2019 — *National Development Council.* Taiwan Statistical Data Book 2019. Taipei : National Development Council, R.O.C. (Taiwan), 2019. 439 p.
- Risk Society and Policy Research Center 2018 — *Risk Society and Policy Research Center.* Taiwan Risk Society Forum: How Can We Rebuild Social Trust In Energy Transition After Taiwan's Referendum? [Electronic resource] : Media Release. Risk Society and Policy Research Center, 2018. URL: http://rsprc.ntu.edu.tw/images/phocadownload/107/1205/20181205pressEN.pdf?utm_source=Twitter_PicSee (access date: 23.07.2020).
- Sutter 2013 — *Sutter R.* Taiwan's Nuclear Debates and Implications [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. 2013. 3 October. URL: <https://carnegieendowment.org/files/Robert-Sutter.pdf> (access date: 24.07.2020).
- Taiwan Awards Further 1,664MW of Offshore Wind Capacity 2018 — Taiwan Awards Further 1,664MW of Offshore Wind Capacity [Electronic resource] // Offshore Wind. 2018. 22 June. URL: <https://www.offshorewind.biz/2018/06/22/taiwan-awards-further-1664mw-of-offshore-wind-capacity/> (access date: 25.07.2020).
- Taiwan government maintains nuclear phase-out 2019 — Taiwan government maintains nuclear phase-out [Electronic resource] // World Nuclear News. 2019. 1 February. URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Taiwan-government-maintains-nuclear-phase-out> (access date: 01.08.2020).
- Taiwan power outage 2017 — Taiwan power outage affected 151 companies, caused \$3 million in damages [Electronic resource] // Reuters. 2017. 17 August. URL: <https://www.reuters.com/article/us-taiwan-power-outages/taiwan-power-outage-affected-151-companies-caused-3-million-in-damages-idUSKCN1AXOS3> (access date: 22.07.2020).
- Tamman, Casselman, Mozur 2011 — *Tamman M., Casselman B., Mozur P.* Scores of Reactors in Quake Zones [Electronic resource] // The Wall Street Journal. 2011. 19 March. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703512404576208872161503008#printMode> (access date: 27.07.2020).
- The Anti-Nuclear Coalition for Taiwan 1993 — Nuclear Report from Taiwan [Electronic resource]. Vol. 1. No. 4. The Anti-Nuclear Coalition for Taiwan : The Asian Ecological Society, 1993. 6 p. URL: http://www.laka.org/docu/magazines/nuclear_report_taiwan/nucreptaiwan-1-4.pdf (access date: 24.07.2020).
- The Fukushima Nuclear Accident 2012 — *The Fukushima Nuclear Accident Independent Investigation Commission.* The official report of the Fukushima Nuclear Accident Independent Investigation Commission. The National Diet of Japan : Fukushima Nuclear Accident Independent Investigation Commission, 2012. 88 p.
- The World Nuclear Industry Status Report 2014 — The World Nuclear Industry Status Report 2014 [Electronic resource] / M. Schneider, A. Froggatt, Y. Ayukawa et al. Paris : London : Washington, DC, 2014. URL: <https://www.worldnuclearreport.org/WNISR2014.html> (access date: 20.07.2020).
- Williams, Chang 2008 — *Williams J. F., Chang C. D.* Taiwan's Environmental Struggle: Toward a Green Silicon Island. New York : Routledge, 2008. 224 p.
- Wu 2016 — *Wu Jaushieh J.* Taiwan after the KMT: Interpreting the 2016 Election [Electronic resource] // Brookings. 2016. 19 January. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/01/20160119-Wu-at-CSISFINAL.pdf> (access date: 20.07.2020).
- 綠色公民行動聯盟 2013 — 綠色公民行動聯盟. 核四真實成本與能源方告 [Electronic resource]. URL: <http://gcaa.org.tw/files/2013/gcaanuclearreport1.pdf> (access date: 15.07.2020).

- Ho, Ming-sho (2003), "The Politics of Anti-Nuclear Protest in Taiwan: A Case of Party-Dependent Movement (1980–2000)", *Modern Asian Studies*, no. 37, pp. 683–708. DOI: 10.1017/S0026749X03003068.
- Hsieh, Shangpo (2020), "Is Taiwan's nuclear policy dividing the nation?", *Policy Forum*, 3 March, available at: <https://www.policyforum.net/is-taiwans-nuclear-policy-dividing-the-nation/> (accessed 24 August 2020).
- Hsu, G. K. (2013), *Comments on Taiwan Stress Test National Report for Nuclear Power Plants*, Taiwan Environmental Protection Union, available at: <http://www.ensreg.eu/sites/default/files/TEPU-EUstressTestComment-aug2013.pdf> (accessed 06 August 2020).
- Hsu, G. K. (2017), "Control or manipulation? Nuclear power in Taiwan", in Van Ness, P. and Gurtov, M., *Learning from Fukushima: Nuclear power in East Asia*, ANU Press, Canberra, pp. 155–187.
- Kao, Shu-Fen (2014), "Anti-Nuclear Movement in Taiwan: Fukushima Disaster Prompts the Case for Citizen Participation in Democratization of Energy Policy", in *Facing an Unequal World Challenges for Global Sociology, Materials of XVIII ISA World Congress of Sociology (Yokohama, July 13–19, 2014)*, Yokohama, available at: https://www.researchgate.net/publication/268139499_Anti-Nuclear_Movement_in_Taiwan_Fukushima_Disaster_Prompts_the_Case_for_Citizen_Participation_in_Democratization_of_Energy_Policy (accessed 06 August 2020).
- National Development Council (2019), *Taiwan Statistical Data Book 2019*, National Development Council, R.O.C. (Taiwan), Taipei, 439 p.
- "Nuclear Mythbusters Introduction to Fukushima Nuclear Disaster", *Nuclear Power Mythbusters Wiki*, available at: <https://nuke.wikia.org/zh/wiki/%E7%A6%8F%E5%B3%B6%E6%A0%B8%E7%81%BD%E7%B0%A1%E4%BB%8B> (accessed 23 July 2020) (in Chinese).
- Risk Society and Policy Research Center (2018), *Taiwan Risk Society Forum: How Can We Rebuild Social Trust In Energy Transition After Taiwan's Referendum?*, Risk Society and Policy Research Center, available at: http://rsprc.ntu.edu.tw/images/phocadownload/107/1205/20181205pressEN.pdf?utm_source=Twitter_PicSee (accessed 23 July 2020).
- Schneider, M., Froggatt, A., Ayukawa, Y., Burnie, Sh., Piria, R., Thomas, S. et al. (2014), *The World Nuclear Industry Status Report*, Paris, London, Washington, DC, available at: <https://www.worldnuclearreport.org/WNISR2014.html> (accessed 20 July 2020).
- Sutter, R. (2013), "Taiwan's Nuclear Debates and Implications", *Carnegie Endowment for International Peace*, 3 October, available at: <https://carnegieendowment.org/files/Robert-Sutter.pdf> (accessed 24 July 2020).
- "Taiwan Awards Further 1,664MW of Offshore Wind Capacity" (2018), *Offshore Wind*, 22 June, available at: <https://www.offshorewind.biz/2018/06/22/taiwan-awards-further-1664mw-of-offshore-wind-capacity/> (accessed 25 July 2020).
- "Taiwan government maintains nuclear phase-out" (2019), *World Nuclear News*, 1 February, available at: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Taiwan-government-maintains-nuclear-phase-out> (accessed 01 August 2020).
- "Taiwan power outage affected 151 companies, caused \$3 million in damages" (2017), *Reuters*, 17 August, available at: <https://www.reuters.com/article/us-taiwan-power-outages/taiwan-power-outage-affected-151-companies-caused-3-million-in-damages-idUSKCN1AX0S3> (accessed 22 July 2020).
- Tamman, M., Casselman, B. and Mozur, P. (2011), "Scores of Reactors in Quake Zones", *The Wall Street Journal*, 19 March, available at: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703512404576208872161503008#printMode> (accessed 27 July 2020).
- The academic community disagrees with the joint signature form of referendum No. 16 — open letter (2018), available at: <https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSeOeKwvYRoIN9RdoIS5cvrgPEsrIaeifTrmIDq8jRHUOoAAA/viewform> (accessed 1 August 2020) (in Chinese).
- The Anti-Nuclear Coalition for Taiwan, The Asian Ecological Society (1993), *Nuclear Report from Taiwan*, vol. 1, no. 4, 6 p., available at: http://www.laka.org/docu/magazines/nuclear_report_taiwan/nucleptaiwan-1-4.pdf (accessed 24 July 2020).

- The Fukushima Nuclear Accident Independent Investigation Commission (2012), *The official report of the Fukushima Nuclear Accident Independent Investigation Commission*, The National Diet of Japan, Fukushima Nuclear Accident Independent Investigation Commission, 88 p.
- Williams, J. F. and Chang, C. D. (2008), *Taiwan's Environmental Struggle: Toward a Green Silicon Island*, Routledge, New York, 224 p.
- Wu, Jaushieh J. (2016), "Taiwan after the KMT: Interpreting the 2016 Election", *Brookings*, 19 January, available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/01/20160119-Wu-at-CSISFINAL.pdf> (accessed 20 July 2020).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 26.03.21
Принята к публикации / Accepted: 23.07.21

Информация об авторах

Вольфсон Савелий Вольфович
кандидат исторических наук, доцент
Томский государственный университет
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: volfson@dir.tsu.ru

Ганжа Дмитрий Валерьевич
бакалавр по направлению международные
отношения
Томский государственный университет
634050, Россия, Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: dmitrii.ganzha@yandex.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-9857-9887

Information about authors

Volfson, Savely Volfovich
Cand. Sci. (History), Associate Professor
Tomsk State University
36 Lenin St., Tomsk, 634050 Russia
E-mail: volfson@dir.tsu.ru

Ganzha, Dmitry Valerievich
Bachelor In International Relations
Tomsk State University
36 Lenin St., Tomsk, 634050 Russia
E-mail: dmitrii.ganzha@yandex.ru
Author's ORCID: 0000-0002-9857-9887

DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.022

УДК 327:347(73) + 327.54 + 327.37 + 355.019.019.1

РОЛЬ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА США В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ СНИЖЕНИЯ УГРОЗЫ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

А. А. Малыгина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Н. С. Кулибаба

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Данная работа посвящена изучению роли экспертного сообщества США в формировании политики снижения угрозы ядерной войны в период Холодной войны. Авторы рассматривают два способа взаимодействия экспертов с властью: прямое (посредством участия экспертов в различных профильных комитетах и комиссиях, подготовки аналитических отчетов) и через взаимодействие с гражданским обществом (публикация исследований, формирование общественного мнения касательно ядерного оружия). Особое внимание уделяется роли советско-американского экспертного диалога в уменьшении угрозы ядерной войны. Авторы также рассматривают деятельность общественных организаций («Врачи мира за предотвращения ядерной войны», «Группа доверия», «Physicians for Social Responsibility»). В результате исследования авторы приходят к выводу, что американские эксперты формировали дискуссию о необходимости предотвращения ядерной войны как среди правительственных структур, так и внутри гражданского общества, а также поддерживали диалог с советскими экспертами, что повлияло на общее восприятие факторов, способных привести к началу ядерной войны (nuclear risks perception). Кроме того, эксперты выступали источниками новых идей, которые впоследствии были реализованы политическими деятелями на практике.

Ключевые слова: угроза ядерной войны, США, СССР, экспертное сообщество, контроль над ядерными вооружениями, гражданское общество.

Для цитирования: Малыгина А. А., Кулибаба Н. С. Роль экспертного сообщества США в формировании политики снижения угрозы ядерной войны в годы холодной войны // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 186–204. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.022

THE US EXPERT COMMUNITY'S ROLE IN THE FORMATION OF NUCLEAR RISK REDUCTION POLICY DURING THE COLD WAR

A. A. Malygina

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

N. S. Kulibaba

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract: This paper addresses the role of the US expert community in shaping the nuclear risk reduction policy during the Cold War. The authors examines two ways of interaction between experts and the authorities: direct (through the participation of experts in various specialized committees and commissions, preparing analytical reports, and so on) and through communication with the civil society (publication of studies, forming public opinion on nuclear weapons. The authors pay special attention to the role of the Soviet-American expert dialogue in reducing the nuclear risks. The authors also examines the activities of public organizations (International Physicians for the Prevention of Nuclear War, Physicians for Social Responsibility). As a result, the authors conclude that American experts shaped a discussion on the need to prevent nuclear war both within the government structures and civil society and maintained a dialogue with Soviet experts, which impacted nuclear risks perception. In addition, experts were sources of new ideas, which were subsequently put into practice by politicians.

Keywords: nuclear risk reduction, USA, USSR, expert community, nuclear arms control, civil society.

For citation: Malygina, A. A. and Kulibaba, N. S. (2021), "The US Expert Community's Role in the Formation of Nuclear Risk Reduction Policy During the Cold War", *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 186–204 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.022

Введение

В Соединенных Штатах Америки велика роль экспертного сообщества в формировании внешней политики в сфере контроля над ядерными вооружениями [Adler 1992]. В первую очередь это объясняется тем, что аналитические центры (или «фабрики мысли») являются не только источниками идей и предложений, но и поставщиками новых кадров в приходящие администрации. Кроме того, зачастую бывшие официальные лица становятся экспертами в таких центрах (например, Томас Кантримен, бывший помощник госсекретаря

по международной безопасности и нераспространению при администрации Барака Обамы, сегодня является председателем совета директоров Ассоциации по контролю над вооружениями (Arms Control Association), одного из ведущих аналитических центров по вопросам контроля над ядерными вооружениями). Таким образом происходит ротация «практиков» и «теоретиков», которая обеспечивает комплексный подход к формированию ядерной политики государства, основанный на постоянном тесном взаимодействии экспертов и политиков.

Ни в отечественной, ни в зарубежной академической литературе нет работ, посвященных роли экспертного сообщества в политике снижения угрозы ядерной войны. Больше внимание уделялось роли экспертов в антиядерном движении, а также в формировании политики контроля над ядерными вооружениями. Такие авторы, как В. Лоуренс, П. Рубинсон, Г. Е. Горелик, К. Кларк и другие, исследовали формы антиядерного движения, которые выражались либо в одиночных акциях (например, Андрей Сахаров), либо же в деятельности организаций («Врачи мира за предотвращение ядерной войны», «Группа доверия» и другие).

На сегодняшний день нет единой трактовки термина «экспертное сообщество». Многие отечественные авторы (Е. В. Казакова, В. П. Бабинцев, А. С. Макарычев), пытаясь дать определение данному термину, отмечают, что одна из важнейших характеристик «экспертного сообщества» — это генерирование идей. Также отмечается взаимосвязь между экспертным сообществом и гражданским обществом. Для целей данной работы мы будем использовать определение, предложенное АНО «Центр общественно-политических проектов и коммуникаций», согласно которому экспертное сообщество — это совокупность лиц, организаций, институтов, обладающих признанным в обществе опытом или специальными знаниями, формирующих общественное мнение по актуальным вопросам общественно-политической повестки дня и задающих саму повестку [АНО «ЦОППК» 2015].

Как известно, ядерное оружие было использовано в 1945 году при бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки. С тех пор оно ни разу не использовалось в целях атаки на противника. Во время Холодной войны противостояния двух сверхдержав, США и СССР, миру удалось избежать ядерной войны. Кто-то говорит, что это результат совместных грамотных действий по снижению угрозы ядерной войны, кто-то считает, что это просто удача.

В наши дни политика времен Холодной войны, направленная на снижение угрозы ядерной войны, считается своего рода золотым стандартом для политики США и России в области снижения угрозы ядерной войны. В период Холодной войны двум сверхдержавам удалось достичь беспрецедентного уровня сотрудничества. Успех политики снижения угрозы ядерной войны времен Холодной войны объясняется не только общим восприятием угроз ядерной

войны и биполярной системой мира, но и наличием многоуровневого диалога: межправительственного и внутреннего (между экспертами и официальными лицами одной страны).

В данной работе мы рассмотрим один из элементов этого многоуровневого диалога, а именно роль экспертов США.

Экспертное сообщество и угроза ядерной войны

Ученые, которые работали над созданием ядерной бомбы, осознавали огромные последствия ее применения и пытались предотвратить атаку на Хиросиму и Нагасаки. Например, в Докладе Франка, написанном, в основном, ученым Е. И. Рабиновичем, содержатся обращенные к политикам просьбы пересмотреть возможность боевого применения ядерного оружия против Японии. Вместо этого предлагалось лишь продемонстрировать политическому руководству Японии сам факт наличия ядерного оружия: «Если бы Соединенные Штаты первыми выпустили это новое оружие неизбирательного уничтожения человечества, они пожертвовали бы общественной поддержкой во всем мире, ускорили гонку вооружений и нанесли ущерб возможности достижения международного соглашения о будущем контроле над вооружениями» [FAS 1945]. 9 июля 1955 года Эйнштейн и Рассел выпустили манифест, в котором они обращались к правительствам с просьбой разрешать конфликты мирным путем из-за разрушительных последствий ядерной войны [Russell, Einstein 1955].

В марте 1968 года в американском научно-популярном журнале «Scientific American» известные физики, занимавшиеся научными комплексными исследованиями в военной сфере, Ганс А. Бете и Ричард Л. Гарвин, проанализировали проблему противоракетной обороны и обозначили опасность и бессмысленность новой гонки вооружений. Авторы отметили, что быстрое развитие американской системы ПРО заставит советское правительство развернуть свою собственную систему ПРО и значительно увеличить ее наступательный потенциал [Garwin, Bethe 1968]. Последнее, в свою очередь, увеличит угрозу ядерной войны: «Государство будет в большей мере думать о войне, в большей мере готовиться к войне, ненавидеть потенциального врага и тем самым сделает войну более вероятной» [Ibid, p. 31].

Как и их американские коллеги, ведущие советские ученые-ядерщики считали невозможным создание полноценной системы ПРО, которая бы защитила от массированного ядерного удара [Sakharov 1983a]. Система ПРО просто создает иллюзию непобедимости и, следовательно, повышает угрозу ядерной войны.

22 июля 1968 года газета «The New York Times» опубликовала эссе А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» [New York Times 1968]. В эссе отмечалось следующее:

«Термоядерная война не может рассматриваться как продолжение политики военными средствами (по формуле Клаузевица), а является средством всемирного самоубийства» [Сахаров 1990]. Публикации этой работы в «Самиздате» предшествовали попытки А. Д. Сахарова, Ю. Б. Харитона и Е. И. Забабихина убедить советское руководство принять предложение президента США Л. Джонсона об установлении взаимного моратория на развертывание систем противоракетной обороны [Shapley 1968].

После того как Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин, посетивший США в июне 1967 года, отклонил предложение США о введении моратория на противоракетную оборону, 21 июля 1967 года А. Д. Сахаров направил в Политбюро ЦК КПСС сверхсекретную официальную ноту с обоснованием ошибочности такого отказа [Горелик 1998]. Однако 1 июля президент США объявил [Why ABM 2013] о соглашении с СССР о начале переговоров об ограничении противоракетной обороны. Такое изменение политики СССР можно объяснить следующим. Развитие систем противоракетной обороны в СССР началось практически одновременно с разработкой баллистических ракет. Первоначально предполагалось, что системе придется отразить удар лишь нескольких ракет. В конце 1960-х годов, на фоне наращивания ядерных арсеналов как Соединенными Штатами, так и Советским Союзом, а также в связи с разработкой технологии разделяющейся головной части с блоками индивидуального наведения, советское правительство обдумывало перспективы этой системы [Podvig 2013]. Таким образом, объявленный мораторий и последующий договор по ПРО просто закрепили текущее положение дел, когда США и СССР приняли решение не разрабатывать систем противоракетной обороны, поскольку признали невозможность создания эффективной системы ПРО.

Концепция «ядерной зимы» была разработана в 1980-х годах Карлом Саганом. Это явление изучалось и обсуждалось по обе стороны «железного занавеса». Оно также широко использовалось для критики гонки вооружений как в Соединенных Штатах, так и в Советском Союзе. С самого начала К. Саган считал, что эта концепция будет актуальной для ядерной политики не только США, но и СССР. На начальном этапе исследований он привлек к исследованиям советского ученого В. Александрова, который позже построил математическую модель «ядерной зимы». В. Большаков, другой советский ученый, в середине 1980-х годов перевел одну из работ К. Сагана на русский язык. Советское правительство узнало о концепции «ядерной зимы» в конце 1983 года, и соответствующие исследования начались в 1984-м. Хотя Кремль воспринял эту идею исключительно серьезно, а контролируемые властями СМИ, такие как газета «Правда» и телевидение, широко освещали эту тему, эта концепция использовалась только для критики североамериканских оппонентов, а отнюдь не для поддержки идеи всеобщего ядерного разоружения.

Советское правительство намеревалось представить это явление как опасность, которая исходит исключительно со стороны США.

В 1980-х годах Советский Союз и США пришли к общему пониманию концепции стратегической стабильности. Концепция стратегической стабильности, впервые разработанная на официальном уровне [Ефимов 2014], позже была изучена и проанализирована антиядерными активистами. Например, Андрей Сахаров в своем письме Сидни Дреллу рассуждал об условиях, при которых станет возможным полное и постепенное разоружение. Академик считал, что необходимо достичь стратегического паритета в обычных и ядерных вооруженных силах: «Пока в мире есть ядерное оружие, должен существовать стратегический паритет ядерных сил, чтобы ни одна из сторон не решилась начать ограниченную или региональную ядерную войну» [Sakharov 1983a]. Также А. Д. Сахаров подчеркивал важность мер по обеспечению транспарентности для международной безопасности.

Примечательно, что в своих ранних работах А. Д. Сахаров считал ядерное сдерживание необходимым для ограничения политики Советского Союза, государства, которое он считал «патологически агрессивным» [Rubinson 2016b]. По его мнению, Соединенные Штаты были единственной страной, располагающей достаточными силами и средствами устрашения. Таким образом, он видел в ядерном оружии инструмент стабилизации отношений. Кроме того, он рассматривал прекращение ядерных испытаний в качестве одной из мер по снижению угрозы ядерной войны [Ibid].

Позднее, в 1980-х годах, А. Д. Сахаров писал, что ядерное сдерживание — лишь временная мера обеспечения глобальной безопасности. Он назвал сдерживание «опасным пережитком прошлого» [Sakharov 1983b]. В качестве еще одной меры по снижению ядерной угрозы А. Д. Сахаров предложил «переложить функции сдерживания на обычные вооруженные силы» [Ibid]. Интересно отметить, что, по словам ученого, одним из источников, способных спровоцировать ядерную войну, является политика [Ibid]. Однако Рубинсон считает, что советское правительство не беспокоило участие А. Д. Сахарова в антиядерном движении: официальные лица были в большей мере взволнованы тем, что он мог передать Штатам сведения о советской ядерной программе [Rubinson 2016b].

Пропаганда и диссидентство: факторы, влиявшие на советско-американский экспертный диалог

Однако наряду с организациями, обеспечивавшими жизненно важный диалог между американскими и советскими экспертами, существовали и те, что, скорее, служили инструментом пропаганды. Говоря о них, нельзя не упомянуть

Советский комитет защиты мира, созданный в 1949 году [Romerstein 1983]. Эта организация финансировалась государством, а ее цель заключалась в проведении антивоенных и антиядерных кампаний в некоммунистических странах. Этот комитет был рупором пропаганды Советского правительства.

В Советском Союзе диссиденты протестовали, распространяли информацию, направленную на борьбу за упразднение и ликвидацию ядерного оружия, чем вызывали беспокойство у правительства, которое активно применяло против них меры репрессивного характера. До середины 1980-х годов в отношении подобных активистов советские власти применяли меры надзора, аресты и заключение в психиатрические учреждения. Так продолжалось до тех пор, пока не появился М. С. Горбачев, сочувствовавший идеям и целям движения. В своем докладе на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев констатировал, что проблема обеспечения безопасности «все больше предстает как задача политическая, и решить ее можно лишь политическими средствами» [Горбачев 1986].

К этой же группе, в определенной мере, относилась организация «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» (*англ.* International Physicians for the Prevention of Nuclear War, IPPNW), которая была основана советскими и американскими учеными. Этим можно объяснить, почему IPPNW избежала репрессий, которые советские власти применяли в отношении многих антиядерных движений [Rubinson 2014, p. 65]. Существовало мнение о том, что советское отделение IPPNW и статус сопредседателя Евгения Чазова, который также являлся личным врачом Брежнева, были «довольно типичными для официального движения за мир — правительственного пропагандистского оружия, которое оправдывает конкуренцию, а не сосуществование с Западом» [Batrovín 1985]. Советское подразделение организации использовало риторику снижения угрозы ядерной войны для разжигания антиядерных протестов исключительно против США, но не в отношении ядерной политики СССР.

В 1982 году в СССР возникло независимое движение за мир, основоположниками которого были ученые, деятели культуры и другие представители советской интеллигенции, выступавшие против советской ядерной политики, нарушений прав человека и преследований правозащитников. Активисты часто критиковали СССР за нарушение прав человека. Например, было много критики относительно проблемы информирования общества о ядерном оружии. Диссиденты часто заявляли, что рядовой советский гражданин не имеет четкого представления о последствиях «ядерной зимы» [Rubinson 2014, p. 65]. Движение, представленное двумя неформальными организациями — «Группой за установление доверия между СССР и США» и «Свободными инициативными группами», — провозгласило своей целью предотвращение ядерной войны путем установления контактов на низовом уровне и успешной реализации дипломатических и других мер по укреплению доверия между простыми

гражданами — представителями капиталистического и социалистического блоков. Вопрос доверия был необычным явлением в советском обществе, где изоляция и замкнутость культивировались десятилетиями, и лишь немногие серьезно относились к борьбе за мир внутри официальных советских организаций. «Группа доверия» рассматривала существование ядерного оружия в качестве факта нарушения прав человека. Стоит отметить, что «Группа доверия» состояла из представителей советской *интеллигенции* (врачей, учителей, инженеров), что неизбежно влияло на теоретическое изучение концепции угрозы ядерной войны. Участники «Группы» рассматривали эту концепцию скорее с позиции простых граждан и в контексте прав человека, чем в контексте экономических и экологических последствий ядерной войны. Таким образом произошла гуманизация угрозы ядерной войны. Важно, что участники «Группы» обращались к правительствам Советского Союза и Соединенных Штатов, говоря о необходимости установления доверия между двумя государствами. «Группа доверия» считала отсутствие доверия основной причиной ядерной угрозы. Таким образом, рассматривалось укрепление доверия как одна из мер по снижению этой угрозы [Гордеева 2013]. Здесь мы видим завершающую стадию сужения дискурса. Отправной точкой для этого стал Карибский кризис. До этого все ученые рассматривали ядерную войну как глобальную угрозу. Впоследствии они начали апеллировать к США и СССР как к главным источникам ядерной угрозы.

По мнению «Группы доверия», «антиядерные протесты также должны сопровождаться массовыми позитивными действиями, направленными на гуманизацию отношений» для преодоления недоверия (меры по установлению широких гражданских отношений, сотрудничества и свободного обмена информацией, дискуссии и диалога). На Всесоюзной конференции ученых за избавление человечества от угрозы ядерной войны, за разоружение и мир [Велихов 1984], состоявшейся в Москве в мае 1983 г., выступали ученые социалистических и капиталистических стран. Разумеется, в их позициях возникли определенные разногласия, однако решающим фактором стало совпадение точек зрения по широкому кругу вопросов. Все без исключения выразили озабоченность сложившейся ситуацией. Все говорили о реальной угрозе глобального ядерного пожара. Все были согласны с тем, что необходимо принять срочные меры, чтобы предотвратить эту ужасную опасность для человечества.

До появления «Группы доверия» в СССР было всего несколько мирных инициатив неформального характера: антиядерные выступления А. Д. Сахарова, открытое письмо прибалтийских ученых с требованием, чтобы Балтийское море, Эстония, Литва и Латвия были включены в «безъядерную зону» в Северной Европе [Таагерера 1985], а также пацифистские демонстрации советских хиппи, которые, начиная с 1971 года, проводились в День защиты детей.

Тем не менее советские диссиденты, распространявшие соответствующую информацию, которую они получали, среди прочего, из-за рубежа, и участвовавшие в протестах против советской ядерной политики, широко обсуждали феномен «ядерной зимы». Диссиденты понимали, что оба государства несут угрозу всему человечеству. В 1985 году в Москве прошли акции протеста против советской ядерной политики, в рамках которых прозвучали доводы и призывы, касающиеся концепции ядерной войны: «Никто не переживет “ядерную зиму”», «Взаимное доверие обезоружит мир», «Расскажите правду о феномене “ядерной зимы” нашему народу» [Rubinson 2014, p. 49]. В СССР антиядерные протесты могли быть направлены только против других стран, в то время как обычным гражданам и ученым было запрещено высказываться о ядерной политике своей страны. Власти считали этот вопрос слишком сложным для обычных, неосведомленных людей, чтобы позволить им участвовать в обсуждении таких вопросов государственной важности [Rubinson 2014, p. 50].

Гражданское общество США и политика снижения угрозы ядерной войны

В 1945 году, по данным опроса Института Гэллапа, 69 % американцев позитивно относились к атомным бомбардировкам Японии 6 и 9 августа 1945 г. [Stokes 2015]. Капитуляция Японии стала не только технологическим триумфом США, но и мстостью за Перл-Харбор. Но, с другой стороны, разрушения и жертвы были настолько огромными, что общество перестало чувствовать себя в безопасности [Rubinson 2016a].

За период с 1945-го по 1962 год США провели 302 ядерных испытания, включая атмосферные и подземные [SIPRI 2006]. Первым толчком для ответственности, и в частности для врачей, стали последствия взрывов в Хиросиме и Нагасаки, когда количество жертв со временем только увеличивалось, а помочь всем было невозможно.

1 марта 1954 года проходили испытания водородной бомбы на атолле Бикини. Взрыв высвободил новые радиоактивные элементы. Маршалловы острова оказались заражены, население обширной территории вокруг эпицентра взрыва было срочно эвакуировано. В радиус взрыва также попало проплывавшее мимо японское рыболовное судно «Lucky Dragon» [Schreiber 2012], в результате чего один член экипажа погиб, а остальные были облучены. Случай с «Lucky Dragon» привлек внимание общественности, и осознание того, что люди не могут в полной мере контролировать ядерное оружие, только усилило страх общества перед ним.

В 1959–1970 гг. в Сент-Луисе проводилось исследование молочных зубов (*англ.* St. Louis Baby Tooth Survey). Первые результаты, опубликованные

в 1961 г., показали, что в молочных зубах детей содержится радиоактивный нуклид стронций-90 [Washington University School of Medicine 2009]. Публикация стала причиной гражданских протестов.

Роль, которую в конце 1950-х — начале 1960-х годов играли ученые, использовавшие свои международные связи и вносившие вклад в контроль над вооружениями, в 1960–80-х годах взяли на себя врачи. В частности, организация «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» (IPPNW) поддерживала глобальное антиядерное движение. IPPNW, основанная в 1980 году шестью советскими и американскими врачами, к 1985 году, когда она была удостоена Нобелевской премии мира, имела отделения и 135 000 участников по всему миру. Исходя из международного подхода организации, в IPPNW сопредседательствовали представители Советского Союза (Евгений Чазов) и Соединенных Штатов (Бернард Лаун).

В мае 1962 года в «New England Journal of Medicine» были опубликованы 5 статей организации «Врачи за социальную ответственность» (*англ.* Physicians for Social Responsibility, PSR). Эта публикация стала первым комплексным исследованием последствий ядерной войны. В центре исследования был гипотетический взрыв термоядерной бомбы мощностью 1 445 мегатонн. По оценкам ученых, взрыв, высокая температура и радиация, вызванные применением термоядерных зарядов, каждый из которых примерно в тысячу раз мощнее, чем бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки в 1945 году, привели бы к гибели 1 400 000 человек и ранению более 1 200 000 человек. Что касается пострадавших, тот один миллион из них погиб бы позднее, поскольку они не получили бы эффективной медицинской помощи. Такая атака привела бы к разрушению медицинских учреждений, гибели и увечьям тысяч медицинских работников, нарушению электроснабжения, сетей коммуникаций и другой инфраструктуры, а также подорвала бы само устройство общества. Ученые пришли к выводу, что единственный способ остановить эту угрозу — предотвратить применение ядерного оружия.

Антиядерные активисты («Забастовка женщин за мир» (*англ.* Women Strike for Peace), «Гринпис», Пагуошское движение ученых, «Служба ядерной информации и ресурсов» (*англ.* Nuclear Information and Resource Service) и другие) подтолкнули общественное мнение к борьбе за упразднение и ликвидацию ядерного оружия. В этот момент люди выступали, в первую очередь, против ядерных испытаний, потому что эти испытания имели непосредственное влияние на здоровье. Трудно сказать, была ли у американских граждан более амбициозная идея полного запрещения ядерного оружия. К тому моменту быстро развивающаяся советская ядерная программа, Суэцкий и Берлинский кризисы и запуск искусственного спутника Земли в 1957 году обострили геополитическую ситуацию. Таким образом, большинство американцев по-прежнему считало сдерживание важным компонентом национальной безопасности.

В 1960–70-х годах антиядерное движение стало частью движения за гражданские права. Американцы боролись против расовой дискриминации, дискриминации по признаку пола и так далее. Ядерное оружие, как угроза миру, воспринималось также как один из источников дискриминации. В своем обращении к активистам мира Джеймс Болдуин заявил: «И расовая ненависть, и атомная бомба угрожают уничтожением свободного человека, созданного Богом» [Intondi 2017].

Национальный комитет за обоснованную ядерную политику (*англ.* National Committee for a Sane Nuclear Policy, SANE) был образован в 1957 году, чтобы положить начало дебатам против ядерных испытаний. Во время Вьетнамской войны некоторые из его членов участвовали в митингах и протестах [Zimmerman 2017]. Мартин Лютер Кинг работал над продвижением ядерного разоружения. Он отмечал: «Я определенно считаю, что следует запретить разработку и применение ядерного оружия. Не подлежит сомнению, что полномасштабная ядерная война будет крайне катастрофической» [Intondi 2017]. Кинг также тесно сотрудничал с Комитетом SANE.

Разрядка в отношениях США и СССР, подписание в 1972 году Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), а также серия двусторонних переговоров между СССР и США по вопросу о контроле вооружений, в результате которой были подписаны ОСВ-1 (1972) и ОСВ-2 (1979) продемонстрировали общественности, что две ядерные сверхдержавы готовы к продуктивному диалогу в области ядерного разоружения. Однако разрядка длилась непродолжительное время, и возобновившаяся гонка вооружений подтолкнула к мысли, что недостижимый паритет может спровоцировать ядерную атаку. В конце 1970-х — 1980-х годов по стране прокатилась серия забастовок. Таким образом, идея прекращения испытаний из-за неблагоприятных последствий для здоровья и окружающей среды стала трансформироваться в идею ликвидации ядерного оружия. Позже ликвидация ядерного оружия станет рассматриваться в качестве одной из мер снижения угрозы ядерной войны [Nuclear risk reduction 2017].

Влияние антиядерных протестов 1980-х годов более очевидно в сравнении с более ранними общественными акциями. В течение этого десятилетия движение подтолкнуло правительства по всему миру к принятию определенных действий. Негодование по поводу ракет, развертываемых в Европе, всколыхнуло европейскую общественность, а в Соединенном Королевстве настроения в пользу запрета ядерного оружия были настолько популярны, что Лейбористская партия поддержала программу контроля над вооружениями. В 1983 году около 5 миллионов человек участвовали в антиядерных маршах и протестах в странах Западной Европы [Wittner 2003, p. 133–139, 168]. В США многочисленные активисты выступили против ядерного оружия. Они даже стали причиной изменения позиции Конгресса

по этому вопросу. Движение никогда не было близко к достижению цели всеобъемлющего ядерного разоружения, но оно способствовало заключению Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), что, по крайней мере, привело к уничтожению некоторых типов пусковых установок ядерного оружия.

Роль церкви в антиядерной повестке

Католическая церковь всегда была крайне заинтересована в формировании антиядерной повестки дня и призывала снизить угрозу ядерной войны. В годы Холодной войны Папская академия наук служила площадкой для диалога между советскими и американскими учеными. Также эксперты обсуждали со священниками моральные аспекты применения ядерного оружия и необходимые шаги для снижения угрозы ядерной войны [Sorondo 2012]. В 1940–1980-х годах католическая церковь выступала против применения и испытаний ядерного оружия [Society of Saint Pius X 2017]. Важно отметить, что Церковь не осуждала сдерживание, поскольку оно не предполагает использования ядерного оружия для атаки. Во время Карибского кризиса Папа Римский Иоанн XXIII выступил по радио Ватикана с речью, обратившись к Москве и Вашингтону и призвав их не применять ядерное оружие [Schelkens 2011]. В работе Иоанна XXIII «*Pacem in Terris*» («Мир на Земле») (1963) содержалось недвусмысленное осуждение использования ядерного оружия и даже самой концепции достижения мира посредством ядерного сдерживания: «Существует распространённое мнение, что в нынешних условиях мир не может быть обеспечен иначе, как на основе равного баланса вооружений... И если одно государство владеет атомным оружием, то другие считают себя вправе производить такое оружие, равное ему по разрушительной силе» [John XXIII 1963]. Понтифик обозначил концепцию ядерного сдерживания как опасное заблуждение, не способное противостоять «справедливости, здравому смыслу и признанию человеческого достоинства», которые «настойчиво призывают к прекращению гонки вооружений» [Ibid.]. В 1982 году Папа Иоанн Павел II назвал сдерживание «шагом на пути к прогрессивному разоружению», которое, следовательно, «все еще может считаться морально приемлемым» [John Paul II 1982].

В то же время отношение Православной церкви к ядерному оружию было напрямую связано с ее отношением к политическому руководству Советского Союза. Вопрос о том, должна ли вообще существовать коммунистическая и атеистическая Россия, стоял очень остро для многих религиозных деятелей. В своих пасхальных письмах от 1948 года глава Русской Православной Церкви Заграницей, базировавшейся в США, митрополит Анастасий (Грибановский) подчеркивал следующее: «Атомные бомбы и все другие разрушительные средства, изобретенные нынешней техникой, поистине, менее опасны для нашего

отечества, чем нравственное разложение, какое вносят в русскую душу своим примером высшие представители гражданской и церковной власти. Разложение атома приносит с собой только физическое опустошение и разрушение, а растление ума, сердца и воли влечет за собой духовную смерть целого народа, после которой нет воскресения...» [Митрополит Анастасий 1948]. Отношения между Русской Православной Церковью Зараницей и правительством России в области ядерного оружия начали развиваться уже после окончания Холодной войны [Adamsky 2019].

Заключение

Политика времен Холодной войны, направленная на снижение угрозы ядерной войны, является своего рода золотым стандартом для политики США и России по снижению угрозы ядерной войны. Американские эксперты сыграли одну из ключевых ролей в формировании и развитии данной политики.

Во-первых, они продвигали дискуссии о необходимости принятия мер для снижения угрозы ядерной войны. В целом можно выделить два направления, по которым велась работа экспертов. Первое направление — прямое взаимодействие с органами власти (например, Бете и Гарвин). Подготовка различных отчетов, аналитических записок, главная цель которых заключалась в демонстрации реальных последствий гипотетической ядерной войны и всеобщей уязвимости перед ядерным оружием. Второй путь — активное взаимодействие с гражданским сообществом посредством публикаций различных исследований и данных.

Во-вторых, американские эксперты вели активный и продуктивный диалог с советскими экспертами по вопросам угрозы ядерной войны. Известны примеры частной переписки, например между Андреем Сахаровым и Сидни Дреллом, также имела место деятельность международных организаций: IPPNW, «Группы доверия» и других. Важную роль в формировании и обеспечении диалога сыграла католическая церковь: Папская академия стала форумом, где эксперты с обеих сторон «железного занавеса» могли встречаться и обсуждать необходимые меры по снижению угрозы ядерной войны.

В-третьих, американские эксперты являлись источником новых идей, которые позже были реализованы на практике политическими лидерами. Во время Холодной войны свободная экспертная мысль была источником и двигателем идей о снижении угрозы ядерной войны. Впоследствии эти идеи воплощались в жизнь политиками. Сегодня же существует разрыв между экспертным и официальным дискурсами.

Эксперты давно бьют тревогу по поводу стремительно растущей ядерной угрозы, но на практике имеют место стагнация и нарушение международно-правовых ограничений. Сегодняшний застой грозит перейти в последующую

деградацию. Например, если архитектура контроля над вооружениями продолжит рушиться, то, вероятно, центры, используемые для быстрого обмена данными в рамках мер по укреплению доверия между США и Россией, перестанут существовать.

Хотя эксперты с обеих сторон постоянно призывают к возобновлению политики снижения угрозы ядерной войны, практических шагов на политическом уровне не предпринимается. Первый шаг к возобновлению политики снижения угрозы ядерной войны будет невозможен без возобновления диалога на двух уровнях: межправительственном и внутреннем (между экспертами и официальными лицами одной страны). Необходима реализация новых мер, направленных на снижение угрозы ядерной войны. Новые шаги по этому пути невозможны без совместной работы эпистемологического сообщества как источника новых идей и официальных лиц, реализующих эти идеи посредством принятия практических (политических и технических) мер. Опыт американских экспертов времен Холодной войны, несомненно, применим и в наше время.

Список литературы

- АНО «ЦОППК» 2015 — АНО «*Центр общественно-политических проектов и коммуникаций*». Перспективы и механизмы консолидации экспертного сообщества: к российской версии политического языка [Электронный ресурс]. М. : АНО «ЦОППК», 2015. 71 с. URL: [https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchnaja-shkola-Vyshshaja-shkola-publichnojj-politiki/SiteAssets/Pages/subordinateunits/Доклад_политязык%20\(1\).pdf](https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchnaja-shkola-Vyshshaja-shkola-publichnojj-politiki/SiteAssets/Pages/subordinateunits/Доклад_политязык%20(1).pdf) (дата обращения: 07.03.2021).
- Велихов 1984 — *Велихов Е. П.* Ученые — против угрозы ядерной войны, за жизнь на земле [Электронный ресурс] // Ученые против войны : сборник / сост. В. А. Федченко. М. : Молодая гвардия, 1984. С. 42–61. URL: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000077/st004.shtml> (дата обращения: 01.12.2020).
- Горбачев 1986 — *Горбачев М. С.* Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза (25 февраля 1986 года) [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Мемуары, воспоминания, жизнеописания, события. URL: http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/doklad_xxvii.txt (дата обращения: 12.11.2020).
- Гордеева 2013 — *Гордеева И. А.* Возникновение независимого мирного движения в СССР в 1980-е годы // Вестник РГГУ. Серия : Политология. История. Международные отношения. 2013. № 1 (102). С. 214–224.
- Горелик 1998 — *Горелик Г. Е.* Андрей Сахаров в 1968 году [Электронный ресурс] // Вестник online. 1998. № 20 (201). URL: <http://www.vestnik.com/issues/98/0929/win/gorelik.htm> (дата обращения: 12.11.2020).
- Ефимов 2014 — *Ефимов Н.* Стратегическая стабильность в мировой политике: формулы академика Кокошина // Международная жизнь. 2014. № 5. С. 173–183.
- Митрополит Анастасий 1948 — *Митрополит Анастасий*. Из Пасхального Послания (1948) [Электронный ресурс] // Благодатный огонь : православный журнал. URL: <https://www.blagogon.ru/biblio/707/> (дата обращения: 13.11.2020).
- Сахаров 1990 — *Сахаров А.* Мир, прогресс, права человека: статьи и выступления. Л. : Советский писатель, 1990. 128 с.

- Adamsky 2019 — *Adamsky D.* Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy. Stanford, California : Stanford University Press, 2019. 376 p.
- Adler 1992 — *Adler E.* The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 1. P. 101–145.
- Batrovin 1985 — *Batrovin S.* Dissidents deserve Dr. Chazov's Nobel [Electronic resource] // The New York Times. 1985. 31 December. URL: <https://www.nytimes.com/1985/12/31/opinion/dissidents-deserve-dr-chazov-s-nobel.html> (access date: 12.11.2020).
- FAS 1945 — *Federation of American Scientists.* The “Franck Report”. A report to the Secretary of War (1945) [Electronic resource] // Federation of American Scientists. URL: <https://fas.org/sgp/eprint/franck.html> (access date: 01.12.2020).
- Garwin, Bethe 1968 — *Garwin R. L., Bethe H. A.* Anti-Ballistic-Missile Systems // Scientific American. 1968. Vol. 218. No. 3. P. 21–31. DOI: 10.1038/scientificamerican0368-21.
- Intondi 2017 — *Intondi V.* Martin Luther King on Non-Violence and Disarmament [Electronic resource] // Arms Control Association. 2017. 26 February. URL: <https://www.armscontrol.org/blog/2017-02-26/martin-luther-king-non-violence-disarmament> (access date: 22.11.2020).
- John Paul II 1982 — *John Paul II.* Message to the Second Special Session of the United Nations for Disarmament (Vatican, June 7, 1982) [Electronic resource]. Libreria Editrice Vaticana, 1982. URL: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/messages/pont_messages/1982/documents/hf_jp-ii_mes_19820607_disarmo-onu.html (access date: 22.11.2020).
- John XXIII 1963 — *John XXIII.* Pacem in Terris. Encyclical of Pope John XXIII on Establishing Universal Peace in Truth, Justice, Charity, and Liberty (April 11, 1963) [Electronic resource] // Libreria Editrice Vaticana, 1963. URL http://www.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (access date: 06.03.2021).
- New York Times 1968 — Text of Essay by Russian Nuclear Physicist Urging Soviet-American Cooperation; Joint Action by Two Nations Viewed as Essential to Avert Perils Facing Mankind Basis for Hope Seen in Rapprochement Between Socialist and Capitalist Systems [Electronic resource] // The New York Times. 1968. 22 July. P. 14. URL: <https://www.nytimes.com/1968/07/22/archives/text-of-essay-by-russian-nuclear-physicist-urging-sovietamerican.html> (access date: 25.11.2020).
- Nuclear risk reduction 2017 — Nuclear risk reduction: statement adopted at the 2017 Abolition 2000 Annual General Meeting [Electronic resource] // Abolition 2000. 2017. URL: <http://www.abolition2000.org/en/resources/newsreleasesstatements/nuclear-risk-reduction/> (access date: 15.11.2020).
- Podvig 2013 — *Podvig P.* The Development of Soviet and Russian Ballistic Missile Defense in the 20th Century // Missile Defense: Confrontation and Cooperation / ed. by N. Bubnova. M. : Carnegie Moscow Center, 2013. P. 33–50. URL: https://carnegieendowment.org/files/Missile_Defense_book_eng_fin2013.pdf (access date: 15.11.2020).
- Romerstein 1983 — *Romerstein H.* The World Peace Council and Soviet “active measures” [Electronic resource]. Washington, D.C. : The Hale Foundation, 1983. 43 p. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90-00806R000200720005-5.pdf> (access date: 15.11.2020).
- Rubinson 2014 — *Rubinson P.* The global effects of nuclear winter: Science and anti-nuclear protest in the United States and the Soviet Union during the 1980s // Cold War History. 2014. Vol. 14. No. 1. P. 47–69. DOI: 10.1080/14682745.2012.759560.
- Rubinson 2016a — *Rubinson P.* The American Antinuclear Movement [Electronic resource] // Oxford Research Encyclopedia of American History. 2016. 05 April. URL: <https://oxfordre.com/americanhistory/view/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-26?mediaType=Article#acrefore-9780199329175-e-26-div1-2> (access date: 06.03.2021).
- Rubinson 2016b — *Rubinson P.* Sakharov's Dilemma: Pursuing Nuclear Disarmament during the Human Rights Revolution [Electronic resource] // Virtual Commons. Bridgewater State University. 2016. URL: http://vc.bridgew.edu/history_fac/54 (access date: 15.11.2020).

- Russel, Einsten 1955 — *Russel A., Einstein A.* Russell-Einstein Manifesto (London, July 9, 1955) [Electronic resource] // Atomic Heritage Foundation. URL: <https://www.atomicheritage.org/key-documents/russell-einstein-manifesto> (access date: 15.11.2020).
- Sakharov 1983a — *Sakharov A.* The danger of thermonuclear war // Foreign Affairs. 1983. Vol. 61. No. 5. P. 1001–1016. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1983-06-01/danger-thermonuclear-war> (access date: 15.11.2020).
- Sakharov 1983b — *Sakharov A.* A message from Gorky // Bulletin of the Atomic Scientists. 1983. Vol. 39. No. 6. P. 2–3. DOI: 10.1080/00963402.1983.11458999.
- Schelkens 2011 — *Schelkens K.* Vatican diplomacy after the Cuban missile crisis: new light on the release of Josyf Slipyj // The Catholic Historical Review. 2011. Vol. 97. No. 4. P. 679–712. DOI: 10.1353/cat.2011.0153.
- Schreiber 2012 — *Schreiber M.* Lucky Dragon's lethal catch [Electronic resource] // The Japan Times. 2012. 18 March. URL: https://www.japantimes.co.jp/life/2012/03/18/general/lucky-dragons-lethal-catch/#.Xq60FC_5Y1I (access date: 25.11.2020).
- Shapley 1968 — *Shapley D.* A lesson from the Glassboro Summit [Electronic resource] // The Washington Post. 1986. 9 October. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1986/10/09/a-lesson-from-the-glassboro-summit/7bb863f3-6383-4df7-ab98-1f1ebf9b578d/> (access date: 25.11.2020).
- SIPRI 2006 — *Stockholm International Peace Research Institute.* Nuclear testing tally tables [Electronic resource] // CTBTO: Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization. 2006. URL: https://www.ctbto.org/fileadmin/user_upload/pdf/Sipri_table12b.pdf (access date: 25.11.2020).
- Society of Saint Pius X 2017 — Pope upholds the Church's stance on the immorality of nuclear weapons [Electronic resource] // Society of Saint Pius X. 2017. 28 November. URL: <https://sspx.org/node/33820> (access date: 15.11.2020).
- Sorondo 2012 — *Sorondo M. S.* The Pontifical Academy of Sciences: a historical profile [Electronic resource]. Vatican City, 2012. 26 p. URL: <http://www.pas.va/content/dam/accademia/pdf/es38.pdf> (access date: 25.11.2020).
- Stokes 2015 — *Stokes B.* 70 years after Hiroshima, opinions have shifted on use of atomic bomb [Electronic resource] // Pew Research Center. 2015. 4 August. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/08/04/70-years-after-hiroshima-opinions-have-shifted-on-use-of-atomic-bomb/> (access date: 06.03.2021).
- Taagepera 1985 — *Taagepera R.* Inclusion of the Baltic Republics in the Nordic Nuclear-free Zone // Journal of Baltic Studies. 1985. Vol. 16. No. 1. P. 33–51.
- Washington University School of Medicine 2009 — *Washington University School of Medicine.* St. Louis Baby Tooth Survey, 1959–1970 [Electronic resource] // Washington University School of Medicine. 2009. URL: <http://beckerexhibits.wustl.edu/dental/articles/babytooth.html> (access date: 25.11.2020).
- Why ABM 2013 — *Why ABM? Policy issues in the missile defense controversy* / ed. by J. Holst, W. Schneider. Pergamon Press, 2013. 336 p.
- Wittner 2003 — *Wittner L. S.* Toward nuclear abolition: a history of the world nuclear disarmament movement, 1971 to the Present. Stanford : Stanford University Press, 2003. 688 p.
- Zimmerman 2017 — *Zimmerman B.* The four stages of the antiwar movement [Electronic resource] // The New York Times. 2017. 14 October. URL: <https://www.nytimes.com/2017/10/24/opinion/vietnam-antiwar-movement.html> (access date: 01.12.2020).

References

- Abolition 2000 (2017), *Nuclear risk reduction: statement adopted at the 2017 Abolition 2000 Annual General Meeting*, available at: <http://www.abolition2000.org/en/resources/newsreleasesstatements/nuclear-risk-reduction/> (accessed 15 November 2020).
- Adamsky, D. (2019), *Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy*, Stanford University Press, Stanford, California, 376 p.

- Adler, E. (1992), "The Emergence of Cooperation: National Epistemic Communities and the International Evolution of the Idea of Nuclear Arms Control", *International Organization*, vol. 46, no. 1, pp. 101–145.
- Batrovin, S. (1985), "Dissidents deserve Dr. Chazov's Nobel", *The New York Times*, 31 December, available at: <https://www.nytimes.com/1985/12/31/opinion/dissidents-deserve-dr-chazov-s-nobel.html> (accessed 12 November 2020).
- Efimov, N. (2014), "Strategic stability in world Politics: Academician Kokoshin's formulas", *Mezhdunarodnaya zhizn'*, vol. 5, pp. 173–183 (in Russian).
- Federation of American Scientists (1945), *The "Franck Report". A report to the Secretary of War (June 1945)*, available at: <https://fas.org/sgp/eprint/franck.html> (accessed 01 December 2020).
- Garwin, R. and Bethe, H. (1968), "Anti-Ballistic-Missile Systems", *Scientific American*, vol. 218, no. 3, pp. 21–31. DOI: 10.1038/scientificamerican0368-21.
- Gorbachev, M. (1986), "Political report of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union to the 27th Congress of the Communist Party of the Soviet Union", *Lib.Ru, Memuary, vospominaniya, zhizneopisaniya, sobytiya*, available at: http://lib.ru/MEMUARY/GORBACHEV/doklad_xxvi.txt (accessed 12 November 2020) (in Russian).
- Gordeeva, I. A. (2013), "The Emergence of the Independent Peace Movement in the USSR in the 1980s", *RSUH/RGGU Bulletin "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 1 (102), pp. 214–224 (in Russian).
- Gorelik, G. E. (1998), "Andrey Sakharov in 1968", *Vestnik online*, no. 20 (201), available at: <http://www.vestnik.com/issues/98/0929/win/gorelik.htm> (accessed 12 November 2020) (in Russian).
- Holst, J. and Schneider, W. (eds) (2013), *Why ABM? Policy issues in the missile defense controversy*, Pergamon Press, 336 p.
- Intondi, V. (2017), "Martin Luther King on Non-Violence and Disarmament", *Arms Control Association*, 26 February, available at: <https://www.armscontrol.org/blog/2017-02-26/martin-luther-king-non-violence-disarmament> (accessed 22 November 2020).
- John Paul II (1982), *Message to the Second Special Session of the United Nations for Disarmament (Vatican, June 7, 1982)*, Libreria Editrice Vaticana, available at: https://w2.vatican.va/content/john-paul-ii/en/messages/pont_messages/1982/documents/hf_jp-ii_mes_19820607_disarmo-onu.html (accessed 22 November 2020).
- John XXIII (1963), *Pacem in Terris. Encyclical of Pope John XXIII on Establishing Universal Peace in Truth, Justice, Charity, and Liberty (April 11, 1963)*, Libreria Editrice Vaticana, available at: http://www.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (accessed 06 March 2021).
- Metropolitan Anastasius (1948), "From Paschal letters", *Blagodatnyi ogon'*, available at: <https://www.blagogon.ru/biblio/707/> (accessed 13 November 2020) (in Russian).
- Podvig, P. (2013), "The Development of Soviet and Russian Ballistic Missile Defense in the 20th Century", in Bubnova, N. (ed.), *Missile Defense: Confrontation and Cooperation*, Carnegie Moscow Center, Moscow, pp. 33–50, available at: https://carnegieendowment.org/files/Missile_Defense_book_eng_fin2013.pdf (accessed 15 November 2020).
- Romerstein, H. (1983), *The World Peace Council and Soviet "active measures"*, The Hale Foundation, Washington, D.C., 43 p., available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP90-00806R000200720005-5.pdf> (accessed 15 November 2020).
- Rubinson, P. (2014), "The global effects of nuclear winter: science and anti-nuclear protest in the United States and the Soviet Union during the 1980s", *Cold War History*, vol. 14, no. 1, pp. 47–69. DOI: 10.1080/14682745.2012.759560.
- Rubinson, P. (2016a), The American Antinuclear Movement, *Oxford Research Encyclopedia of American History*, 05 April, available at: <https://oxfordre.com/americanhistory/view/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-26?mediaType=Article#acrefore-9780199329175-e-26-div1-2> (accessed 06 March 2021).

- Rubinson, P. (2016b), "Sakharov's Dilemma: Pursuing Nuclear Disarmament during the Human Rights Revolution", *Virtual Commons, Bridgewater State University*, available at: http://vc.bridgew.edu/history_fac/54 (accessed 15 November 2020).
- Russell, A. and Einstein, A. (1955), "Russell-Einstein Manifesto", *Atomic Heritage Foundation*, available at: <https://www.atomicheritage.org/key-documents/russell-einstein-manifesto> (accessed 15 November 2020).
- Sakharov, A. (1983a), "The danger of thermonuclear war", *Foreign Affairs*, vol. 61, no. 5, pp. 1001–1016, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1983-06-01/danger-thermonuclear-war> (accessed 15 November 2020).
- Sakharov, A. (1983b), "A message from Gorky", *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 39, no. 6, pp. 2–3. DOI: 10.1080/00963402.1983.11458999.
- Sakharov, A. (1990), *Mir, progress, prava cheloveka, stat' i vystupleniya* [Progress, coexistence and intellectual freedom], *Sovetskii pisatel'*, Leningrad, 128 p. (in Russian).
- Schelkens, K. (2011), "Vatican diplomacy after the Cuban missile crisis: new light on the release of Josyf Slipyj", *The Catholic Historical Review*, vol. 97, no. 4, pp. 679–712. DOI: 10.1353/cat.2011.0153.
- Schreiber, M. (2012), "Lucky Dragon's lethal catch", *The Japan Times*, 18 March, available at: https://www.japantimes.co.jp/life/2012/03/18/general/lucky-dragons-lethal-catch/#.Xq60FC_5Y1I (accessed 25 November 2020).
- Shapley, D. (1968), "A lesson from the Glassboro Summit", *The Washington Post*, 9 October, available at: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1986/10/09/a-lesson-from-the-glassboro-summit/7bb863f3-6383-4df7-ab98-1f1ebf9b578d/> (accessed 25 November 2020).
- Society of Saint Pius X (2017), "Pope upholds the Church's stance on the immorality of nuclear weapons", *SSPX*, available at: <https://sspx.org/node/33820> (accessed 15 November 2020).
- Sorondo, M. S. (2012), *The Pontifical Academy of Sciences: a historical profile*, Vatican City, 26 p., available at: <http://www.pas.va/content/dam/accademia/pdf/es38.pdf> (accessed 25 November 2020).
- Stockholm International Peace Research Institute (2006), "Nuclear testing tally tables", *Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty Organization*, available at: https://www.ctbto.org/fileadmin/user_upload/pdf/Sipri_table12b.pdf (accessed 25 November 2020).
- Stokes, B. (2015), "70 years after Hiroshima, opinions have shifted on use of atomic bomb", *Pew Research Center*, 4 August, available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/08/04/70-years-after-hiroshima-opinions-have-shifted-on-use-of-atomic-bomb/> (accessed 06 March 2021).
- Taagepera, R. (1985), "Inclusion of the Baltic Republics in the Nordic Nuclear-free Zone", *Journal of Baltic Studies*, vol. 16, no. 1, pp. 33–51.
- "Text of Essay by Russian Nuclear Physicist Urging Soviet-American Cooperation; Joint Action by Two Nations Viewed as Essential to Avert Perils Facing Mankind Basis for Hope Seen in Rapprochement Between Socialist and Capitalist Systems" (1968), *The New York Times*, 22 July, p. 14, available at: <https://www.nytimes.com/1968/07/22/archives/text-of-essay-by-russian-nuclear-physicist-urging-sovietamerican.html> (accessed 25 November 2020).
- Tsentr obshchestvenno-politicheskikh proektov i kommunikatsii (2015), *Perspektivy i mekhanizmy konsolidatsii ekspertnogo soobshchestva: k rossiiskoi versii politicheskogo yazyka* [Prospects and mechanisms for consolidating the expert community: Russian version of the political language], *Tsentr obshchestvenno-politicheskikh proektov i kommunikatsii*, Moscow, 71 p., available at: [https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchnaja-shkola-Vyshshaja-shkola-publichnojj-politiki/SiteAssets/Pages/subordinateunits/Доклад_политязык%20\(1\).pdf](https://www.rea.ru/ru/org/managements/Nauchnaja-shkola-Vyshshaja-shkola-publichnojj-politiki/SiteAssets/Pages/subordinateunits/Доклад_политязык%20(1).pdf) (accessed 07 March 2021) (in Russian).
- Velikhov, E. P. (1984), "Scientists against the threat of nuclear war, for life on Earth", in Fedchenko, V. A. (ed.), *Uchenye protiv vojny, sbornik* [Scientists against war, collected papers], *Molodaya gvardiya*, Moscow, pp. 42–61, available at: <http://nplit.ru/books/item/f00/s00/z0000077/st004.shtml> (accessed 01 December 2020) (in Russian).

- Washington University School of Medicine (2009), *St. Louis Baby Tooth Survey, 1959–1970*, available at: <http://beckerexhibits.wustl.edu/dental/articles/babytooth.html> (accessed 25 November 2020).
- Wittner, L. S. (2003), *Toward nuclear abolition: a history of the world nuclear disarmament movement, 1971 to the Present*, Stanford University Press, Stanford, 688 p.
- Zimmerman, B. (2017), “The four stages of the antiwar movement”, *The New York Times*, 4 October, available at: <https://www.nytimes.com/2017/10/24/opinion/vietnam-antiwar-movement.html> (accessed 01 December 2020).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 30.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 23.07.2021

Информация об авторах

Малыгина Анастасия Александровна
кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9
E-mail: amalygina@inbox.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-5543-5103

Кулибаба Надежда Сергеевна
магистр международных отношений
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9
E-mail: kulibabanadezhda@gmail.com
Авторский ORCID: 0000-0001-7785-5064

Information about authors

Malygina, Anastasiia Aleksandrovna
Cand. Sci. (Political Sciences), Associate
Professor
St.-Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., St.-Petersburg,
199034 Russia
E-mail: amalygina@inbox.ru
Author's ORCID: 0000-0002-5543-5103

Kulibaba, Nadezhda Sergeevna
M. A. in International Relations
St.-Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., St.-Petersburg,
199034 Russia
E-mail: kulibabanadezhda@gmail.com
Author's ORCID: 0000-0001-7785-5064

РОЛЬ КОНГРЕССА США В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА

Е. Б. Михайленко

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Е. И. Сеницына

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: 3 ноября 2020 г. в США прошли всеобщие выборы, в результате которых новым президентом был объявлен Джозеф Байден, а треть Сената и вся Палата представителей были переизбраны. При новой администрации контроль над ядерными вооружениями, одна из немногих возможных сфер российско-американского сотрудничества, может быть реанимирован. По крайней мере, избранный президент выполнил свое обещание продлить последний оставшийся договор в этой сфере — Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ) — на пять лет без каких-либо предварительных условий. Однако, несмотря на традиционно более сильную роль исполнительной ветви власти в разработке и реализации политики США в ядерной сфере, законодательная власть в лице Конгресса США обладает определенными инструментами воздействия на процесс принятия решений. Цель данной статьи — проанализировать, как новый баланс сил в Конгрессе, установленный после выборов 2020 г., повлияет на действия администрации Дж. Байдена в сфере контроля над ядерными вооружениями. Для этого авторами были использованы методы анализа ситуации и аналитико-прогностические методы. В результате авторы пришли к выводу о том, что, несмотря на демократическое большинство и в Сенате, и в Палате представителей, сохраняющаяся сильная оппозиция со стороны республиканцев в обеих палатах Конгресса не позволит новому президенту существенно изменить сложившийся курс в сфере контроля над ядерными вооружениями.

Ключевые слова: ядерное оружие, контроль над вооружениями, Конгресс США, Дж. Байден.

Для цитирования: Михайленко Е. Б., Синицына Е. И. Роль Конгресса США в определении политики в сфере контроля над ядерными вооружениями при администрации Д. Байдена // *Koinon*. 2021. Т. 2. № 2. С. 205–223. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.023

THE ROLE OF THE U.S. CONGRESS IN DETERMINING NUCLEAR ARMS CONTROL POLICY UNDER THE BIDEN ADMINISTRATION

E. B. Mikhaylenko

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

E. I. Sinitsyna

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: On November 3, 2020, a general election was held in the United States, as a result of which Joe Biden was declared the new president and a third of the Senate and the entire House of Representatives were re-elected. Under the new administration, nuclear arms control, one of the very few possible spheres of U.S.-Russian cooperation, is believed to be reanimated. At least, the president-elect has kept his promise to extend the last remaining treaty in this sphere, the New START, for five years without any preconditions. However, despite the traditionally stronger role of the executive branch in the development and implementation of U.S. nuclear policy, the legislative branch, represented by the U.S. Congress, has particular instruments to influence the decision-making process. This paper sets out to analyze how the new balance of power in Congress established after the 2020 general election will affect actions taken by the Biden administration in the sphere of nuclear arms control. For this purpose, the authors used methods of situation analysis, analytical and predictive measures. In the end, the authors conclude that, despite the Democratic majority in both the Senate and the House of Representatives, the continued strong opposition from Republicans in both houses of Congress will not allow the president-elect to significantly change the current political course in the field of nuclear arms control.

Keywords: nuclear weapons, arms control, U. S. Congress, J. Biden.

For citation: Mikhaylenko, E. B. and Sinitsyna, E. I. (2021), “The role of the U.S. Congress in Determining Nuclear Arms Control Policy under the Biden Administration”, *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 205–223 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.023

Режим контроля над ядерными вооружениями, складывавшийся еще со времен холодной войны в форме договоренностей между СССР и США, переживает серьезный кризис, теряя соглашения, некогда составлявшие его фундамент. В 2019 г. администрация Дональда Трампа вышла из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), в 2020 г. — не стала пролонгировать Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Ситуация с ДСНВ, впрочем, пока разрешилась благоприятным образом: новый президент США Джозеф Байден выполнил обещание продлить договор без предварительных условий сроком на 5 лет, как и было предусмотрено в его тексте [Reif, Bugos 2021].

Значит ли это, что со сменой президента США ситуация в режиме контроля над вооружениями может измениться в лучшую сторону? С одной стороны, предпосылки для поворота ситуации в более позитивное русло действительно имеются. Если судить по предвыборным высказываниям Дж. Байдена, он был готов не только продлить ДСНВ, но и сократить финансирование программ модернизации ядерного оружия, а также отказаться от крылатых ракет морского базирования с ядерной боеголовкой и от боеголовок малой мощности, размещенных на баллистических ракетах подводных лодок (БРПЛ) «Трайидент II» [Баклицкий 2020]. К тому же у новоизбранного президента США имеется солидный опыт в сфере контроля над вооружениями: и занимая в 1973–2009 гг. пост сенатора от штата Делавэр, и будучи вице-президентом в период президентства Барака Обамы, Дж. Байден завоевал репутацию одного из ведущих экспертов по внешней политике и активного сторонника ограничения стратегических вооружений сначала с Советским Союзом, а позднее и с Россией [Joe Biden Biography 2020]. В 2018 г. в статье для *Foreign Affairs* Дж. Байден и его бывший советник в период вице-президентства Майкл Карпентер писали о том, что «Соединенные Штаты и Россия имеют взаимное обязательство поддерживать стратегическую стабильность» [Biden, Carpenter 2018]. Конечно, в условиях проявления в США серьезных внутривластных проблем контроль над вооружениями вряд ли станет центральной темой повестки новой администрации, однако без внимания она однозначно не останется: как в силу своей принципиальной важности, так и в силу того, что эта сфера — одна из немногих, где интересы Москвы и Вашингтона пересекаются.

С другой стороны, президент, хотя и будучи ключевым действующим лицом при принятии решений в сфере национальной безопасности и внешней политики, не принимает решений в одиночку. Во-первых, решая вопросы, связанные с ядерным оружием, он отчасти по своему желанию, отчасти по необходимости советуется со своими подчиненными. Советники президента, в свою очередь, обычно находятся под влиянием своих подчиненных [Halperin, Clapp 2006, p. 16]. На сегодняшний день в американском истеблишменте существует устойчивый консенсус в отношении необходимости противостояния угрозам

со стороны России, да и сам Дж. Байден, несмотря на благосклонность к соглашениям в сфере контроля над вооружениями, отдает России первое место в списке угроз США [Biden says Russia key threat to US 2020].

Во-вторых, процесс принятия политических решений в США протекает в рамках сложного взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти. Оно закреплено в Конституции США [U. S. Constitution 1787] и выступает частью системы сдержек и противовесов, в рамках которой каждая ветвь власти ограничена в своих действиях без поддержки другой. Политика в сфере контроля над ядерными вооружениями не является исключением: несмотря на традиционно более сильную роль исполнительной ветви власти в ее разработке и реализации, законодательная ветвь в лице Конгресса США обладает полномочиями для того, чтобы оказывать на нее влияние.

3 ноября 2020 г. в США состоялись не только выборы президента, но и выборы в Конгресс. В связи с этим возникает вопрос: как изменившийся расклад сил в Конгрессе может повлиять на определяемый президентом курс в сфере контроля над ядерными вооружениями? Попытка ответить на этот вопрос и является целью данной статьи. Для этого авторами был проанализирован ряд официальных документов Конгресса США и использованы аналитико-прогностические методы при определении возможных вариантов эволюции режима контроля над вооружениями при администрации Дж. Байдена.

Отдельные проблемы взаимодействия законодательной и исполнительной ветвей власти США при определении внешней политики и политики в сфере национальной безопасности, в том числе и в ядерной сфере, освещают в своих работах такие отечественные эксперты, как Н. Рогова, С. Рогов, В. Журавлева, С. Самуйлов, А. Сергунин, О. Колобов, М. Троицкий, Д. Суслов, А. Баклицкий, А. Сушенцов, А. Варакса. За рубежом исследования, посвященные непосредственно роли Конгресса в решении вопросов контроля над ядерными вооружениями, распространены несколько больше. Среди тех, кто специализируется на этой теме, можно отметить, например, Э. Вулф, Т. Мура, Дж. Линдсея, Р. Рипли, Н. Ричи, К. Рифа, П. Вадди. Однако в российской науке это направление исследовано слабо, что позволяет говорить о научной значимости данной статьи.

Каков расклад сил в 117-м Конгрессе США (2021–2022 гг.)?

Американский Конгресс состоит из двух палат. Верхняя палата — Сенат — включает 100 членов: от каждого штата сроком на шесть лет избираются два сенатора. Каждые два года в порядке ротации треть Сената переизбирается. Нижняя палата — Палата представителей — насчитывает 435 членов, избираемых сроком на два года. Количество представителей от каждого штата пропорционально численности его населения [U. S. Constitution 1787].

3 ноября 2020 г. вместе с выборами президента США состоялись и выборы в Конгресс 117-го созыва, который начал свою работу 3 января 2021 г. По результатам выборов республиканцы укрепили свое положение в Палате представителей, однако контроль над ней сохранили демократы [US election results 2020]. Что касается выборов в Сенат, то их судьбу решал второй тур голосования в штате Джорджия, состоявшийся 5 января 2021 г. [US Election 2020]. Необходимо пояснить, что в двух американских штатах — Джорджии и Луизиане — требуется, чтобы победивший кандидат набрал не относительное, а абсолютное большинство голосов, составляющее 50 % + 1 голос, иначе проводится второй тур выборов [Senate and House elections 2020]. В Джорджии, традиционно республиканском штате, определялась судьба двух сенатских мест, и оба этих места получили демократы [Georgia Senate Runoff Election Results 2021]. В результате, в четвертый раз в американской истории, Сенат оказался разделенным пополам: 50 мест в нем заняли республиканцы, 48 — демократы и 2 — независимые сенаторы, голосующие вместе с демократами. Таким образом Демократическая партия смогла сравнять свои позиции с республиканцами. После инаугурации 20 января 2021 г. и вступления в должность президента и вице-президента США она получила контроль над верхней палатой, учитывая полномочие вице-президента и председателя Сената Камалы Харрис отдавать решающий голос в случае равного разделения голосов.

Как расклад сил в Сенате может отразиться на составе его комитетов и почему это важно?

Для эффективной работы Конгресса в каждой палате созданы комитеты и подкомитеты, специализирующиеся на конкретном направлении деятельности. Вопросы контроля над вооружениями в основном рассматриваются в четырех постоянных комитетах: в комитетах Сената по международным отношениям и вооруженным силам и в комитетах Палаты представителей по иностранным делам и вооруженным силам. Кроме того, проблемы контроля над вооружениями также обсуждаются в комитетах Сената и Палаты представителей по бюджету и по ассигнованиям и, хотя и незначительно (по крайней мере, если судить по находящимся в открытом доступе материалам), в повестке специального комитета Сената по разведке и постоянного специального комитета Палаты представителей по разведке [Committees of the U. S. Congress 2020].

Председатель каждого комитета и большинство его членов назначаются из партии большинства. Партия большинства контролирует большую часть сотрудников и ресурсов комитета, а председатель определяет его повестку дня и играет важную роль в управлении обсуждением профильных законопроектов в палате. Кроме того, члены комитета в случае необходимости устранения противоречий между версиями законопроектов, принятых Сенатом и Палатой

представителей, назначаются в состав специально созываемого согласительного комитета. Комитеты также занимаются утверждением или отклонением кандидатур на важные государственные должности, рассматривают договоры и международные соглашения, проводят надзорные слушания [About the Senate Committee System 2020]. Все эти полномочия по результатам выборов в Джорджии могли бы быть полностью сосредоточены в руках демократов, однако сенаторы обратились к практике, существовавшей с января до июня 2001 г., согласившись разделить полномочия между двумя партиями.

Когда после выборов 2000 г. места в сенате 107-го Конгресса (2001–2002 гг.) разделились поровну — 50 на 50, — лидер демократов, сенатор Том Дэшл, и лидер республиканцев, сенатор Трент Лотт, инициировали неофициальные переговоры о том, как лучше организовать работу верхней палаты в сложившейся ситуации. Переговоры продолжались и после открытия 3 января 2001 г. 107-го Конгресса. До инаугурации 20 января 2001 г. вице-президента Ричарда Чейни, избранного от Республиканской партии, эту должность занимал демократ Альберт Гор. Поэтому до 20 января большинство в Сенате формально принадлежало демократам, а после — должно было перейти к республиканцам. В связи с этим Сенат принял резолюцию № 7 (S. Res. 7), назначив председателями всех сенатских комитетов представителей Демократической партии на срок до 20 января, а начиная с этого дня — представителей Республиканской партии [The Senate Powersharing Agreement 2006, p. 4].

5 января сенатор Т. Дэшл представил резолюцию № 8 (S. Res. 8) как юридическое основание для разделения полномочий в Сенате в ситуации, когда места между партиями распределены поровну. Резолюция была одобрена в тот же день. Ее основные положения отличались от обычной практики Сената и включали, среди прочего, следующие пункты. Во-первых, утверждалось равное представительство демократов и республиканцев в каждом сенатском комитете и равное распределение сотрудников комитетов, бюджета и служебных помещений между партиями. Во-вторых, в случае равного разделения голосов в комитете при голосовании по какому-либо вопросу и невозможности принять по нему решения, и лидер сенатского большинства, и лидер меньшинства (после консультаций с председателем комитета) мог внести предложение об отстранении комитета от дальнейшего рассмотрения этого вопроса и его передаче на рассмотрение всей палатой. В-третьих, лидеры двух партий обязались воздерживаться от использования своих преимущественных прав на внесение поправок с целью исчерпать их допустимое количество и заблокировать таким образом рассмотрение спорных вопросов. В-четвертых, было установлено ограничение на внесение предложения о прекращении прений (cloture motion) в течение первых 12 часов обсуждения. И наконец, лидеры демократов и республиканцев в Сенате обязались стремиться к достижению баланса интересов обеих партий при формировании повестки

дня верхней палаты. Тем не менее предложение перейти к тому или иному вопросу повестки осталось прерогативой лидера сенатского большинства, хотя правила Сената не запрещали и не запрещают и лидеру меньшинства или любому другому сенатору вносить такое предложение [The Senate Powersharing Agreement 2006, p. 4–6].

В начале 2000-х гг. лидеры партий в Сенате обратились к рассмотренной практике, чтобы избежать тупиковой ситуации и «ежедневных войн» [Fahrenthold, Kane 2021]. Вопрос о том, смогут ли нынешние лидеры пойти на такой компромисс, оставался открытым вплоть до февраля 2021 г. Существовали опасения, что демократы не станут делить вырванную у республиканцев победу и полученные полномочия определять повестку дня Сената и его комитетов, особенно после захвата здания Конгресса сторонниками Д. Трампа [Inside the Capitol siege 2021]. Однако после длившихся на протяжении месяца переговоров между лидерами республиканского и демократического большинства в Сенате, Митчем Макконнеллом и Чаком Шумером соответственно, 3 февраля 2021 г. компромисс все-таки был достигнут: была единогласно принята резолюция № 27 (S. Res. 27), за основу которой было взято соглашение 2001 г. [Armstrong, Wooten 2021].

Таким образом, на данный момент демократы в целом контролируют повестку в Сенате 117-го Конгресса, но республиканцы также обладают сильными позициями, чтобы оказывать на нее влияние.

Какие инструменты позволяют Конгрессу оказывать влияние на принятие решений в сфере контроля над ядерными вооружениями и как они будут реализовываться в 2021–2022 гг.?

Как уже было отмечено выше, в распоряжении Конгресса есть ряд инструментов, которые позволяют ему оказывать воздействие как на процесс принятия решений исполнительной ветвью власти, так и на сами решения. Функционально эти инструменты можно разделить на четыре группы: законодательные, финансовые, контрольные полномочия и полномочия по тем вопросам, которые передает на рассмотрение Конгресса Президент США (executive business) [U. S. Senate Glossary 2020].

Законодательные полномочия. Первоочередным инструментом парламентариев выступает право законодательной инициативы: они могут вносить на рассмотрение Конгресса проекты законов (bills) и совместных резолюций (joint resolutions), которые в случае принятия простым большинством голосов в каждой палате и последующего подписания президентом получают обязательную юридическую силу. Президент может воспользоваться правом вето, но его можно преодолеть повторным одобрением законопроекта большинством в 2/3 голосов в каждой палате. Следует отметить, что в США только

конгрессмены обладают правом законодательной инициативы, хотя иногда они вносят законопроекты по поручению президента [Heitshusen 2020, p. 7].

Несмотря на то что законопроект в каждой палате должен обсуждаться и затем приниматься простым большинством голосов, эта практика превратилась в некий идеальный вариант развития ситуации, не соответствующий реальному положению дел. Если в Палате представителей для каждого законопроекта комитетом по регламенту устанавливаются правила, определяющие, как будет проходить дискуссия, то в Сенате дебаты гораздо более свободны по форме и, как правило, не ограничены по времени. Поэтому в Сенате широкое применение получил филибастер (filibuster) — тактика парламентского меньшинства по затягиванию или срыву принятия закона через многочисленные выступления и внесение множества поправок. Филибастер может быть остановлен только в случае согласия 60 сенаторов: эта процедура называется прекращением прений (cloture), она сокращает время обсуждения до 30 часов [Heitshusen 2020, p. 3]. Филибастер, таким образом, не позволяет Сенату, за редким исключением, принимать законопроекты при отсутствии 60 голосов. А поскольку 60-процентное большинство бывает крайне редко, Сенат утратил способность регулярно принимать законы [Klein 2020].

В 115–116-м Конгрессах (2017–2020 гг.) демократы активно продвигали три группы законопроектов, касающихся сферы контроля над ядерными вооружениями: о неприменении ядерного оружия первыми [H.R.4415 2017; S.200 2017; S.200 2019; H.R.669 2017; H.R.669 2019], о предотвращении новой гонки вооружений путем сохранения действующих соглашений в сфере контроля над вооружениями [S.705 2019; S.312 2019; H.R.1231 2019; S.1285 2019] и о запрещении разработки и производства боеголовок малой мощности для БРПЛ «Трайдент II» [S.401 2019; H.R.1086 2019]. Однако республиканцы в целом не поддержали эти инициативы. Исключением стал «Закон Ричарда Лугара и Эллен Таушер о сохранении ограничений на российские ядерные силы» (Richard G. Lugar and Ellen O. Tauscher Act to Maintain Limits on Russian Nuclear Forces) [S.2394 2019; H.R.2529 2019], получивший поддержку отдельных представителей Республиканской партии, но, как и все другие законопроекты, не только не принятый на уровне палат, но даже не обсуждавшийся профильными комитетами.

В новом Конгрессе демократы теоретически могут вновь внести на рассмотрение предложенные ранее и еще не потерявшие своей актуальности законопроекты или инициировать новые. Но эти потенциальные законопроекты вновь не продвинулись дальше уровня профильного комитета: или республиканцы, используя инструмент филибастера, не позволяют их принять, или до их обсуждения просто не дойдет очередь, поскольку законопроекты, направленные на сохранение режима контроля над ядерными вооружениями, в целом не являются для Конгресса приоритетным направлением [Woolf 2007, p. 502–503].

Ситуация может измениться только в том случае, если демократы запретят применение филибастера [Everett 2021], но даже тогда на рассмотрение вопросов, касающихся ядерных вооружений, может просто не хватить времени.

Финансовые полномочия Конгресса заключаются в том, что без его разрешения органы исполнительной власти не могут использовать федеральные средства. Реализуются эти полномочия в ежегодном бюджетном процессе, который является частью законотворческой деятельности Конгресса [Панфилов 1999, с. 1]. В сфере контроля над вооружениями главным документом, разрешающим или запрещающим расходование средств на осуществление международных договоров, является закон «О разрешении выделения ассигнований на национальную оборону» (National Defense Authorization Act, NDAA).

За четыре десятилетия существования в США бюджетного процесса в современном виде Конгрессу удалось следовать ему лишь четыре раза: в 1977, 1989, 1995 и 1997 финансовых годах [Desilver 2018]. NDAA на 2021 финансовый год был согласован верхней и нижней палатами и отправлен на подпись президенту только 11 декабря 2020 г. [H.R.6395 2020], хотя весь процесс в идеале должен был завершиться еще 30 сентября. Это говорит о том, что, независимо от расклада сил в Конгрессе, принятие бюджета представляется крайне тяжелой для него задачей. Некоторые эксперты вообще утверждают, что бюджетный процесс по своей сути несостоятелен, что он требует такого уровня координации, которого у Конгресса нет [Amadeo 2019]. Поэтому сложностей с обсуждением и принятием NDAA, вероятно, не удастся избежать даже в условиях установления демократами контроля над Сенатом. Если филибастер будет отменен, задача по утверждению NDAA должна будет значительно упроститься: у демократов будет для этого необходимый 51 голос, а если учесть, что без принятия NDAA не может функционировать Министерство обороны США, то компромисс в любом случае будет выработан и баланс сил будет складываться в пользу Демократической партии.

Контрольные полномочия Конгресса подразумевают проведение надзорных слушаний и расследований по конкретным вопросам внешней политики и политики в области национальной безопасности и получение от исполнительной власти отчетов о состоянии дел в интересующих Конгресс сферах [Hearings in the U. S. Senate 2010]. Слушания в Конгрессе являются основным формальным методом, с помощью которого комитеты собирают и анализируют информацию в процессе выработки законодательной политики. При этом цель комитета при проведении слушаний зачастую не ограничивается сбором информации. Она может включать в себя привлечение внимания и общественной поддержки к тому или иному вопросу.

Партия большинства имеет ряд преимуществ при проведении слушаний: право контролировать ход обсуждения и возможность приглашать больше экспертов и — ввиду большего числа представителей в комитете — задавать

им больше вопросов. Члены партии меньшинства при этом часто осаждают приглашенных партией большинства специалистов вопросами, не давая им, однако, возможности полноценно на них ответить [Трой 2015].

Получив большинство в Сенате, демократы будут и дальше пытаться продвигать на слушаниях свою позицию по соглашениям в сфере контроля над вооружениями, как это было в период президентства Д. Трампа, но теперь преимущество будет на их стороне. Однако и республиканцы не преминут воспользоваться этим инструментом, чтобы вставлять палки в колеса демократической администрации.

Исполнительные полномочия Конгресса подразумевают выражение совета и согласия (advice and consent) Сената на ратификацию международных договоров и на утверждение в должности высших государственных лиц [U. S. Senate Glossary 2020]. Что касается назначений на высшие государственные должности, то, согласно статистике, которую ведет The Washington Post, в марте Дж. Байден превзошел бывших президентов Д. Трампа и Б. Обаму в заполнении своего Кабинета министров и стал первым президентом за последние десятилетия, чьи кандидаты не были отклонены и получили полное одобрение Сената [Biden Political Appointee Tracker 2021]. В условиях фактического установления демократического большинства в Сенате — независимо от сохранения или отмены филибастера: для процедуры утверждения высших правительственных лиц филибастер не действует [Peters 2013] — процесс назначения предложенных Дж. Байденом кандидатур, в том числе и на должности, связанные с политикой США в ядерной сфере, стал значительно проще. Например, за назначение Ллойда Остина на пост министра обороны проголосовали 93 сенатора: 50 демократов и 43 республиканца [Confirmation of Austin 2021]. Несколько меньше — за назначение Энтони Блинкена новым госсекретарем: 50 демократов и 28 республиканцев [Confirmation of Blinken 2021]. Согласие на утверждение Дженнифер Грэнхолм министром энергетики дали помимо 50 демократов только 14 республиканцев [Confirmation of Granholm 2021]. И хотя ряд республиканцев, как и демократы в период президентства Д. Трампа [Zengerle 2021], не были согласны с тем или иным выбором президента, заблокировать назначение его кандидатур на должности министров им не удалось.

Что касается международных договоров, и в частности последнего из действующих в сфере контроля над вооружениями — ДСНВ, то новая администрация успела дать свое согласие на его продление. Нужно отметить, что любой расклад сил в Конгрессе никак на это не повлиял бы, поскольку в процессе одобрения ратификации договора в 2010 г. Сенат автоматически дал совет и согласие на его продление. Однако изменения в балансе сил в Конгрессе могут повлиять на заключение потенциальных договоров в будущем.

В соответствии с конституционным правом Соединенных Штатов, для того чтобы международный договор вступил в силу, необходимы, во-первых,

совет и согласие (на практике просто согласие) 2/3 членов Сената (обычно это означает 67 голосов, если не пустуют некоторые из мест) и, во-вторых, его ратификация президентом. Необходимого количества голосов у демократов нет.

Однако в США существуют и другие формы заключения международных договоренностей, не требующие согласия 2/3 сенаторов. Если президент включит обязательства по контролю над вооружениями в документ, известный как соглашение между Конгрессом и исполнительной властью (*congressional-executive agreement*), то и Сенат, и Палата представителей должны будут проголосовать за его принятие простым большинством голосов [Encyclopaedia Britannica 2020]. Тогда в условиях равного разделения мест в Сенате у демократов появится шанс продвинуть такое потенциальное соглашение. Его могут поддержать и некоторые республиканцы: например, сенаторы Рэнд Пол и Тодд Янг более благосклонно относятся к сохранению соглашений с Россией в сфере контроля над вооружениями [S.2394 2019].

Кроме соглашений между Конгрессом и исполнительной властью существуют также исполнительные соглашения (*executive agreement*). Они заключаются президентом на основании предоставленных ему Конституцией полномочий проводить внешнюю политику и не нуждаются в одобрении парламентом, но, так же как и договоры, имеют обязательную юридическую силу [Treaties and Other International Agreements 2001, p. 5]. Хотя Конгресс оспаривает это президентское полномочие [Kirgis 1997] и, как показывает практика, президенты обычно не рискуют заключать такие соглашения в случае активного противодействия со стороны парламента [Mulligan 2018, p. 10–11], тем не менее, благодаря доминированию демократов в Конгрессе, президенту будет легче воспользоваться таким инструментом.

Выводы: как Конгресс 117-го созыва может повлиять на политику США в сфере контроля над ядерными вооружениями?

Складывающийся в Конгрессе после выборов баланс сил между демократами и республиканцами, несмотря на демократическое большинство в обеих палатах, — далеко не самая удачная конфигурация для президента-демократа. Ситуация усугубляется тем, что в современную эпоху ни одна из партий не является постоянно доминирующей, и лучший шанс меньшинства на обладание властью — обеспечить, чтобы большинство не смогло эффективно управлять. Это делает двухпартийность фактически иррациональной [Klein 2020]. Поэтому сильная оппозиция республиканцев как в Сенате, так и в Палате представителей не позволит демократам полноценно реализовать свои полномочия, а Дж. Байдену — радикально изменить политический курс в сфере контроля над вооружениями. Да и на повестке дня у нового президента

в первую очередь будет решение внутривнутриполитических проблем, а не налаживание диалога о стратегической стабильности с Россией.

Таким образом, в период президентства Дж. Байдена, вероятно, не следует ожидать новой эры договоров о контроле над ядерными вооружениями. Как не следует ожидать и возвращения к рабочим двусторонним отношениям времен первого срока Б. Обамы: относительно противостояния с Россией в США сложился устойчивый двухпартийный консенсус, и среди демократов хватает тех, кто скептически относится как к России, так и к сотрудничеству с ней в сфере контроля над вооружениями [Баклицкий 2020].

Тем не менее в ситуации установления контроля над обеими палатами Конгресса представителями Демократической партии президенту будет проще продвигать отдельные политические инициативы по сохранению режима контроля над вооружениями, если такие инициативы будут предложены. Например, можно предположить, что демократы поддержат решение президента согласиться с предложением России о введении моратория на размещение РСМД в отдельных регионах мира, если такое решение будет принято: в 2019 г. они смогли добиться включения в NDAA на 2020 г. пункта о запрещении использования выделенных средств на закупку и развертывание ракет средней дальности, разрешив только их разработку и испытания [S.1790 2019, p. 595].

Список литературы

- Баклицкий 2020 — Баклицкий А. Что ждет российско-американский контроль над вооружениями после выборов в США [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги. 30.10.2020. URL: <https://carnegie.ru/commentary/83079> (дата обращения: 11.12.2020).
- Панфилов 1999 — Панфилов А. Контрольные механизмы Конгресса США в области военного бюджета : доклад № 6. М. : Центр политических исследований в России, 1999. 29 с.
- About the Senate Committee System 2020 — About the Senate Committee System [Electronic resource] // United States Senate. 2020. URL: https://www.senate.gov/general/common/generic/about_committees.htm (access date: 11.12.2020).
- Amadeo 2019 — Amadeo K. Federal Budget Process: Nine Steps in Creating the Federal Budget [Electronic resource] // The Balance. 13.03.2019. URL: <https://www.thebalance.com/federal-budget-process-3305781> (access date: 14.12.2020).
- Armstrong, Wooten 2021 — Armstrong C., Wooten T. The Senate Power-Sharing Agreement for the 117th Congress [Electronic resource] // jdSupra. 10.02.2021. URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/the-senate-power-sharing-agreement-for-1612586/> (access date: 05.03.2021).
- Biden, Carpenter 2018 — Biden J., Carpenter M. How to Stand Up to the Kremlin: Defending Democracy Against Its Enemies [Electronic resource] // Foreign Affairs. January/February 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-12-05/how-stand-kremlin> (access date: 11.12.2020).
- Biden Political Appointee Tracker 2021 — Biden Political Appointee Tracker [Electronic resource] // The Washington Post. 2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2020/biden-appointee-tracker/> (access date: 06.03.2021).
- Biden says Russia key threat to US 2020 — Biden says Russia key threat to US [Electronic resource] // TASS: Russian News Agency. 26.10.2020. URL: <https://tass.com/world/1216217> (access date: 11.12.2020).

- Committees of the U. S. Congress 2020 — Committees of the U. S. Congress [Electronic resource] // Congress.gov. 2020. URL: <https://www.congress.gov/committees> (access date: 11.12.2020).
- Confirmation of Austin 2021 — Roll Call Vote on the Nomination of Lloyd James Austin, of Georgia, to be Secretary of Defense [Electronic resource] // United States Senate. 2021. URL: https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=117&session=1&vote=00005 (access date: 05.03.2021).
- Confirmation of Blinken 2021 — Roll Call Vote on the Nomination of Antony John Blinken, of New York, to be Secretary of State [Electronic resource] // United States Senate. 2021. URL: https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=117&session=1&vote=00007 (access date: 05.03.2021).
- Confirmation of Granholm 2021 — Roll Call Vote on the Nomination of Jennifer Mulhern Granholm, of Michigan, to be Secretary of Energy [Electronic resource] // United States Senate. 2021. URL: https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=117&session=1&vote=00066 (access date: 05.03.2021).
- Desilver 2018 — *Desilver D.* Congress has long struggled to pass spending bills on time [Electronic resource] // Pew Research Center. 16.01.2018. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/01/16/congress-has-long-struggled-to-pass-spending-bills-on-time/> (access date: 14.12.2020).
- Encyclopaedia Britannica 2020 — Congressional-executive agreement [Electronic resource] // Encyclopaedia Britannica. 2020. URL: <https://www.britannica.com/topic/congressional-executive-agreement> (access date: 15.12.2020).
- Everett 2021 — *Everett B.* Anti-filibuster liberals face a Senate math problem [Electronic resource] // Politico. 09.03.2021. URL: <https://www.politico.com/news/2021/03/09/anti-filibuster-liberals-senate-474729> (access date: 12.03.2021).
- Fahrenthold, Kane 2021 — *Fahrenthold D., Kane P.* What happens if the Senate is equally split after the Georgia runoffs? [Electronic resource] // The Washington Post. 05.01.2021. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/senate-georgia-runoff-power/2021/01/05/04bc8cd8-4f7f-11eb-b96e-0e54447b23a1_story.html (access date: 12.01.2021).
- Georgia Senate Runoff Election Results 2021 — Georgia Senate Runoff Election Results [Electronic resource] // The New York Times. 05.01.2021. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/01/05/us/elections/results-georgia-runoffs.html> (access date: 12.01.2021).
- Halperin, Clapp 2006 — *Halperin M., Clapp P.* Bureaucratic Politics and Foreign Policy. 2nd ed. Washington : Brookings Institution Press, 2006. 400 p.
- Hearings in the U. S. Senate 2010 — Hearings in the U. S. Senate: A Guide for Preparation and Procedure [Electronic resource] // EveryCRSReport.com. 18.03.2010. URL: https://www.everycrsreport.com/reports/RL30548.html#_Toc256754266 (access date: 12.12.2020).
- Heitshusen 2020 — *Heitshusen V.* Introduction to the Legislative Process in the U. S. Congress [Electronic resource]. Washington : Congressional Research Service, 2020. 15 p. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R42843> (access date: 13.12.2020).
- H.R.669 2017 — Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2017 (H.R.669) [Electronic resource] // Congress.gov. 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/669> (access date: 13.12.2020).
- H.R.4415 2017 — To establish the policy of the United States regarding the no-first-use of nuclear weapons (H.R.4415) [Electronic resource] // Congress.gov. 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4415/text> (access date: 13.12.2020).
- H.R.669 2019 — Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2019 (H.R.669) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/669/text> (access date: 13.12.2020).
- H.R.1086 2019 — Hold the LYNE Act (H.R.1086) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1086/text> (access date: 13.12.2020).

- H.R.1231 2019 — Prevention of Arms Race Act of 2019 (H.R.1231) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1231/text> (access date: 13.12.2020).
- H.R.2529 2019 — Richard G. Lugar and Ellen O. Tauscher Act to Maintain Limits on Russian Nuclear Forces (H.R.2529) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2529/text> (access date: 13.12.2020).
- H.R.6395 2020 — National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021 (H.R.6395) [Electronic resource] // Congress.gov. 2020. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6395/all-actions> (access date: 14.12.2020).
- Inside the Capitol siege 2021 — *Demirjian K., Leonnig C., Kane P. and Davis A.* Inside the Capitol siege: How barricaded lawmakers and aides sounded urgent pleas for help as police lost control [Electronic resource] // The Washington Post. 09.01.2021. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/inside-capitol-siege/2021/01/09/e3ad3274-5283-11eb-bda4-615aaefd0555_story.html (access date: 11.01.2021).
- Joe Biden Biography 2020 — Joe Biden Biography [Electronic resource] // Biography. 2020. URL: <https://www.biography.com/political-figure/joe-biden> (access date: 11.12.2020).
- Kirgis 1997 — *Kirgis F.* International Agreements and U. S. Law [Electronic resource] // American Society of International Law. 27.05.1997. URL: <https://www.asil.org/insights/volume/2/issue/5/international-agreements-and-us-law> (access date: 13.12.2020).
- Klein 2020 — *Klein E.* The definitive case for ending the filibuster [Electronic resource] // Vox. 01.10.2020. URL: <https://www.vox.com/21424582/filibuster-joe-biden-2020-senate-democrats-abolish-trump> (access date: 13.12.2020).
- Mulligan 2018 — *Mulligan S.* International Law and Agreements: Their Effect upon U. S. Law [Electronic resource]. Washington : Congressional Research Service, 2018. 39 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL32528.pdf> (access date: 11.12.2020).
- Peters 2013 — *Peters J.* In Landmark Vote, Senate Limits Use of the Filibuster [Electronic resource] // The New York Times. 22.11.2013. URL: <https://www.nytimes.com/2013/11/22/us/politics/reid-sets-in-motion-steps-to-limit-use-of-filibuster.html> (access date: 14.12.2020).
- Reif, Bugos 2021 — *Reif K., Bugos S.* U.S., Russia Extend New START for Five Years [Electronic resource] // Arms Control Association. 2021. March. URL: <https://www.armscontrol.org/act/2021-03/news/us-russia-extend-new-start-five-years> (access date: 05.03.2021).
- S.200 2017 — Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2017 (S.200) [Electronic resource] // Congress.gov. 2017. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/200/text> (access date: 13.12.2020).
- S.200 2019 — Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2019 (S.200) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/200/text> (access date: 13.12.2020).
- S.312 2019 — Prevention of Arms Race Act of 2019 (S.312) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/312/text> (access date: 13.12.2020).
- S.401 2019 — Hold the LYNE Act (S.401) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/401/text> (access date: 13.12.2020).
- S.705 2019 — Preserving Arms Control Treaties (PACT) Act of 2019 (S.705) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/705/text> (access date: 13.12.2020).
- S.1285 2019 — SAVE Act (S.1285) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1285/text> (access date: 13.12.2020).
- S.1790 2019 — National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 (S.1790) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (access date: 15.12.2020).

- S.2394 2019 — Richard G. Lugar and Ellen O. Tauscher Act to Maintain Limits on Russian Nuclear Forces (S.2394) [Electronic resource] // Congress.gov. 2019. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/2394/text> (access date: 13.12.2020).
- Senate and House elections 2020 — Senate and House elections 2020: full results for Congress [Electronic resource] / A. Voce, N. Kommenda, A. Leach et al. // The Guardian. 09.11.2020. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2020/nov/09/senate-and-house-elections-2020-full-results-for-congress> (access date: 11.12.2020).
- The Senate Powersharing Agreement 2006 — The Senate Powersharing Agreement of the 107th Congress (2001-2003): Key Features [Electronic resource]. Washington : Congressional Research Service, 2006. 9 p. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20061227_RS20785_c2a33ed96b4cd522a2130c1b25f2bf6b7661eeab.pdf (access date: 14.12.2020).
- Treaties and Other International Agreements 2001 — Treaties and Other International Agreements: The Role of the United States Senate : A Study Prepared for the U. S. Senate Committee on Foreign Relations by the Congressional Research Service [Electronic resource]. Washington : U. S. Government Printing Office, 2001. 448 p. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CPRT-106SPRT66922/pdf/CPRT-106SPRT66922.pdf> (access date: 14.12.2020).
- Troy 2015 — Troy T. Reclaiming the Congressional Hearing [Electronic resource] // National Affairs. 2015. URL: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/reclaiming-the-congressional-hearing> (access date: 14.12.2020).
- U. S. Constitution 1787 — Constitution of the United States. 1787 [Electronic resource] // United States Senate. URL: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (access date: 11.12.2020).
- US Election 2020 — US Election 2020: Battle for US Senate to be decided in January [Electronic resource] // BBC News. 07.11.2020. URL: <https://www.bbc.com/news/amp/election-us-2020-54835724> (access date: 11.12.2020).
- US election results 2020 — US election results 2020: Joe Biden's defeat of Donald Trump [Electronic resource] / N. Kommenda, A. Voce, F. Hulley-Jones et al. // The Guardian. 21.11.2020. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2020/nov/21/us-election-results-2020-joe-biden-defeats-donald-trump-to-win-presidency> (access date: 11.12.2020).
- U. S. Senate Glossary 2020 — U. S. Senate Glossary [Electronic resource] // United States Senate. 2020. URL: https://www.senate.gov/reference/glossary_term/executive_business.htm (access date: 12.12.2020).
- Wolf 2007 — Wolf A. Congress and U.S. Nuclear Weapons: Review and Oversight of Policies and Programs // The Nonproliferation Review. 2007. Vol. 14. No. 3. P. 499–516. DOI: 10.1080/10736700701611779.
- Zengerle 2021 — Zengerle P. U. S. Senate moves toward confirming Biden cabinet nominees [Electronic resource] // Reuters. 14.01.2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-cabinet/us-senate-moves-toward-confirming-biden-cabinet-nominees-idUSKBN29J00Y> (access date: 14.01.2021).

References

- “About the Senate Committee System” (2020), *United States Senate*, available at: https://www.senate.gov/general/common/generic/about_committees.htm (accessed 11 December 2020).
- Amadeo, K. (2019), “Federal Budget Process: Nine Steps in Creating the Federal Budget”, *The Balance*, 13 March, available at: <https://www.thebalance.com/federal-budget-process-3305781> (accessed 14 December 2020).
- Armstrong, C. and Wooten, T. (2021), “The Senate Power-Sharing Agreement for the 117th Congress”, *jdSupra*, 10 February, available at: <https://www.jdsupra.com/legalnews/the-senate-power-sharing-agreement-for-1612586/> (accessed 05 March 2021).

- Baklitskii, A. (2020), "Will U.S. Election Herald the Return of Arms Control?", *Carnegie Moscow Center*, 30 October, available at: <https://carnegie.ru/commentary/83079> (accessed 11 December 2020) (in Russian).
- Biden, J. and Carpenter, M. (2018), "How to Stand Up to the Kremlin: Defending Democracy Against Its Enemies", *Foreign Affairs*, January/February, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2017-12-05/how-stand-kremlin> (accessed 11 December 2020).
- "Biden Political Appointee Tracker" (2021), *The Washington Post*, available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2020/biden-appointee-tracker/> (accessed 06 March 2021).
- "Biden says Russia key threat to US" (2020), *TASS: Russian News Agency*, 26 October, available at: <https://tass.com/world/1216217> (accessed 11 December 2020).
- "Committees of the U. S. Congress" (2020), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/committees> (accessed 11 December 2020).
- "Congressional-executive agreement" (2020), *Encyclopaedia Britannica*, available at: <https://www.britannica.com/topic/congressional-executive-agreement> (accessed 15 December 2020).
- Constitution of the United States* (1787), United States Senate, available at: https://www.senate.gov/civics/constitution_item/constitution.htm (accessed 11 December 2020).
- Demirjian, K., Leonnig, C., Kane, P. and Davis, A. (2021), "Inside the Capitol siege: How barricaded lawmakers and aides sounded urgent pleas for help as police lost control", *The Washington Post*, 09 January, available at: https://www.washingtonpost.com/politics/inside-capitol-siege/2021/01/09/e3ad3274-5283-11eb-bda4-615aaefd0555_story.html (accessed 11 January 2021).
- Desilver, D. (2018), "Congress has long struggled to pass spending bills on time", *Pew Research Center*, 16 January, available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2018/01/16/congress-has-long-struggled-to-pass-spending-bills-on-time/> (accessed 14 December 2020).
- Everett, B. (2021), "Anti-filibuster liberals face a Senate math problem", *Politico*, 09 March, available at: <https://www.politico.com/news/2021/03/09/anti-filibuster-liberals-senate-474729> (accessed 12 March 2021).
- Fahrenthold, D. and Kane, P. (2021), "What happens if the Senate is equally split after the Georgia runoffs?", *The Washington Post*, 05 January, available at: https://www.washingtonpost.com/politics/senate-georgia-runoff-power/2021/01/05/04bc8cd8-4f7f-11eb-b96e-0e54447b23a1_story.html (accessed 12 January 2021).
- "Georgia Senate Runoff Election Results" (2021), *The New York Times*, 05 January, available at: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/01/05/us/elections/results-georgia-runoffs.html> (accessed 12 January 2021).
- Halperin, M. and Clapp, P. (2006), *Bureaucratic Politics and Foreign Policy*, 2nd ed., Brookings Institution Press, Washington, 400 p.
- "Hearings in the U. S. Senate: A Guide for Preparation and Procedure" (2010), *EveryCRSReport.com*, 18 March, available at: https://www.everycrsreport.com/reports/RL30548.html#_Toc256754266 (accessed 12 December 2020).
- Heitshusen, V. (2020), *Introduction to the Legislative Process in the U. S. Congress*, Congressional Research Service, Washington, 15 p., available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R42843> (accessed 13 December 2020).
- Hold the LYNE Act (H.R.1086) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1086/text> (accessed 13 December 2020).
- Hold the LYNE Act (S.401) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/401/text> (accessed 13 December 2020).
- "Joe Biden Biography" (2020), *Biography*, available at: <https://www.biography.com/political-figure/joe-biden> (accessed 11 December 2020).
- Kirgis, F. (1997), "International Agreements and U. S. Law", *American Society of International Law*, 27 May, available at: <https://www.asil.org/insights/volume/2/issue/5/international-agreements-and-us-law> (accessed 13 December 2020).

- Klein, E. (2020), "The definitive case for ending the filibuster", *Vox*, 01 October, available at: <https://www.vox.com/21424582/filibuster-joe-biden-2020-senate-democrats-abolish-trump> (accessed 13 December 2020).
- Kommenda, N., Voce, A., Hulley-Jones, F., Leach, A. and Clarke, S. (2020), "US election results 2020: Joe Biden's defeat of Donald Trump", *The Guardian*, 21 November, available at: <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2020/nov/21/us-election-results-2020-joe-biden-defeats-donald-trump-to-win-presidency> (accessed 11 December 2020).
- Mulligan, S. (2018), *International Law and Agreements: Their Effect upon U. S. Law*, Congressional Research Service, Washington, 39 p., available at: <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL32528.pdf> (accessed 11 December 2020).
- National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 (S.1790) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1790/text> (accessed 15 December 2020).
- National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021 (H.R.6395) (2020), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/6395/all-actions> (accessed 14 December 2020).
- Panfilov, A. (1999), *Kontrol'nye mehanizmy Kongressa SShA v oblasti voennogo bjudzheta, доклад № 6* [U. S. Congress Control Mechanisms in Military Budget, report no. 6], PIR Center, Moscow, 29 p. (in Russian).
- Peters, J. (2013), "In Landmark Vote, Senate Limits Use of the Filibuster", *The New York Times*, 22 November, available at: <https://www.nytimes.com/2013/11/22/us/politics/reid-sets-in-motion-steps-to-limit-use-of-filibuster.html> (accessed 14 December 2020).
- Preserving Arms Control Treaties (PACT) Act of 2019 (S.705) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/705/text> (accessed 13 December 2020).
- Prevention of Arms Race Act of 2019 (H.R.1231) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/1231/text> (accessed 13 December 2020).
- Prevention of Arms Race Act of 2019 (S.312) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/312/text> (accessed 13 December 2020).
- Reif, K. and Bugos, S. (2021), "U.S., Russia Extend New START for Five Years", *Arms Control Association*, March, available at: <https://www.armscontrol.org/act/2021-03/news/us-russia-extend-new-start-five-years> (accessed 05 March 2021).
- Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2017 (H.R.669) (2017), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/669> (accessed 13 December 2020).
- Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2019 (H.R.669) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/669/text> (accessed 13 December 2020).
- Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2017 (S.200) (2017), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/200/text> (accessed 13 December 2020).
- Restricting First Use of Nuclear Weapons Act of 2019 (S.200) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/200/text> (accessed 13 December 2020).
- Richard G. Lugar and Ellen O. Tauscher Act to Maintain Limits on Russian Nuclear Forces (H.R.2529) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/2529/text> (accessed 13 December 2020).
- Richard G. Lugar and Ellen O. Tauscher Act to Maintain Limits on Russian Nuclear Forces (S.2394) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/2394/text> (accessed 13 December 2020).
- Roll Call Vote on the Nomination of Antony John Blinken, of New York, to be Secretary of State (2021), *United States Senate*, available at: https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=117&session=1&vote=00007 (accessed 05 March 2021).
- Roll Call Vote on the Nomination of Jennifer Mulhern Granholm, of Michigan, to be Secretary of Energy (2021), *United States Senate*, available at: https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=117&session=1&vote=00066 (accessed 05 March 2021).

- Roll Call Vote on the Nomination of Lloyd James Austin, of Georgia, to be Secretary of Defense (2021), *United States Senate*, available at: https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=117&session=1&vote=00005 (accessed 05 March 2021).
- SAVE Act (S.1285) (2019), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1285/text> (accessed 13 December 2020).
- The Senate Powersharing Agreement of the 107th Congress (2001-2003): Key Features* (2006), Congressional Research Service, Washington, 9 p., available at: https://www.everycrsreport.com/files/20061227_RS20785_c2a33ed96b4cd522a2130c1b25f2bf6b7661eeab.pdf (accessed 14 December 2020).
- To establish the policy of the United States regarding the no-first-use of nuclear weapons (H.R.4415) (2017), *Congress.gov*, available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/4415/text> (accessed 13 December 2020).
- Treaties and Other International Agreements: The Role of the United States Senate, A Study Prepared for the U. S. Senate Committee on Foreign Relations by the Congressional Research Service* (2001), U. S. Government Printing Office, Washington, 448 p., available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CPRT-106SPRT66922/pdf/CPRT-106SPRT66922.pdf> (accessed 14 December 2020).
- Troy, T. (2015), “Reclaiming the Congressional Hearing”, *National Affairs*, available at: <https://www.nationalaffairs.com/publications/detail/reclaiming-the-congressional-hearing> (accessed 14 December 2020).
- “US Election 2020: Battle for US Senate to be decided in January” (2020), *BBC News*, 07 November, available at: <https://www.bbc.com/news/amp/election-us-2020-54835724> (accessed 11 December 2020).
- “U. S. Senate Glossary” (2020), *United States Senate*, available at: https://www.senate.gov/reference/glossary_term/executive_business.htm (accessed 12 December 2020).
- Voce, A., Kommenda, N., Leach, A., Hulley-Jones, F. and Clarke, S. (2020), “Senate and House elections 2020: full results for Congress”, *The Guardian*, 09 November, available at: <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2020/nov/09/senate-and-house-elections-2020-full-results-for-congress> (accessed 11 December 2020).
- Woolf, A. (2007), “Congress and U.S. Nuclear Weapons: Review and Oversight of Policies and Programs”, *The Nonproliferation Review*, vol. 14, no. 3, pp. 499–516. DOI: 10.1080/10736700701611779.
- Zengerle, P. (2021), “U. S. Senate moves toward confirming Biden cabinet nominees”, *Reuters*, 14 January, available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-biden-cabinet/us-senate-moves-toward-confirming-biden-cabinet-nominees-idUSKBN29J00Y> (accessed 14 January 2021).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 31.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 23.07.2021

Информация об авторах

Михайленко Екатерина Борисовна
кандидат исторических наук, доцент
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: earslanova@urfu.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-3876-9080

Синицына Елена Игоревна
аспирант по политическим наукам
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: sinitsyna-elena@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0001-7221-8795

Information about authors

Mikhaylenko, Ekaterina Borisovna
Cand. Sci. (History), Associate Professor
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: earslanova@urfu.ru
Author's ORCID: 0000-0002-3876-9080

Sinitsyna, Elena Igorevna
PhD Candidate in Political Science
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg, 620083 Russia
E-mail: sinitsyna-elena@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0001-7221-8795

DOI 10.15826/koinon.2021.02.2.024

УДК 327.37: 355.019.1(540:549.1) + 341.678

INDIA-PAKISTAN BILATERAL NUCLEAR ARMS CONTROL SYSTEM AND ITS PRACTICAL IMPLEMENTATION: A PAKISTANI VIEW

A. Yu. Pavlov

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

M. Kamyssov

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract: Traditionally, the term nuclear arms control is strongly associated with the Nuclear Nonproliferation Treaty or Russian-American bilateral agreements. Besides the US-Russia regime, there is at least one more interesting case in the world, which certainly deserves attention — a specific case of India-Pakistan relations in this field. These two countries had to interact in a very peculiar regional and bilateral context, and thus they have formulated their specific understanding of basic concepts of nuclear arms control. The world's current situation is developing towards revising nuclear arms control mechanisms and possible expansion of multilateral formats of arms control negotiations. Although these states possess nuclear weapons, they are outside the current nuclear non-proliferation regime. Yet, Pakistan and India could be potentially involved in the extended format of the debate. So, the understanding of their bilateral practices addressing nuclear arms control mechanisms is necessary for the initiation of a constructive discussion with them. The measures taken by the two Governments are not regarded as arms control in the classical Western approach to research in this field. Still, the authors suppose reviewing the Pakistani attempts to establish the peculiar South Asian bilateral nuclear arms control between India and Pakistan.

Keywords: Nuclear arms control, Pakistan, India, non-proliferation, bilateral relations.

For citation: Pavlov, A. Yu. and Kamyssov, M. (2021), "India-Pakistan Bilateral Nuclear Arms Control System and Its Practical Implementation: a Pakistani View", *Koinon*, vol. 2, no. 2, pp. 224–236. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.024

ДВУСТОРОННЯЯ СИСТЕМА КОНТРОЛЯ НАД ЯДЕРНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И ПАКИСТАНОМ И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ: ВЗГЛЯД ПАКИСТАНА

А. Ю. Павлов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

М. Камысов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Традиционно термин «контроль над ядерными вооружениями» прочно ассоциируется с Договором о нераспространении ядерного оружия или двусторонними российско-американскими соглашениями. Однако, помимо американско-российского режима, в мире существует по меньшей мере еще один прецедент, безусловно заслуживающий внимания — индийско-пакистанские отношения в этой сфере. Этим двум странам приходится взаимодействовать в своеобразном региональном и двустороннем контекстах, что оказывает влияние на формулирование собственного понимания ключевых концепций контроля над ядерными вооружениями. Текущая ситуация в мире развивается в направлении пересмотра механизмов контроля над ядерными вооружениями и возможного расширения диалога посредством использования многосторонних форматов. Пакистан и Индия, как государства, обладающие ядерным оружием, но находящиеся вне нынешнего режима ядерного нераспространения, могли бы быть вовлечены в расширенный формат обсуждения. Таким образом, понимание особенностей их двусторонних практик необходимо для начала конструктивного диалога с ними. Несмотря на то что меры, принимаемые правительствами двух стран, не рассматриваются как контроль над вооружениями с точки зрения классического западного подхода к исследованиям в данной области, эта статья предполагает обзор деятельности Пакистана в установлении двусторонней системы контроля над ядерными вооружениями в Южной Азии.

Ключевые слова: контроль над ядерными вооружениями, Пакистан, Индия, нераспространение, двусторонние отношения.

Для цитирования: *Pavlov A. Yu., Kamyssov M. India-Pakistan Bilateral Nuclear Arms Control System and Its Practical Implementation: a Pakistani view // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 224–236. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.2.024*

The article presents a Pakistani view on the bilateral nuclear arms control system within its relations with India. The view is based on the opinion of Pakistani experts in the domain. However, the specific feature of the examined field of studies in Pakistani is that the expert community has strong ties with the decision-makers and C2 institutions that represent either retired or active military officers or officials, deeply involved in the process. Thus, the view seems to be consolidated, but due to the ability of experts to make statements in a personal capacity, there is an opportunity to have room for a discussion.

Relations between India and Pakistan are pregnant with multiple problems that have been gradually developing since their independence in 1947. The conflicting nature of the bilateral relationship provoked three full-scale wars over Jammu and Kashmir and numerous border conflicts of various intensity. But the year 1974 became a benchmark date. That year a new nuclear power had emerged in South Asia when India tested a nuclear device for the first time. It was the first case in the NPT regime history, that a state, which refused to sign, ratify and obey the treaty, conducted a nuclear test. Although the nuclear explosive device was not a weapon, and the test was declared peaceful-purpose, it influenced regional security climate and severely affected regional players' national security, first and foremost — that of Pakistan. The vivid discussions began in Pakistan and the words of Pakistan then-prime minister Z. Bhutto: if India acquires nuclear status, Pakistan will have to follow suit even if it entails eating grass', got a chance to become a reality [Wolpert 1983]. Pakistan decided to go nuclear.

Twenty-five years later, in May 1998, the countries reached the point of no return, when both nations decided to demonstrate their nuclear capabilities by conducting weapons tests. It served as the ground for revising the policies that countries were pursuing to ensure national security, also providing a new opportunity for dialogue. Relations in this area have many features dictated by the unique context of development since both countries have developed their nuclear weapons programs and their doctrines in their unique ways.

Nowadays, the nuclear non-proliferation regime is moving towards a crucial arms control mechanisms revision. More and more talks address the possible expansion of the arms control negotiations formats by multilateral dialogue. Thus, both India and Pakistan represent a definite point of interest as states possessing nuclear weapons but adhering to resistance to 'nuclear apartheid' staying aside from the existing regime. So, the understanding of their bilateral nuclear arms control mechanisms is necessary for launching a constructive dialogue.

India and Pakistan develop their nuclear forces and strategies in the situation of mutual hostility and distrust. That forced them to try to increase their nuclear capabilities constantly. As well as the absence of a full-fledged dialogue in the field, this is determined by the fact that, despite a long history, the military nuclear programs of both countries are only forming. And one can compare it with the uncontrolled

development of nuclear technologies in the USA and the USSR in the 40s-60s of the twentieth century [Khan Z. 2013].

These factors cause concerns not only in the region where both nations operate. They also attract the attention of experts worldwide, including Russia. Russian experts such as Alexey Arbatov, Vladimir Sotnikov and others made attempts to raise the awareness of the problems discussing the possible ways to reduce nuclear risks in the region [Ядерное противостояние 2005]. Nuclear doctrines of both states of the South Asian dyad also attract the attention of international experts [Сотников 2020; Perkovich 1999]. However, this article is mostly going to rely on South Asian literature.

At the current stage, the following factors define the context of relations between India and Pakistan in the nuclear domain:

- Common border with unresolved territorial disputes;
- Common border with China, which is also a nuclear power;
- Significant disproportion in size, population, economic and conventional military capabilities;
- Technological development imbalance in terms of early warning, space and ballistic missile defense programs;
- Strong desire to preserve and improve second-strike capabilities;
- The peculiar system of values and national risk-taking temper;
- Lack of formal dialogue, when contacts between the counterparts are represented, by large, by track 2 and 1,5 diplomacies.

The constant rivalry and conflicts between the two nations taught them to be cautious, so such a sensitive field as nuclear arms control could not remain unattended. The first attempt to reach an agreement occurred in 1988. That year the parties signed an agreement on the prohibition of attack against nuclear installations and facilities. The agreement established a common understanding of the meaning of the terms nuclear installations and facilities and prescribed to inform each other annually about the coordinates of their A-bomb facilities [Treaty on the Prohibition of Attack 1988]. Pakistan initiated these negotiations due to its deep concerns about the possible attack on its nuclear plants, as it happened when the Israeli attacked the Osirak nuclear reactor in Iraq in 1981 [Khan F. 2012]. India, in its turn, was concerned about the vulnerability of its nuclear facilities after F-16 jets were supplied to Pakistan by the USA [Khan F. 2010]. The agreement granted both countries some kind of assurance against a surprise attack on the nuclear facilities or attacks on them in case of war [French 2019].

The next and the largest in terms of significance attempt took place in February 1999. By that moment, both countries openly demonstrated their nuclear capabilities and started to reshape their security policies incorporating atomic weapons. The Lahore Declaration accompanied by the Memorandum of Understanding became the first step of rapprochement, which became possible thanks to Indian

and Pakistani prime ministers' efforts, both of whom represented democratically elected leaders, A. Vajpayee and N. Sharif, respectively. The declaration became the first formal document, which directly addressed the issue of Indian-Pakistani nuclear arms control. The states agreed to:

Intensify their efforts to resolve security issues, first and foremost the issue of Jammu and Kashmir;

- Intensify their bilateral dialogue;
- Take measures to reduce nuclear risks;
- To discuss concepts and confidence-building measures within nuclear and conventional domains to prevent conflicts;
- To combat terrorism [The Lahore Declaration 1999].

The memorandum's text reinforced the provisions of the declaration but did not have a legally binding character. Thus, it became a kind of a list of recommendations which India and Pakistan agreed to follow. The text of the memorandum supposed that India and Pakistan shall:

- Establish bilateral consultation groups, discussing conventional and nuclear weapons-related issues;
- Establish a system of ballistic missile flight tests notification, having a bilateral agreement as a foundation;
- Establish measures, reducing nuclear risks through notifications and information exchange;
- Sustain their unilateral moratoriums on the nuclear tests, unless the supreme interests of the countries are not jeopardized;
- Establish and maintain Confidence Building Measures [Memorandum of Understanding 1999].

This initial dialogue could become a good foundation for further improvements in regional stability. Still, the instability of the Pakistani political system and disagreement between Pakistani prime minister N. Sharif and Chief of army staff and Chairman Joint Chiefs P. Musharraf provoked the conflict known as Kargil War in May 1999. This clash significantly undermined Indo-Pakistani relations (official Islamabad denied its participation in the conflict). Later General Musharraf organized a coup d'état overthrowing N. Sharif. The new government did not express the will to deepen the dialogue with India in the nuclear domain, thus leading the bilateral dialogue to an impasse. Since then, no significant efforts such as the Lahore declaration have been made to regulate these relations on the state level.

The lack of dialogue between the countries determined their further interaction, represented primarily by the principle of action-reaction. The two countries are constantly monitoring each other activities. Being in the 'fog of war' they try to understand the opposer's intentions, not always successfully.

Doctrinal problems represent one of the most significant issues for the two countries relations. Since the acquisition of nuclear weapons, it has become necessary to

integrate them into general national military doctrines: to define the role of atomic weapons, their place in national strategies; to construct a system of command and control; to determine the conditions of nuclear weapons use, and other significant aspects. India demonstrated a draft military nuclear doctrine in 1999 and then updated it in 2003, while its counterpart still has not presented the proposition in a documented form for several reasons.

One of the reasons might be Pakistan's intention to preserve a high level of ambiguity in its nuclear strategy making its nuclear deterrence more credible to counterbalance its inferiority in conventional forces. Pakistan does not establish a clear nuclear threshold to deny the opponent the opportunity for a potential limited conventional or sub-conventional war. At the same time, to be credible in its deterrence, the Pakistani high-ranked officials and militaries make official and unofficial statements, which helps define the basic structure of the nuclear doctrine. The domestic and international political turbulence in the late 1990s — early 2000s also played an important role. According to some sources, the nuclear doctrine was ready to be presented in winter 1999. Unfortunately, the conflict between India and Pakistan in Kargil forced the government to postpone it, thus avoiding further escalation. After that, in August the same year, India presented its Draft Nuclear Doctrine and Islamabad decide not to show the Pakistani one not to be associated with tit for tat approach towards India. The following updated version of doctrine was ready to be publicly presented in 2001, but the 9/11 event again created an unfavourable context for its announcement. The disclosure of Abdul Qadir Khan's nuclear technology proliferation network, the ongoing war in Afghanistan, and internal political fluctuations were the main reasons for keeping the nuclear doctrine secret later. However, deliberate ambiguity is considered now the most efficient option to ensure deterrence [Salik 2016].

Another issue is that the two countries did not develop a shared system of terms and concepts that could facilitate the dialogue and the arms control process itself. Although both countries declared their adherence to the principle of minimum credible deterrence, both parameters, "minimal" and "credible", are not clearly defined by either party, adding to the existing ambiguity. The Pakistani perception is easier-understandable, and Pakistan without nuclear weapons cannot counterbalance its competitor's superiority in conventional weapons. The Indian position raises more questions. India confronts two nuclear-weapon states, Pakistan and China. It further complicates applying the concept of minimum credible deterrence. The weapons available to India are not "minimal" regarding Pakistan, and "credible" enough regarding China, which deepens the distrust, giving Pakistan reasons to claim that India violates the principles declared by the doctrine [Sultan 2018].

The lack of uniformity in the classification of nuclear weapons also introduces specific difficulties in relations. The entire atomic potential of India, following the existing discourse, is considered strategic and aimed exclusively at deterring

a potential adversary. And the principle of 'no first use' reflected in the doctrine dictates it. Due to the uncertainty of its proposition, Pakistan is silent about the possibility of using nuclear weapons first. However, it quite openly classifies the available arsenal as strategic and tactical, envisaging the option to use it as a means of warfare in case of extremal need [Lavoy 2008].

The issue of the "urgent need" has particular importance. The Indian Proactive Operations Doctrine, also known as the Cold Start Doctrine, is one of the main issues in Indo-Pakistani strategic relations. This doctrine supposes the establishment and deployment of eight mobile groups capable of being used in a limited war to penetrate Pakistani territory and destroy the objects of its nuclear infrastructure in case of war. The Indian think tanks designed that strategy to deprive Pakistan of the ability to exercise atomic retaliation. It is a violation of the 1988 non-aggression agreement, in Pakistan's opinion. The doctrine was kept secret by India for a long time, and officials completely denied its existence until 2017, when the Chief of Staff of the Army, General B. Rawat, admitted its actual presence [Unnithan 2017]. After that, Pakistan started to accuse India of provocation and a desire to take advantage of conventional superiority to unleash a limited war. As a matter of response in this area, Pakistan has developed a tactical short-range ballistic missile Hatf IX (Nasr) capable of carrying a nuclear warhead with a yield of 0.5–5 kilotons. The missile is presented as a counterweight that can be used on the battlefield to protect Pakistani nuclear facilities [Shukla 2017]. Despite the declared tactical character of the missile, it contributes to the credibility of Pakistani deterrence, preventing India from a conventional attack.

India defines the 'No first use' as a fundamental of its nuclear posture while having 1,237 million troops versus the Pakistani army of 560 thousand people. It presents significant conventional superiority, allowing one to rely on it in case of conflict without using nuclear weapons [The Military Balance 2020]. This is why Pakistan tends to rely on its nuclear forces, reserving the possibility to use its nuclear weapons first. Nevertheless, it is necessary to take into account, that under its nuclear doctrine, released in 2003 India adheres to the massive retaliation strategy, planning to use all strategic nuclear forces in case of an atomic, chemical or biological attack against Indian troops inside or outside India [Government of India, 2003]. However, this raises skepticism on the part of Pakistan, which views a massive retaliation scenario as unlikely in response to the limited use of tactical nuclear weapons. And it also undermines the "credibility" of Indian deterrence.

The above-described case is a good illustration of the action-reaction principle of India-Pakistani relations in the nuclear arms control domain, given the absence of a dialogue between the governments. Strategists and intelligence services of both countries permanently monitor each other initiatives and activities to respond effectively to the new challenges without direct contact. However, it is not the only possible way to interact in the field, even in the existing circumstance of high-degree

mutual distrust. One of the alternatives is implementing some confidence-building measures to decrease mistrust and create a favourable environment for further cooperation.

Some might define confidence-building measures (CBM) as ‘planned procedures to prevent hostilities, to avert escalation, to reduce military tension, and to build mutual trust between countries’ [French 2019]. Throughout the 70-year-long history of their relations, India and Pakistan had some experience of confidence-building measures development. The aftermath of the third Indo-Pakistani war of 1971 was a hotline between Indian and Pakistani directors-general of military operations as a backchannel for further crisis resolution and the Simla Accord, containing the provision of non-interference in one another affairs and non-use of force [French 2019]. The 1988 Agreement on the Non-Attack of Nuclear Facilities is also considered a military CBM, which opened the way to some non-military measures, such as the Cultural Cooperation Agreement and the establishment of the crisis hotline between Indian and Pakistani prime ministers.

After the 1998 nuclear tests, the two countries realized the necessity to negotiate, but still, the level of distrust was too high, which could not allow full-scale cooperation. The Lahore Declaration and Memorandum of Understanding (MOU) were designed to set up a ground for more concrete measures. Even though the Kargil War significantly undermined the prospects for negotiations and the coup d’état in Pakistan, the two countries understood the need to bring more clarity to the general atmosphere of uncertainty in the nuclear weapons-related field.

The first significant measure in the nuclear domain designed to prevent the fading of the Lahore agreement was the agreement on pre-notification of ballistic missile flight tests, which included a direct reference to MOU in its preamble [Memorandum of Understanding 1999]. The agreement aims to ease the tension in the border areas: to ‘prevent misunderstandings and misinterpretations and promote a stable environment of peace and security between the two countries, by early notifications about flight tests of land, sea, surface-to-surface ballistic missiles. The agreements also prescribed the territories where the tests can take place and established limitations on trajectories of the ballistic missiles so that they would not cross the borderline or the Control Line established in Kashmir [Agreement on pre-notification 2005].

This agreement helped to decrease the probability of escalation in a conflict that can be caused by a misperception of a missile flight test as an attack by any party. Its significance is crucial due to the geographical proximity of the parties.

The 2007 Agreement on Reducing the Risk from Accidents Relating to Nuclear Weapons became the next one and the last attempt to reach an agreement in the nuclear arms control domain. Again, its preamble refers to the spirit of the 1999 MOU between the parties [Agreement on Reducing the Risk 2007]. The agreement was designed to encourage the parties to enhance nuclear security

and safety on the related facilities to avoid situations, which could provoke radioactive catastrophe or other acts, able to cause an outbreak of nuclear war between the parties [Agreement on Reducing the Risk 2007]. It also envisaged the exchange of notifications through hotline links established between the Foreign Secretaries and Directors General of Military Operations and set up the procedure of consultations. The term was five years, with the opportunity to be extended for another five years, so it was renewed in 2012 and 2017.

It is possible to see that the described measures taken in the field do not restrict any development, production or deployment of nuclear weapons. Most of them are non-binding as there is no political will to limit somehow A-and-H-bombs. Thus, confidence-building measures first and foremost contribute to reducing the risk of war and establishing some additional communication channels. Unfortunately, no country uses them actively.

Pakistan tends to be more proactive in the field. There are several reasons for it. The main is a disparity in economic development. Pakistan tries not to be involved in an uncontrolled nuclear weapons arms race with India. Pakistan made various offers to India, ranging from a nuclear-weapons-free zone in South Asia to joint inspections and limitations of the certain technologies development and deployment of some weapons systems [FAS 1998].

One of the brightest initiatives was to create a so-called “Zero Missile Zone” to limit the missile race between India and Pakistan. The initiative included the prohibition of permanent deployment of ballistic missiles, establishing an effective system of notification about missile flight-tests and restricting the development and deployment of anti-ballistic systems [Jaspal 2005]. All these measures are supposed to reduce the pace of the arms race and respective spending. India accepted only one of these propositions — the system of notifications.

Another important concept that Pakistan has been trying to promote since October 1998 is the Strategic Restraint Regime (SRR), aimed at proportionate reduction in the armed forces and peaceful resolution of all lingering disputes between India and Pakistan. According to the initiative it was supposed that India would have approximately 100 nuclear warheads, so Pakistan would follow suit, possessing a matching number of warheads [Chaudhry 2016]. India rejected this proposal because its deterrence is directed not only against Pakistan but also China. Nowadays, these conditions are not acceptable to either party. However, Pakistan sometimes recalls the old initiative with corrections. Recently there was an attempt to apply the SRR initiative to possible MIRV flight testing [Khan Z. 2019].

Summing up, it is possible to say that Indian-Pakistani relations represent a complex set of issues, with the flourishing atmosphere of mutual distrust, lacking the official dialogue between Indian and Pakistani governments. For more than two decades after the states acquired nuclear weapons, they still lack a shared conceptual basis and common language in the field, making timid attempts after a failed

rapprochement in 1999. The efforts taken by Pakistan in the area of nuclear arms control can be conditionally divided into three groups:

Fundamental initiatives aimed at laying a fundament of a future dialogue — Lahore declaration and MOU;

Propositions on confidence-building measures, designed to reduce the tension in relations with India and decrease nuclear risks — Agreement of pre-notification of ballistic missile flight tests, Agreement on Reducing the Risk from Accidents Relating to Nuclear Weapons;

Initiatives, deriving from strategic considerations, aimed at bringing India to negotiations on restraints, limitations and prohibitions of nuclear weapons — Strategic Restraint Regime, “Zero Missile Zone” Proposal, and so on.

The relations between India and Pakistan are complex. Still, they lack a crisis management experience, but the main achievements, reached by the sides by the current moment are the establishment of the backchannels for communication, adherence to the responsibilities of the reached agreements and gradual improvement of the strategic environment by confidence-building measures, which proved to be respected and extended after their expiration dates. Nevertheless, the steps taken are not enough to classify the existing relations between the two countries as an efficient arms control regime. But these measures altogether might be considered as a certain arms control system from the South Asian perspective.

References

- Agreement between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan on Pre-Notification of Flight Testing of Ballistic Missiles (Islamabad, 3 October)* (2005), Ministry of External Affairs of the Republic of India, available at: <http://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/PA05B0591.pdf> (accessed 26 December 2020).
- Agreement between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan on Reducing the Risk from Accidents Relating to Nuclear Weapons (New Delhi, 21 February)* (2007), Ministry of External Affairs of the Republic of India, available at: <https://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/PA07B0425.pdf> (accessed 26 December 2020).
- Agreement on the Prohibition of Attack Against Nuclear Installations and Facilities between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan (Islamabad, 31 December)* (1988), Ministry of External Affairs of the Republic of India, available at: <https://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/PAB1232.pdf> (accessed 26 December 2020).
- Arbatov, A. and Chufrin, G. (2005), *Yadernoe protivostoyanie v Yuzhnoi Azii* [Nuclear confrontation in South Asia], Carnegie Moscow Center, Moscow, available at: <https://carnegieendowment.org/files/9328arbatov21.pdf> (accessed 26 December 2020) (in Russian).
- Chaudhry, S. (2016), “Strategic Restraint”, *The News International*, 11 March, available at: <https://www.thenews.com.pk/print/104353-Strategicrestraint> (accessed 27 December 2020).
- French, R. W. (2019), “Constructing Cooperation: A New Approach to Confidence Building between India and Pakistan”, *The Round Table*, vol. 108, no. 2, pp. 121–144. DOI: 10.1080/00358533.2019.1591767.
- Jaspal, Z. N. (2005), “Arms Control: Risk Reduction Measures Between India and Pakistan”, *SASSU Research Paper*, no. 1, June, 28 p., available at: <https://www.files.ethz.ch/isn/99910/RP%20No%2001.pdf> (accessed 27 December 2020).

- Khan, F. H. (2010), "Prospects for Indian and Pakistani Arms Control and Confidence-Building Measures", *Naval War College Review*, vol. 63, no. 3, pp. 105–121, DOI: 10.1080/00358533.2019.1591767.
- Khan, F. H. (2012), *Eating grass: the making of the Pakistani bomb*, Stanford University Press, Stanford, California, 550 p.
- Khan, Z. (2013), "Pakistan's Policy of Arms Control and Disarmament: A Call for an Arms Control Regime in South Asia", *Defence Studies*, vol. 13, no. 1, pp. 56–79. DOI: 10.1080/14702436.2013.774965.
- Khan, Z. (2019), "Enact a restraint regime on MIRV Flight Testing in South Asia", *South Asian Voices*, 06 June, available at: <https://southasianvoices.org/enact-a-restraint-regime-on-mirv-flight-testing-in-south-asia/> (accessed 27 December 2020).
- Lavoy, P. (2008), "Islamabad's Nuclear Posture: Its Premises and Implementation", in Sokolski, H. D. (ed.), *Pakistan's Nuclear Future: Worries Beyond War*, Strategic Studies Institute, Carlisle, PA, pp. 129–165.
- Memorandum of Understanding* (1999), Ministry of External Affairs of the Republic of India, available at: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_990221_Memorandum%20of%20Understanding.pdf (accessed 25 December 2020).
- "Pakistan Nuclear Weapons — A Chronology" (1998), *Federation of American Scientists*, 03 June, available at: <https://fas.org/nuke/guide/pakistan/nuke/chron.htm> (accessed 26 December 2020).
- Perkovich, G. (1999), *India's Nuclear Bomb: The Impact on Global Proliferation*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, California, 654 p.
- Salik, N. (2016), "Pakistan's Evolving Nuclear Doctrine", in Salik, N. (ed.), *Nuclear Pakistan Seeking Security & Stability*, Center for International Strategic Studies, Islamabad, pp. 49–67.
- Shukla, K. (2017), "Army Chief Says Military Must Prepare for Cold Start", *Business Standard*, 14 January, available at: https://www.business-standard.com/article/current-affairs/army-chief-says-military-must-prepare-for-cold-start-117011301174_1.html (accessed 25 December 2020).
- Sotnikov, V. I. (2020), "Comparative analysis of India's and Pakistan's nuclear doctrines", *Eastern Analytics*, no. 1, pp. 98–109 (in Russian). DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-098-109.
- Sultan, A. (2018), "India's Nuclear Doctrine: A Case of Strategic Dissonance or Deliberate Ambiguity", *IPRI Journal*, vol. 18, no. 2, pp. 26–52. DOI: 10.31945/iprij.180202.
- "The Cabinet Committee on Security Reviews operationalization of India's Nuclear Doctrine" (2003), *Government of the Republic of India. Ministry of external affairs of India*, available at: [https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/20131/The_Cabinet_Committee_on_Security_Reviews_operationalization_of_Indias_Nuclear_Doctrine#:~:text=The%20Cabinet%20Committee%20on%20Security%20\(CCS\)%20met%20today%20to%20review,be%20shared%20with%20the%20public](https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/20131/The_Cabinet_Committee_on_Security_Reviews_operationalization_of_Indias_Nuclear_Doctrine#:~:text=The%20Cabinet%20Committee%20on%20Security%20(CCS)%20met%20today%20to%20review,be%20shared%20with%20the%20public) (accessed 25 December 2020).
- The International Institute for Strategic Studies (2020), *The Military Balance*, International Institute for Strategic Studies, London, 504 p.
- The Lahore Declaration (Lahore, 2 February)* (1999), Ministry of External Affairs of the Republic of India, available at: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_990221_The%20Lahore%20Declaration.pdf (accessed 25 December 2020).
- Unnithan, S. (2017), "We will cross again", *India Today*, 4 January, available at: <https://www.indiatoday.in/magazine/interview/story/20170116-lt-general-bipin-rawat-surgical-strikes-indian-army-985527-2017-01-04> (accessed 25 December 2020).
- Wolpert, S. (1983), *Zulfi Bhutto of Pakistan: His Life and Times*, Oxford University Press, New York, 416 p.

Список литературы

Сотников 2020 — Сотников В. И. Сравнительный анализ ядерных доктрин Индии и Пакистана // Восточная аналитика. 2020. № 1. С. 98–109. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-01-098-109.

- Ядерное противостояние 2005 — Ядерное противостояние в Южной Азии [Электронный ресурс] / под ред. А. Арбатова, Г. Чуфрина. М. : Московский Центр Карнеги, 2005. URL: <https://carnegieendowment.org/files/9328arbatov21.pdf> (дата обращения: 26.12.2020).
- Agreement of pre-notification 2005 — Agreement between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan on Pre-Notification of Flight Testing of Ballistic Missiles (Islamabad, 3 October 2005) [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of the Republic of India. 2005. URL: <http://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/PA05B0591.pdf> (access date: 26.12.2020).
- Agreement on Reducing the Risk 2007 — Agreement between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan on Reducing the Risk from Accidents Relating to Nuclear Weapons (New Delhi, 21 February 2007) [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of the Republic of India. 2007. URL: <https://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/PA07B0425.pdf> (access date: 26.12.2020).
- Agreement on the Prohibition of Attack 1988 — Agreement on the Prohibition of Attack Against Nuclear Installations and Facilities between the Republic of India and the Islamic Republic of Pakistan (Islamabad, 31 December 1988) [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of the Republic of India. 1988. URL: <https://mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/PAB1232.pdf> (access date: 26.12.2020).
- Chaudhry 2016 — *Chaudhry S.* Strategic Restraint [Electronic resource] // The News International. 2016. 11 March. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/104353-Strategicrestraint> (access date: 27.12.2020).
- FAS 1998 — Pakistan Nuclear Weapons — A Chronology [Electronic resource] // FAS: Federation of American Scientists. 1998. 03 June. URL: <https://fas.org/nuke/guide/pakistan/nuke/chron.htm> (access date: 26.12.2020).
- French 2019 — *French R. W.* Constructing Cooperation: A New Approach to Confidence Building between India and Pakistan // The Round Table. 2019. Vol. 108. No. 2. P. 121–144. DOI: 10.1080/00358533.2019.1591767.
- Government of India 2003 — The Cabinet Committee on Security Reviews operationalization of India's Nuclear Doctrine [Electronic resource] // Government of the Republic of India. Ministry of external affairs of India. 2003. URL: [https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/20131/The_Cabinet_Committee_on_Security_Reviews_perationalization_of_Indias_Nuclear_Doctrine+Report+of+National+Security+Advisory+Board+on+Indian+Nuclear+Doctrine#:~:text=The%20Cabinet%20Committee%20on%20Security%20\(CCS\)%20met%20today%20to%20review,be%20shared%20with%20the%20public](https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/20131/The_Cabinet_Committee_on_Security_Reviews_perationalization_of_Indias_Nuclear_Doctrine+Report+of+National+Security+Advisory+Board+on+Indian+Nuclear+Doctrine#:~:text=The%20Cabinet%20Committee%20on%20Security%20(CCS)%20met%20today%20to%20review,be%20shared%20with%20the%20public) (access date: 25.12.2020).
- Jaspal 2005 — *Jaspal Z. N.* Arms Control: Risk Reduction Measures Between India and Pakistan [Electronic resource] // SASSU Research Paper. 2005. No. 1. June. 28 p. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/99910/RP%20No%2001.pdf> (access date: 27.12.2020).
- Khan 2010 — *Khan F. H.* Prospects for Indian and Pakistani Arms Control and Confidence-Building Measures // Naval War College Review. 2010. Vol. 63. No. 3. P. 105–121. DOI: 10.1080/00358533.2019.1591767.
- Khan 2012 — *Khan F. H.* Eating grass: the making of the Pakistani bomb. Stanford : Stanford University Press, 2012. 550 p.
- Khan 2013 — *Khan Z.* Pakistan's Policy of Arms Control and Disarmament: A Call for an Arms Control Regime in South Asia // Defence Studies. 2013. Vol. 13. No. 1. P. 56–79. DOI: 10.1080/14702436.2013.774965.
- Khan 2019 — *Khan Z.* Enact a restraint regime on MIRV Flight-Testing in South Asia [Electronic resource] // South Asian Voices. 2019. 06 June. URL: <https://southasianvoices.org/enact-a-restraint-regime-on-mirv-flight-testing-in-south-asia/> (access date: 27.12.2020).
- Lavoy 2008 — *Lavoy P.* Islamabad's Nuclear Posture: Its Premises and Implementation // Pakistan's Nuclear Future: Worries Beyond War / ed. by H. D. Sokolski. Carlisle, PA : Strategic Studies Institute, 2008. P. 129–165.
- Memorandum of Understanding 1999 — Memorandum of Understanding (Lahore, 2 February 1999) [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of the Republic of India. 1999. URL: <https://>

- peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_990221_Memorandum%20of%20Understanding.pdf (access date: 25.12.2020).
- Perkovich 1999 — *Perkovich G.* India's Nuclear Bomb: The Impact on Global Proliferation. Berkeley : Los Angeles, California : University of California Press, 1999. 654 p.
- Salik 2016 — *Salik N.* Pakistan's Evolving Nuclear Doctrine // Nuclear Pakistan Seeking Security & Stability / ed. by N. Salik. Islamabad : Center for International Strategic Studies, 2016. P. 49–67.
- Shukla 2017 — *Shukla A.* Army Chief Says Military Must Prepare for Cold Start [Electronic resource] // Business Standard. 2017. 14 January. URL: https://www.business-standard.com/article/current-affairs/army-chief-says-military-must-prepare-for-cold-start-117011301174_1.html (access date: 25.12.2020).
- Sultan 2018 — *Sultan A.* India's Nuclear Doctrine: A Case of Strategic Dissonance or Deliberate Ambiguity // IPRI Journal. Vol. 18. No. 2. P. 26–52. DOI: 10.31945/iprij.180202.
- The Lahore Declaration 1999 — The Lahore Declaration (Lahore, 2 February 1999) [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of the Republic of India. 1999. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/IN%20PK_990221_The%20Lahore%20Declaration.pdf (access date: 25.12.2020).
- The Military Balance 2020 — The Military Balance. London : International Institute for Strategic Studies, 2020. 504 p.
- Unnithan 2017 — *Unnithan S.* 'We will cross again' [Electronic resource] // India Today. 2017. 4 January. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/interview/story/20170116-lt-general-bipin-rawat-surgical-strikes-indian-army-985527-2017-01-04> (access date: 25.12.2020).
- Wolpert 1983 — *Wolpert S.* Zulfi Bhutto of Pakistan: His Life and Times. New York : Oxford University Press, 1983. 416 p.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 23.03.2021
Принята к публикации / Accepted: 23.07.2021

Информация об авторах

Павлов Андрей Юрьевич
 доктор исторических наук, профессор
 Санкт-Петербургский государственный
 университет
 190121, Россия, Санкт-Петербург, ул.
 Галерная, 58-60
 E-mail: apavlov@inbox.ru
 Авторский ORCID: 0000-0002-1095-4022

Камысов Максат
 магистр международных отношений
 Санкт-Петербургский государственный
 университет
 190121, Россия, Санкт-Петербург, ул.
 Галерная, 58-60
 E-mail: 19_05_maks@mail.ru
 Авторский ORCID: 0000-0003-2411-0557

Information about authors

Pavlov, Andrei Yur'evich
 D. Sci. (History), Professor
 St.-Petersburg State University
 58-60 Galernaya St., Saint Petersburg,
 190121 Russia
 E-mail: apavlov@inbox.ru
 Author's ORCID: 0000-0002-1095-4022

Kamyssov, Maksat
 Master's degree in International Relations
 St.-Petersburg State University
 58-60 Galernaya St., Saint Petersburg,
 190121 Russia
 E-mail: 19_05_maks@mail.ru
 Author's ORCID: 0000-0003-2411-0557

Научное издание

KOINON

2021. Т. 2. № 2

Редакторы	<i>С. В. Фельдман</i> <i>А. В. Соловьева</i>
Редактор перевода	<i>Н. Н. Шабалова</i>
Компьютерная верстка	<i>Л. А. Хухаревой</i>

Свободная цена

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78124 от 13.03.2020
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Дата выхода в свет 11.10.2021. Формат 70 × 100 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 19,34. Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ 236.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.

620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>